

NARXOZ
UNIVERSITY

ISSN 2789-4398
e-ISSN 2789-4401

CENTRAL
ASIAN
ECONOMIC
REVIEW

CENTRAL ASIAN
ECONOMIC REVIEW
VOLUME 2 (149)

2023

Central Asian Economic Review

Журнал Қазақстан Республикасының
Ақпарат және коммуникация
министрлігінде тіркелген

Қуәлік № 16353-Ж
23.02.2017 ж.

№2 (149) 2023
1996 жылдан бастап
шыға бастады

Негізін қалаушы
«Нархоз Университеті» КеАҚ
ISSN 2789-4398
e-ISSN 2789-4401

«Нархоз Университеті» КеАҚ Central Asian Economic Review ғылыми-редакциялық кеңесі

РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕС

Бас редактор Святов С.А.	–	экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Редактордың орынбасары Арыстанбаева С.С.	–	экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Адамбекова А.А.	–	экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Байтенова Л.М.	–	экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Сейтказиева А. М.	–	экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Смағұлова Ш.А.	–	экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Өмірзақов С. Ы.	–	экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Каршалова А.	–	Ph.D., қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Раимжанова А.Ж.	–	Ph.D., қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Турсыбек А.Қ.	–	Ғылыми зерттеулер бөлімінің аға координаторы, журналдың техникалық редакторы, Нархоз Университеті

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ

Бас редактор Святов С. А.	–	экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Бас редактор орынбасары Арыстанбаева С. С.	–	экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Адамбекова А.А.	–	экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Байтенова Л.М.	–	экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Кантарбаева Ш.М.	–	экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Сейтказиева А.М.	–	экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Симанавичене Ж.	–	экономика ғылымдарының докторы, профессор, Munksgaard Университеті
Смағұлова Ш.А.	–	экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Умирзақов С.Ы.	–	экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Абенова Е.А.	–	педагогика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Акимов А.	–	PhD, профессор, Griffith Business School
Баймағамбетова Л.К.	–	экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз Университеті
Браувайлер К.	–	PhD, профессор, West Saxon University of Zwickau
Дюсембекова Ж.М.	–	экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Елшибаев Р.К.	–	экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз Университеті
Исабаев М.	–	Ph.D., зерттеуші-профессор, Нархоз Университеті
Каршалова А.	–	Ph.D., қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Ким Д.	–	PhD, зерттеуші-профессор, Нархоз Университеті
Кожамет С.	–	Ph.D., зерттеуші-профессор, Нархоз Университеті
Медени Т.	–	PhD, профессор, Ankara Yildirim Beyazit University
Рузиева Э.	–	экономика ғылымдарының кандидаты, зерттеуші-профессор, Нархоз Университеті
Рыскулова М.М.	–	экономика ғылымдарының кандидаты, зерттеуші-профессор, Нархоз Университеті
Сарсенбаева А.Ж.	–	«Фортуна Полиграф» Баспасы» ЖШС бас директоры, журналдың жауапты редакторы
Турсыбек А.Қ.	–	Ғылыми-зерттеулер бөлімінің аға координаторы, журналдың техникалық редакторы, Нархоз Университеті

Central Asian Economic Review

Журнал зарегистрирован в
Министерстве информации и
коммуникаций Республики Казахстан

Свидетельство № 16353-Ж
23.02.2017 г.

№2 (149) 2023

Издается с 1996 года

Учредитель
НАО «Университет Нархоз»
ISSN 2789-4398
e-ISSN 2789-4401

Редакционный совет Central Asian Economic Review НАО «Университет Нархоз»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор Святов С. А.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Заместитель главного редактора Арыстанбаева С. С.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Адамбекова А. А.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Байтенова Л. М.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Сейтказиева А. М.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Смагулова Ш. А.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Умирзаков С. Ы.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Каршалова А.	–	<i>Ph.D., ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
Раимжанова А. Ж.	–	<i>Ph.D., ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
Турсыбек А. Қ.	–	<i>старший координатор Отдела НИР, технический редактор журнала, Университет Нархоз</i>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Святов С. А.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Заместитель главного редактора Арыстанбаева С. С.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Адамбекова А. А.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Байтенова Л. М.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Кантарбаева Ш. М.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Сейтказиева А. М.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Симанавичене Ж.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Mykolas Romeris</i>
Смагулова Ш. А.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Умирзаков С. Ы.	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Абенова Е. А.	–	<i>кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
Акимов А.	–	<i>PhD, профессор, Griffith Business School</i>
Баймагамбетова Л. К.	–	<i>кандидат экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Браувайлер К.	–	<i>PhD, профессор, West Saxon University of Zwickau</i>
Дюсембекова Ж. М.	–	<i>кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
Елшибаев Р. К.	–	<i>кандидат экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Исабаев М.	–	<i>Ph.D., профессор-исследователь, Университет Нархоз,</i>
Каршалова А.	–	<i>Ph.D., ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
Ким Д.	–	<i>PhD, профессор-исследователь, Университет Нархоз</i>
Кожамет С.	–	<i>Ph.D., профессор-исследователь, Университет Нархоз</i>
Медени Т.	–	<i>PhD, профессор, Ankara Yildirim Beyazit University</i>
Рузиева Э.	–	<i>кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
Рыскулова М. М.	–	<i>кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
Сарсенбаева А. Ж.	–	<i>генеральный директор ТОО «Издательство «Фортуна Полиграф», ответственный редактор журнала</i>
Турсыбек А. Қ.	–	<i>старший координатор Отдела НИР, технический редактор журнала, Университет Нархоз</i>

Central Asian Economic Review

This Journal is Registered in the Ministry
of Information and Communication of
The Republic of
Kazakhstan

Document №16353-Ж
23.02.2017 year

Volume 2 No. (149) 2023

*The journal has been published
since 1996*

The Founder
NP JSC «Narxoz University»

ISSN 2789-4398
e-ISSN 2789-4401

Editorial Board Central Asian Economic Review NP JSC «Narxoz University»

EDITORIAL COUNCIL

Chief Editor Svyatov S.A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Deputy Chief Editor Arystanbayeva S. S.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Adambekova A. A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Baytenova L. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Seitkaziyeva A. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Smagulova Sh. A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Umirzakov S. Y.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Karshalova A.	–	<i>Ph.D., Associate Professor, Narxoz University</i>
Raimzhanova A. Zh.	–	<i>Ph.D., Associate Professor, Narxoz University</i>
Turysbek A. K.	–	<i>Senior Coordinator of the Research Department, Technical Editor, Narxoz University</i>

EDITORIAL BOARD

Chief Editor Svyatov S.A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Deputy Chief Editor Arystanbayeva S. S.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Adambekova A. A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Baytenova L. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Kantarbaeva Sh. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Seitkaziyeva A. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Simanavicienė Ž.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Mykolas Romeris University</i>
Smagulova Sh. A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Umirzakov S.Y.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Abenova E. A.	–	<i>Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Narxoz University</i>
Akimov A.	–	<i>Ph.D., Professor, Griffith Business School</i>
Baimagambetova L. K.	–	<i>Candidate of Economic Sciences, Professor, Narxoz University</i>
Brauweiler C.	–	<i>Ph.D., Professor, West Saxon University of Zwickau</i>
Dyussebekova Zh. M.	–	<i>Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Narxoz University</i>
Elshibaev R. K.	–	<i>Candidate of Economic Sciences, Professor, Narxoz University</i>
Issabayev M.	–	<i>Ph.D., Research Professor, Narxoz University</i>
Karshalova A.	–	<i>Ph.D., Associate Professor, Narxoz University</i>
Kim D.	–	<i>PhD, Research Professor, Narxoz University</i>
Kozhakhmet S.	–	<i>Ph.D., Research Professor, Narxoz University</i>
Medeni T.	–	<i>Ph.D., Professor, Ankara Yildirim Beyazit University</i>
Ruziyeva E.	–	<i>Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Narxoz University</i>
Ryskulova M. M.	–	<i>Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Narxoz University</i>
Sarsenbayeva A. Zh.	–	<i>General Director of Fortuna Polygraph Publishing House LLP, Executive Editor</i>
Turysbek A. K.	–	<i>Senior Coordinator of the Research Department, Technical Editor, Narxoz University</i>

МАЗМҰНЫ
СОДЕРЖАНИЕ

МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ БИЗНЕС: БАСҚАРУ ТЕОРИЯСЫ МЕН ПРАКТИКАСЫ
ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ

НОВАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: АНАЛИЗ И ПРОБЛЕМЫ
Н. Н. Батгалов, Я. А. Ералиева, Д. М. Кангалакова 6

ҰЛТТЫҚ ЭКОНОМИКА: ДАМУ БАҒЫТТАРЫ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

GENDER ROLES IN THE FISHERIES OF NORTH ARAL SEA IN KAZAKHSTAN
A. Pfeifer 20

ГЕНДЕРНЫЕ НЕРАВЕНСТВА В ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА
А. П. Авров, А. А. Исмагулова, А. А. Мусульманкулова 31

ANALYSIS OF LABOR MARKET TRENDS IN SINGLE-INDUSTRY TOWNS IN KAZAKHSTAN
Zh. M. Dyussebekova, A. A. Nurpeissova, N. A. Tovma 44

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ КАК ОСНОВА ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ИННОВАЦИЙ
А. В. Панкратова, Н. В. Никифорова, И. Г. Хан 56

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ: НАУЧНЫЙ СИНТЕЗ ОЦЕНКИ
ИССЛЕДОВАНИЙ
А. Жупарова, А. Асилова, Г. Исатаева 72

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ
К. Б. Молдашев, Г. Н. Махмеджанов 93

IMPACT OF ESG ON THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF BUSINESS
N. T. Adambekov, Zh. A. Adambekova, A. Filipowska 105

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕМБРАННОГО МЕТОДА ПОДГОТОВКИ
ПИТЬЕВОЙ ВОДЫ
А. Азимов, А. Камшыбаев, Н. Н. Исабаев 117

ИНВЕСТИЦИЯЛАР, ҚАРЖЫ ЖӘНЕ ЕСЕП
ИНВЕСТИЦИИ, ФИНАНСЫ И УЧЕТ

THE IMPACT OF FINANCIAL LITERACY AMONG KAZAKHSTANI STUDENTS ON VOLUME OF MICRO
LOANS
M. M. Mukan, G. Malik, M. Mukhametkaliyeva 129

ФИНАНСОВАЯ ИНКЛЮЗИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И КАЗАХСТАНСКИЙ КЕЙС
С. А. Святлов, Д. Ю. Бендюк 140

THE EFFECT OF THE COVID19 PANDEMIC ON THE FINANCIAL STABILITY OF THE BANKING
INDUSTRY: THE CASE OF EURASIAN ECONOMIC UNION COUNTRIES
G. Utarova, A. Faizulayev 153

ВЛИЯНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА НА СТАБИЛЬНОСТЬ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ:
АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
Д. Б. Канагатова, Н. С. Кенжеғалиева 164

CONTENT

STATE AND BUSINESS:
THEORY AND PRACTICE OF MANAGEMENT

A NEW SYSTEM OF STATE PLANNING IN KAZAKHSTAN: THE ANALYSIS AND PROBLEMS
N. Battalov, Y. Yeraliyeva, D. Kangalakova6

NATIONAL ECONOMY: DEVELOPMENT VECTORS

GENDER ROLES IN THE FISHERIES OF NORTH ARAL SEA IN KAZAKHSTAN
A. Pfeifer20

GENDER WAGE INEQUALITIES IN THE EURASIAN UNION COUNTRIES
A. P. Avrov, A. A. Ismagulova, A. A. Musulmankulova31

ANALYSIS OF LABOR MARKET TRENDS IN SINGLE-INDUSTRY TOWNS IN KAZAKHSTAN
Zh. M. Dyussebekova, A. A. Nurpeissova, N. A. Tovma44

KNOWLEDGE MANAGEMENT AS A BASIS FOR MODERN INNOVATIONS
A. V. Pankratova, N. V. Nikiforova, I. G. Khan56

EDUCATION AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF A CREATIVE ECONOMY: A SCIENTIFIC
SYNTHESIS OF RESEARCH EVALUATION
A. Zhuparova, A. Assilova, G. Isatayeva72

RETHINKING THE ROLE OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION IN THE CONDITIONS OF SANCTIONS
K. B. Moldashev, G. N. Makhmejanov93

IMPACT OF ESG ON THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF BUSINESS
N. T. Adambekov, Zh. A. Adambekova, A. Filipowska105

EVALUATION OF THE ECONOMIC EFFICIENCY OF THE MEMBRANE METHOD FOR DRINKING
WATER PREPARATION
A. Azimov, A. Kamshybayev, N. N. Isabayev.....117

INVESTMENT, FINANCE AND ACCOUNTING

THE IMPACT OF FINANCIAL LITERACY AMONG KAZAKHSTANI STUDENTS ON VOLUME OF MICRO
LOANS
M. M. Mukan, G. Malik, M. Mukhametkaliyeva129

FINANCIAL INCLUSION: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND KAZAKHSTAN CASE
S. A. Svyatov, D. Yu. Bendyuk.....140

THE EFFECT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE FINANCIAL STABILITY OF THE BANKING
INDUSTRY: THE CASE OF EURASIAN ECONOMIC UNION COUNTRIES
G. Utarova, A. Faizulayev153

THE IMPACT OF CONSUMER CREDIT ON THE STABILITY OF THE BANKING SYSTEM:
ANALYSIS OF ECONOMIC AND PSYCHOLOGICAL FACTORS
D. B. Kanagatova, N. S. Kenzhegalieva164

МРНТИ 06.56.31

JEL Classification:H50

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-2-6-19>

НОВАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: АНАЛИЗ И ПРОБЛЕМЫ

Н. Н. Батгалов¹, Я. А. Ералиева^{2*}, Д. М. Кангалакова³

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

²Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

³Институт экономики Министерства высшего образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – выявление особенностей и уязвимостей новой системы государственного планирования (далее – СГП) Казахстана, утвержденной в феврале 2021 года.

Методология. В качестве методов исследования был использован системный и сравнительный анализ документации в сфере СГП.

Оригинальность / ценность исследования. В условиях новых вызовов и ускорения исторического времени, система государственного планирования и управления в стране нуждается в постоянном анализе и модернизации. Вопросы стратегического и государственного планирования страны находили отражение во многих трудах отечественных и зарубежных авторов. Однако, последние изменения в СГП ввиду относительной новизны еще не были подвергнуты широкому анализу, что делает актуальным настоящее исследование. Выводы исследования могут быть полезны с точки зрения дальнейшего совершенствования СГП и повышения эффективности реализуемых государственных мер.

Результаты исследования. Результаты свидетельствуют о том, что новая СГП фактически сохранила свою многоступенчатость, несмотря на попытки оптимизации документов. Другой проблемой явилась низкая автономность местных органов в вопросах стратегического планирования. Отдельный блок вопросов коснулся методологических и содержательных недостатков документов СГП. Последним выводом является слабая гармонизация бюджетного и стратегического планирования.

Ключевые слова: система государственного планирования, Национальные проекты, стратегическое и бюджетное планирование, Бюджетный кодекс, расходы бюджета.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на давние традиции государственного планирования, берущих начало еще с Советских времен, данная практика в Казахстане начала приобретать институциональный и системный характер только с середины 2000-х годов, с принятием в 2007 году Концепции по внедрению системы государственного планирования (далее – СГП) [1]. Этому событию предшествовали введение паспорта бюджетных программ [1], утверждение правил разработки индикативных планов социально-экономического развития [2] и ряд других инициатив в качестве мер по реформированию подходов по бюджетному и государственному планированию.

В условиях усложнения геополитической ситуации и новых вызовов, назрела необходимость в принятии новой СГП, которая и была принята в 2021 году [3]. Практическими результатами внедрения новой системы стало принятие Национального плана и иных отраслевых программ, с одновременной оптимизацией ряда документов. По информации Министерства национальной экономики [4] система предполагает перезагрузку текущих планов и отказ от громоздких программ. Вместе с тем, глубина и широта изменений представляет, как научный, так и прикладной интерес.

Данная статья преследует цель проведения критического анализа последних изменений в СГП в Казахстане. Понимание сути и проблем принимаемых реформ важно для более качественного пере-строения и повышения эффективности государственного управления. В качестве исследовательского вопроса выдвигается вопрос о том, действительно ли новая СГП предусматривает концептуальное изменение подходов и методов планирования и какие проблемы остаются в новой редакции СГП в контексте данных изменений. Исследование СГП находило отражение в трудах ряда казахстанских авторов, однако отличие настоящей работы заключается в фокусировании на последней версии СГП. Статья не претендует на проведение оценки реализации новых документов СГП, так как это требует отдельного комплексного исследования, а сконцентрирована на обнаружении концептуальных недостатков СГП. В качестве методов исследования использованы системный и сравнительный анализ стратегических и методологических документов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обзор литературы. Планирование – неотъемлемый элемент политического цикла, охватывающих процессы анализа и выработку решений на ближайшую либо долгосрочную перспективу. Понятие государственного планирования содержательно схоже с термином «стратегическое планирование», употребляемым в зарубежной практике, поэтому нередко в казахстанском контексте данные понятия используются взаимозаменяемо.

Исследованию различных аспектов СГП в Казахстане посвящены труды И. Н. Дауранова [5; 6], А. С. Кожумова [7], Н. В. Ювицы [8], Г. А. Джунусбековой [9] и ряда других авторов. Вместе с тем, СГП постоянно модернизируется, что обуславливает актуальность проведения новых исследований. Более того, СГП 2021 года, позиционируемая в качестве концептуально новой [4; 10], требует от научного сообщества критического осмысления.

С момента обретения независимости, казахстанским правительством принималось множество региональных и стратегических документов. Однако, их слабая методологическая проработка и реализация привели к принятию системы государственного планирования в 2009 году, которой предшествовало разработка соответствующей концепции [1]. При этом, как признает О. Смирнова [11], Казахстан является одним из лидеров во внедрении стратегического планирования на постсоветском пространстве. В этом контексте имеет интерес монография Н. Ювицы [8], в которой проанализированы теоретические и методологические аспекты перехода к стратегическому планированию и прогнозированию в Казахстане.

Т. Казакова [12], анализируя первую версию СГП, отмечает ее гибкость и способность воздействия на текущие проблемы реализации программ. Более критичный взгляд отражен в труде Г. Джунусбековой [9], где автор, изучая основные этапы становления стратегического планирования в Казахстане, признает, что его институционализация способствовала целостности и сбалансированности множества программ, однако система планирования страдает от некачественной разработки документов, размытости целей государственных органов, слабой ориентации на нужды населения. Идентичные выводы содержатся в работах Г. Джунусбековой и М. Кадыровой [13], А. Исакова [14].

Недостаточное раскрытие потенциала программно-целевых методов в СГП обосновывается в статье Д. Сагинбек и Л. Коршуновой [15], где авторы на примере одного из регионов Республики Казахстан демонстрируют недостатки в СГП. Проблемы синхронизации стратегического и бюджетного планирования, а также оптимизации действующих документов СГП описываются также в работе А. Дулатбекова [16]. Помимо методологических недостатков в виде большого числа несогласованных целей и показателей, в труде А. Кенжебаевой [17] уделяется внимание также необходимости развития стратегического мышления среди государственных служащих, то есть вопросам взаимосвязки государственного планирования с организационным менеджментом. Анализируя новую СГП, принятую в 2021 году, Л. Сембиева и Л. Аликулова [10], выделяют такие отличительные особенности, как краткость разрабатываемых документов, закрепление персональной ответственности, применении гибких подходов при реализации программ и ряд других. Вместе с тем, данная статья ограничена обзором нововведений.

В целом, для более глубокого понимания сущности и особенностей казахстанской системы государственного планирования в сравнении с международной практикой и теорией, а также выстраивания путей ее модернизации, большое значение имеют исследования Организации Экономического Сотрудничества и Развития, казахстанских и зарубежных теоретиков и исследователей [5; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29]. Таким образом, обзор литературы позволил выявить ряд важных трудов в сфере СГП, которые могут быть полезны с точки зрения построения теоретических рамок для целей настоящей работы. Вместе с тем, было продемонстрировано, что новая СГП находится еще на стадии исследования. Это обуславливает своевременность и актуальность статьи.

Методология. В работе использованы качественные методы анализа, так как авторы были заинтересованы в более глубинном и качественном изучении аспектов новой СГП. В частности, были применены сравнительный и системный анализ на основе изучения методологических, нормативных и стратегических документов, составляющих СГП. В рамках исследования были обнаружены особенные и отличительные черты новой СГП, которые были подвергнуты дальнейшему анализу на предмет их актуальности и действенности в решении проблем стратегического планирования, упомянутых в профильной литературе.

Результаты и обсуждения. Данный раздел содержит основные выводы работы, которые представлены в виде 3 тематических направлений, где раскрываются проблемы и уязвимости новой СГП. Как уже упоминалось, перед авторами был поставлен исследовательский вопрос о масштабах изменений и концептуальности новой СГП и наличии проблем в подходах планирования в контексте данных новшеств.

1. Сохраняющаяся сложность архитектуры стратегического планирования. В результате принятия новой СГП ряд стратегических документов был преобразован либо исключен из числа таковых (Таблица 1). Изменения в СГП в 2021 году позволили оптимизировать число документов СГП с 285 до порядка 90. Вместе с тем, несмотря на внушительность, данное сокращение удалось обеспечить за счет интеграции программ развития районов либо городов областного значения в областные планы развития. Иными словами, десятки районов и областных городов страны отныне не принимают отдельные программы, а их запланированные мероприятия отражаются в региональном плане, то есть в плане развития области. Данная мера, безусловно, логична и последовательна с учетом сопряженности и связанности районов в областях. Однако, анализ продемонстрировал, что архитектура планирования новой СГП осталась комплексной и многослойной, более того в некоторых случаях изменения породили дополнительную нагрузку на процессы планирования.

Одной из наиболее отличительных черт новой СГП стало появление национальных проектов и концепций развития отраслей и прекращение действия ранее принятых государственных программ. В качестве обоснования приводится тезис о необходимости ухода от громоздких и многочисленных программ к лаконичным и понятным документам [4; 30]. Между тем, сравнительный анализ положений о национальном проекте, исходящей из новой СГП, а также государственной программы согласно предыдущей версии СГП, свидетельствует об отсутствии принципиальных новшеств. Оба документа считаются документами, обеспечивающими межотраслевое взаимодействие для решения приоритетных задач в соответствии с вышестоящими стратегическими планами.

Одной из особенностей Национальных проектов обозначается закрепление в самих документах персональной ответственности за тем или иным показателем. В государственных программах в качестве исполнителей указывались лишь названия государственных органов. Однако, авторы полагают, что не следует переоценивать данное нововведение, так как ответственность за тот или иной блок вопросов в государственных органах итак закрепляется внутренними приказами за заместителями первого руководителя. Наличие имен ответственных лиц в документах в некоторой степени придает определенность при привлечении к ответственности, но при исчерпывающем разделении зон ответственности и функционала между руководящими должностными лицами в ведомствах, данное изменение не будет играть существенной и решающей роли.

Таблица 1 – Сопоставительная таблица документов предыдущей и новой версий СГП

Документы в рамках предыдущей СГП		Документы в рамках новой СГП	
Стратегия развития до 2050 года	→	Стратегия развития до 2050 года	
Стратегический план развития Республики Казахстан	→	Общенациональные приоритеты, Национальный план развития Республики Казахстан	
Стратегия национальной безопасности Республики Казахстан	→	Стратегия национальной безопасности Республики Казахстан	
Прогнозная схема территориально-пространственного развития Республики Казахстан	→	План территориального развития Республики Казахстан	
Прогноз социально-экономического развития	→	Концепции развития отраслей	
Государственные программы	→	Национальные проекты	
Стратегические планы госорганов; Программы развития территорий; Стратегии национальных управляющих холдингов, холдингов и компаний	→	Планы развития госорганов; Планы развития области, городов республиканского значения, столицы; Планы развития национальных управляющих холдингов, холдингов и компаний	
Примечание – составлено авторами на основе источника [3].			

Национальный проект, хоть и именуется проектом, по содержанию и формату, является программой в классическом понимании, так как представляет собой не единый проект, а совокупность таковых. К примеру, Национальный проект по развитию предпринимательства на 2021-2025 годы имеет 4 направления, каждое из которых содержит множество различных по масштабу и финансированию проектов [31]. Следует признать лаконичность национальных проектов по сравнению с государственными программами, однако это достигается за счет вывода аналитической части национальных проектов в отдельный документ – концепцию развития той или иной отрасли, тогда как государственная программа содержала как аналитический раздел, так и план мероприятий с указанием показателей результатов (Рисунок 1).

Рисунок 1 – Структура государственной программы в рамках предыдущей СГП, а также Концепции развития отраслей и Национального проекта в рамках новой СГП

Примечание – составлено авторами на основе источника [3; 32].

Логика введения нового документа – Концепции развития отраслей – заключалась в формировании видения развития определенной сферы, а также разработке ключевых подходов при реализации наме-

ченных задач. В рамках прежней системы данная роль отводилась самой государственной программе. Важность проведения анализа для формирования политик не ставится под сомнение, однако Концепции развития отраслей по аналогии с национальными проектами содержат отдельные планы действий с показателями результатов, то есть индикаторами (Рисунок 1). Данное обстоятельство усложняет практику планирования, так как государственные органы согласно СГП при разработке планов развития обязаны будут учитывать планы действий как Национальных проектов, так и Концепций.

С другой стороны, несмотря на четко обозначенную функцию Концепций, практика планирования в рамках новой СГП характеризуется явной непоследовательностью. Дело в том, что практически все Концепции развития отраслей были утверждены в 2022 году, то есть после утверждения Национальных проектов в 4 квартале 2021 года. Тогда как, логичным и системным было бы осуществлять разработку конкретных политик и программ, в данном случае это – Национальные проекты, после того, как будут сформулированы видение и принципы развития, то есть после принятия Концепций. Между тем, на правительственном уровне наблюдается обратная ситуация. Примечателен тот факт, что ни один из 9 Национальных проектов (*В 2021 году в рамках новой СГП были утверждены 10 Национальных проектов. Однако ввиду того, что Национальный проект «Безопасная страна» содержит секретные данные, информации по данному документу в открытом доступе не имеется*), утвержденных в 2021 году, не был скорректирован или дополнен после принятия Концепций развития отраслей в 2023 году. Таким образом, Национальные проекты и Концепции развития отраслей рассматриваются в качестве отдельных документов, что определенно не соответствует принципам непрерывности, преемственности и последовательности СГП.

Следует отметить, что в 2022 году Правительство страны начало работу над новыми Национальными проектами, такими как «Комфортная школа», «Модернизация сельского здравоохранения» и др. Между тем, остается неясным, каким образом данные инициативы будут взаимодействовать с уже ранее принятыми Национальными проектами схожей направленности. Другим аргументом в пользу тезиса о сохраняющейся комплексности системы планирования является то, что деятельность государственных органов не ограничивается документами СГП. Существует множество документов, формально не входящих в перечень документов СГП, однако обязательных к выполнению государственными органами. В качестве примера можно привести Комплексный план по противодействию теневой экономике, План действия по реализации Концепции развития государственного управления, Прогноз социально-экономического развития (в рамках Бюджетного кодекса) и т.д.

2. Низкая самостоятельность государственных органов и линейный характер планирования.

Результаты исследования показывают, что несмотря на провозглашенный в СГП принцип самостоятельности, наблюдается перевес сил в сторону центра в вопросах стратегического планирования. В частности, положения СГП и методики разработки, мониторинга и оценки документов СГП, утвержденной приказом Министра национальной экономики излишне регламентируют процедуры планирования [3; 32]. Стремясь к обеспечению каскадирования документов СГП, Правительство сужает пространство для самостоятельного выбора дизайна и концепции планов развития. Так, СГП и упомянутая методика помимо регламентирования структуры и содержания данных планов, обязывает государственные органы включать в свои планы все показатели, закрепленные за ними в вышестоящих документах [3]. В отношении регионов данная норма носит более строгий характер. К примеру, акиматы могут включать в региональные планы развития по своей инициативе индикаторы в количестве не более 20% от общего числа показателей, закрепленных за данным регионом в вышестоящих документах [32]. Таким образом, контуры развития регионов преимущественно исходят от правительственных установок, так как целевые индикаторы – это не просто набор показателей результата, а обязательные к исполнению цели, к которым вырабатываются пути достижения, мероприятия, на них основываются бюджетные программы и выделяются финансовые средства. Это обстоятельство снижает мотивацию акиматов проводить глубинные анализы проблем и вырабатывать креативные решения, из-за заведомо закрепленных целевых индикаторов. Следовательно, государственные органы могут демонстрировать формальный и механический подход к процессам планирования, подстраивая аналитическую информацию и мероприятия под установленные индикаторы. Более логичным представляется

обратный порядок, при котором большинство индикаторов разрабатывалось бы самими акиматами, ввиду их большей осведомленности о проблемах местного характера, а ограниченная часть устанавливалась вышестоящими органами для обеспечения общего мониторинга. При таком сценарии на центр могла бы отводиться роль стратегического консультанта и координатора, нежели надзирающего звена [8].

Другим следствием ограниченной автономии государственных органов при планировании является риск недостаточного учета региональной специфики и условий. К примеру, Национальный проект по развитию агропромышленного комплекса (АПК) закрепляет за всеми регионами, в том числе городом Алматы, целевой индикатор по увеличению производства яблок [33]. Тогда как общеизвестно, что город Алматы практически не обладает сельскохозяйственными землями, необходимыми для достижения данного индикатора. В дополнение к этому, Национальными проектами не предусматриваются механизмы достижения индикаторов. То есть, новая СГП сохранила линейный характер планирования в формате «индикатор-мероприятие», без теоретической проработанности с использованием логических моделей влияния той или иной меры на достижение целей, а также теорий изменений. С другой стороны, важно не только обеспечение траектории достижения, но и проработка вопроса целесообразности самих индикаторов. Для раскрытия данного тезиса достаточно отметить Национальный проект «Технологический рывок за счет цифровизации, науки и инноваций» (далее – Национальный проект по цифровизации), в котором предусматривается показатель «Доля инновационно активных предприятий (в %)», то есть ежегодное увеличение доли предприятий, использующих определенные виды инноваций [34]. В условиях рыночной экономики и самостоятельного выбора вектора развития субъектами бизнеса в зависимости от внутренних и внешних факторов, целесообразность закрепления подобного индикатора за всеми профильными органами и акиматами в качестве обязательного ставится под сомнение. Директивное подталкивание государственных органов к достижению таких целей без изучения реальных потребностей бизнеса и влияния данных инноваций на производительность предприятий либо экономику региона, может потенциально привести к неэффективным государственным расходам.

Не менее важным критическим выводом является то, что новая СГП, несмотря на ориентацию на наиболее приоритетных и важных задачах, не уделяет достаточного внимания выявлению узловых и корневых причин проблем при планировании. Например, проблема неэффективной выдачи субсидий субъектам предпринимательства затрагивалась многократно, в том числе и на высшем уровне [35], однако Национальные проекты по развитию предпринимательства и АПК выдвигают увеличение объема финансовой помощи в качестве показателей результатов, тогда как без должной диагностики проблемных зон и проведения предварительной оценки, увеличиваются риски дальнейшего непродуктивного использования государственных ресурсов [31; 33].

В данном контексте следует отметить вывод о недостаточной человекоцентричности СГП, в частности Национальных проектов. Согласно СГП, принцип человекоцентричности заключается в конечной направленности «целей, задач и показателей результатов на улучшение качества жизни и увеличение благосостояния населения» [3]. Так, по мнению авторов, из 44 целевых индикаторов Национального проекта по цифровизации, 32 (или 72%) [34], не ориентированы на решение данных задач, и отражают внутренние бизнес-процессы государственных организаций либо носят промежуточный и технический характер. Так, среди таковых значатся такие показатели, как «Доля государственных систем, подключенных к сервису контроля доступа к персональным данным», «Доля оцифрованных земельных данных», «Доля уголовных дел, зарегистрированных в электронном формате», «Доля медицинских организаций, обеспечивающих обмен данными с ядром Ehealth», «Доля отчетных данных, получаемых от субъектов предпринимательства в цифровом формате» и др. [34]. Данные индикаторы показывают процесс и механику действий, но не конкретные улучшения в жизни людей, о чем гласит постулат о человекоцентричности. Важно отметить, что цифровизация представляет собой инструментарий, создающий предпосылки для развития, но принятие подобных индикаторов в качестве показателей результата может отвлечь внимание от более насущных вопросов и превратить элементы цифровизации в самоцель.

3. Недостаточная синхронизация стратегического и бюджетного планирования. Проблема взаимодействия стратегического и бюджетного планирования отмечалась еще в Концепции по внедрению системы государственного планирования [1]. Однако сложившаяся процедура планирования бюджетных средств свидетельствует о недостаточной синхронизации данных направлений, в особенности на региональном уровне. В этом контексте, Постановление Правительства о новой СГП гласит, что «Не допускается планирование бюджетных расходов, не связанных с достижением целевых индикаторов плана развития области, города республиканского значения, столицы (за исключением расходов, связанных с содержанием государственных служащих, реализацией функций и задач, определяемых непосредственно законодательными актами, или направленных на реализацию поручений Президента Республики Казахстан)» [3]. Между тем, Бюджетный кодекс не предполагает конкретные механизмы предварительной оценки обоснованности, целесообразности и эффекта планируемых средств [36]. Так, местные государственные органы при планировании бюджета предоставляют в местный уполномоченный орган по государственному и бюджетному планированию бюджетные заявки и проекты бюджетных программ [36]. При составлении первого типа документов, государственным органам для получения финансирования для мероприятий и проектов, за исключением бюджетных инвестиционных проектов, достаточно лишь предоставить описательную и общую информацию о целях и содержании бюджетных расходов. Тогда как, бюджетная программа может быть взаимосвязана как с целями планов развития региона, так и полномочиями, определяемыми положениями органов [37].

Аморфность положений Бюджетного кодекса в отношении планирования бюджетных средств во взаимосвязке с документами государственного планирования, открывает возможности для дискреции либо различному толкованию. Данное утверждение будет продемонстрировано на следующем примере. В ноябре 2022 года коммунальным государственным учреждением «Управление цифровизации города Алматы» за счет местного бюджета было профинансирован турнир по киберспортивным играм «Almaty Cyber Games 2022», целью которого была «популяризация сочетания киберспортивной и физкультурно-спортивной деятельности в воспитании гармоничной личности подрастающего поколения» [38, с. 4]. Однако, в Плана развития города Алматы на 2022 год и Плана мероприятий по его реализации, то есть в документе СГП, данное мероприятие не содержится [39]. Более того, анализ бюджетной документации по этому проекту демонстрирует явное отсутствие его взаимосвязи с достижением целей и целевых индикаторов в сфере цифровизации и построения умного города [38; 39]. Иными словами, перспектива влияния соревнований по компьютерным играм на уровень цифровизации жизни горожан и инновационной активности выглядит необоснованной. К тому же, упомянутый государственный орган в качестве показателей результата проекта оперировал исключительно техническими аспектами, отражающими процессную деятельность, такими как количество участников, спонсоров и др. [38]. Данный пример не является исключительным в казахстанском контексте и представлен для аргументации выводов авторов о низкой связи между стратегическими целями и бюджетными решениями.

Одним из факторов, способствующим расхождению бюджетного и стратегического планирования является тот факт, что корректировка стратегических документов, реализуемых на местном уровне, то есть планов развития регионов, осуществляется один раз в год [32], тогда как уточнение бюджета, как правило, проводится каждый квартал, то есть 4 раза в год [36]. Подобный порядок порождает асинхронность и подрывает первичность стратегических документов, которые должны служить основанием для планирования расходов. Несмотря на принятие СГП, практика и процедура планирования бюджетных расходов не претерпела кардинальных изменений, что, безусловно, актуализирует вопрос дальнейшей гармонизации стратегического и бюджетного планирования.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

В заключении следует отметить, что изменения в СГП не носили качественно новый характер и уже ставшие хроническими проблемы планирования имеют место и в настоящее время. По мнению авторов, объявленная оптимизация документов СГП будет иметь ограниченный эффект на государственное управление. Многоступенчатость и сложность СГП способна затмить реальные результаты программ, так как большинство временных и человеческих ресурсов при таком сценарии направляется

на осуществление контроля и отчетности. Более того, многозадачность, вызываемая большим количеством документов может привести к распылению ресурсов и негативно сказаться на качественной составляющей, а также способствовать формализму. Другой критической нотой является ограничение свободы действий государственных органов в вопросах стратегического планирования. Доминирование центра перед региональными органами может обуславливать механическое выполнение процедур планирования среди последних ввиду отсутствия стимулов к креативному и более глубокому изучению местных проблем.

По результатам анализа было также выявлено, что ряд документов, разработанных в рамках новой СГП, имеют серьезные методологические упущения. Среди таковой низкой проработанности и обоснованность целевых индикаторов в рамках Национальных проектов. Кроме того, авторы заключают, что принцип человекоцентричности, заложенный в «ДНК» новой концепции государственного управления, не нашел широкого отражения в принятых Национальных проектах. Актуальным также остается слабая синхронизация стратегического и бюджетного планирования, о чем свидетельствуют недоработки в нормативных документах, а также практика планирования на местах. В целом, несмотря на индикативный метод планирования, объявленный в Казахстане еще с 2000 годов, в СГП прослеживаются признаки директивного характера развития отраслей, при котором государство, не ограничиваясь экономическими макроиндикаторами, стремится к установке конкретных объемов и результатов работ во многих областях, включая объемы производства колбас либо инновационной продукции. При этом, обоснованность и уместность подобной интервенции вызывает вопросы и требует дальнейшего исследования. Ожидается, что выводы данной работы будут способствовать дальнейшему реформированию системы государственного планирования и достижению целей развития страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление Правительства Республики Казахстан от 26.12.2007 г. № 1297 «О концепции по внедрению системы государственного планирования, ориентированного на результаты» [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2007. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P070001297> (Дата обращения: 20.01.2023).
2. Постановление Правительства Республики Казахстан от 21 марта 2000 года № 432 «Об утверждении Правил разработки индикативных планов социально-экономического развития Республики Казахстан» [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2000. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P000000432> (Дата обращения: 20.12.2022).
3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 ноября 2017 года № 790 «О системе государственного планирования в Республике Казахстан» [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2021. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000790/history> (Дата обращения: 11.02.2023).
4. Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Новая Система госпланирования определена в Казахстане [Электронный ресурс] // Министерство национальной экономики Республики Казахстан [web-портал]. – 2021. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/176974?lang=ru> (Дата обращения: 10.12.2022).
5. Дауранов И. Н., Кожумов А. С. Методология формирования эффективной модели государственного стратегического планирования и управления // Экономика: стратегия и практика. – 2021. – № 2(16). – С. 21-31.
6. Дауранов И. Н., Кожумов А. С. Формирование и становление системы государственного планирования в Казахстане: проблемы, пути решения // В кн.: Региональная экономика и векторы демографического и социально-экономического развития. – Алматы: Институт экономики КН МОН РК, 2022. – С. 173-189.
7. Кожумов А. С. Совершенствование системы стратегического планирования Республики Казахстан на основе методологии ОЭСР: дис. доктор PhD: Кожумов Асхат Султанбекович. – Астана, 2022 – 128 с.

8. Ювица Н. В. Стратегическое планирование и государственный менеджмент Казахстана: Государственный менеджмент Казахстана. – Германия: Palmarium Academic Publishing, 2014. – 288 с.
9. Junusbekova G. Reform of System of State Planning in the Republic of Kazakhstan // *Public Policy and Administration*. – 2013. – № 4(12). – P. 619-632. – DOI: 10.13165/VPA-13-12-4-08.
10. Сембиева Л. М., Аликулова Л. Б. Концептуальное реформирование системы государственного планирования Республики Казахстан // *Государственный аудит*. – 2022. – № 2(55). – С. 13-27. – DOI: <https://doi.org/10.55871/2072-9847-2022-55-2-13-27>.
11. Смирнова О. О. Анализ практики государственного планирования в странах СНГ // *Белорусский экономический журнал*. – 2012. – № 4. – С. 112-124.
12. Казакова Т. П. Инновационные векторы развития в новой системе государственного планирования // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. – 2013. – № 1(1). – С. 17-21.
13. Джунусбекова Г. А., Кадырова М. Вопросы совершенствования государственного стратегического планирования в Республике Казахстан // *Экономика и статистика*. – 2016. – № 1. – С. 48-54.
14. Исаков А. Совершенствование администрирования государственных программ в Республике Казахстан [Электронный ресурс] // MPRA Paper 77570. University Library of Munich [web-портал]. – 2017. – URL: <https://ideas.repec.org/p/prg/mprapa/77570.html> (Дата обращения: 11.02.2023).
15. Сагинбек Д. С., Коршунова Л. Н. Программа развития территорий как инструмент программно-целевого планирования в Республике Казахстан // *Индустриальная экономика*. – 2020. – № 1. – С. 50-56.
16. Дулатбеков А. Н., Бейсенова А. С., Асылбаева А. С. Пути совершенствования системы государственного планирования в Республике Казахстан // *Вестник Университета «Туран»*. – 2013. – № 3(59). – С. 100-105.
17. Кенжебаева А. А. Стратегическое планирование в системе государственного управления // *Вестник Академии управления при Президенте Кыргызской Республики. Материалы V международного форума стран-партнеров в области подготовки и переподготовки кадров для государственной и муниципальной службы*. – Бишкек, 2011. – № 12. – С. 115-122.
18. OECD. Kazakhstan: Review of the Central Administration. – OECD Public Governance Reviews, OECD Publishing, 2014. – 380 p. – DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264224605-en>.
19. OECD. OECD Urban Policy Reviews: Kazakhstan. – OECD Urban Policy Reviews, OECD Publishing, 2017. – 232 p. – DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264268852-en>.
20. OECD. Multi-dimensional Review of Kazakhstan: Volume 1. Initial Assessment. – OECD Development Pathways, OECD Publishing, 2016. – 204 p. – DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264246768-en>.
21. OECD. Multi-dimensional Review of Kazakhstan: Volume 2. In-depth Analysis and Recommendations. – OECD Development Pathways, OECD Publishing, 2017. – 192 p. – DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264269200-en>.
22. OECD. Decentralisation and Multi-Level Governance in Kazakhstan. – OECD Public Governance Reviews, OECD Publishing, 2017. – 130 p. – DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264280700-en>.
23. OECD. Towards a More Effective, Strategic and Accountable State in Kazakhstan. – OECD Public Governance Reviews, OECD Publishing, 2017. – 98 p. – DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264284005-en>.
24. Ansoff I. *Strategic Management*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – 251 p.
25. Drucker P. *The Practice of Management*. – Harper Business, Reissue edition, 2006. – 416 p.
26. Harvard Business Review. HBR's 10 must reads on strategy (including featured article "What is Strategy" by Michael E. Porter). – Harvard Business Review Press, 2011. – 366 p.
27. Ugboro I., Obeng K., Spann O. Strategic Planning as an Effective Tool of Strategic Management in Public Sector Organizations. Evidence from Public Transit Organizations // *Administration & Society*. – 2011. – № 1(43). – P. 87-123. – DOI: <https://doi.org/10.1177/009539971103863>.
28. Poister T. The Future of Strategic Planning in the Public Sector: Linking Strategic Management and Performance // *Public Administration Review*. – 2010. – № 1(70). – P. 246-254. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2010.02284.x>.
29. Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampel J. *Strategy Safari: A guided tour through the wilds of strategic management*. – Free Press, 2005. – 416 p.

30. Келимбетов К. Кайрат Келимбетов о реализации нацпроектов: Каждая задача направлена на то, чтобы сделать жизнь казахстанцев лучше [Электронный ресурс] // Международное информационное агентство «KazInform» [web-портал]. – 2021. – URL: https://www.inform.kz/ru/kayrat-kelimbetov-o-realizacii-nacproektov-kazhdaya-zadacha-napravlena-na-to-chtoby-sdelat-zhizn-kazahstancsev-luchshe_a3859791 (Дата обращения: 18.01.2023).

31. Постановление Правительства Республики Казахстан от 12.10.2021 г. № 728 «Об утверждении Национального проекта по развитию предпринимательства на 2021-2025 годы» [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2021. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000728> (Дата обращения: 14.02.2023).

32. Приказ Министра национальной экономики Республики Казахстан от 25.10.2021 г. № 95 «Об утверждении Методики разработки, мониторинга, реализации, оценки и контроля Национального плана развития Республики Казахстан, Плана территориального развития страны, концепций, планов развития государственных органов, планов развития области, города республиканского значения, столицы» [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2021. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100024908#z6> (Дата обращения: 14.02.2023)

33. Постановление Правительства Республики Казахстан от 12.10.2021 г. № 732 «Об утверждении национального проекта по развитию агропромышленного комплекса Республики Казахстан на 2021 - 2025 годы» [электронный ресурс]// Әділет [web-портал]. - 2021. - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000732> (дата обращения: 14.01.2023)

34. Постановление Правительства Республики Казахстан от 12.10.2021 г. №727 «Об утверждении Национального проекта «Технологический рынок за счет цифровизации, науки и инноваций» [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2021. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000727> (Дата обращения: 20.02.2023).

35. Токаев К. К. Президент высказался о субсидиях в АПК [Электронный ресурс] // Центр деловой информации «Капитал» [web-портал]. – 2022. – URL: <https://kapital.kz/economic/102735/prezident-vyskazalsya-o-subsidiyakh-v-apk.html> (Дата обращения: 28.01.2023).

36. Бюджетный кодекс Республики Казахстан от 04.12.2008 г. № 95-IV [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2023. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K080000095> (Дата обращения: 28.01.2023).

37. Приказ Министра национальной экономики Республики Казахстан от 30.12.2014 г. № 195 «Об утверждении Правил разработки и утверждения (переутверждения) бюджетных программ (подпрограмм) и требований к их содержанию» [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2022. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1400010176> (Дата обращения: 28.02.2023).

38. Управление цифровизации города Алматы. Техническая спецификация [Электронный ресурс] // Портал государственных закупок [web-портал]. – 2022. – URL: <https://goszakup.gov.kz/ru/egzcontract/cpublic/units/16066688> (Дата обращения: 04.02.2023).

39. Управление экономики города Алматы. Отчет о реализации Плана развития города Алматы на 2021-2025 годы за 2022 год [Электронный ресурс]// Управление экономики города Алматы [web-портал]. – 2022. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/almaty-economy/documents/details/441866?lang=ru> (Дата обращения: 09.02.2023).

REFERENCES

1. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 26.12.2007 g. №1297 «O koncepcii po vnedreniyu sistemy gosudarstvennogo planirovaniya, orientirovannogo na rezul'taty». (2007). Adilet. Retrieved January 20, 2023, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P070001297> (In Russian).

2. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 21 marta 2000 goda N 432 «Ob utverzhdenii Pravil razrabotki indikativnyh planov social'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Kazahstan». (2000). Adilet. Retrieved December 20, 2022, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P000000432> (In Russian).

3. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 29 noyabrya 2017 goda № 790 «O sisteme gosudarstvennogo planirovaniya v Respublike Kazahstan». (2021). Adilet. Retrieved February 11, 2023, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000790/history> (In Russian).
4. Ministerstvo nacional'noj ekonomiki Respubliki Kazahstan. Novaya Sistema gosplanirovaniya opredelena v Kazahstane. (2021). Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. Retrieved December 10, 2022, from <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/176974?lang=ru> (In Russian).
5. Dauranov, I. N. and Kozhumov, A. S. (2021). Metodologiya formirovaniya effektivnoj modeli gosudarstvennogo strategicheskogo planirovaniya i upravleniya. *Ekonomika: strategiya i praktika*, 2(16), 21-31 (In Russian).
6. Dauranov, I. N. and Kozhumov, A. S. (2022). Formirovanie i stanovlenie sistemy gosudarstvennogo planirovaniya v Kazahstane: problemy, puti resheniya. V kn.: *Regional'naya ekonomika i vektory demograficheskogo i social'no-ekonomicheskogo razvitiya*. Institut ekonomiki KN MON RK, Almaty, 173-189 (In Russian).
7. Kozhumov, A. S. (2022). Sovershenstvovanie sistemy strategicheskogo planirovaniya Respubliki Kazahstan na osnove metodologii OESR: PhD Thesis. Astana, 128 p. (In Russian).
8. Yuvica, N. V. (2014). Strategicheskoe planirovanie i gosudarstvennyj menedzhment Kazahstana: Gosudarstvennyj menedzhment Kazahstana. Germany: Palmarium Academic Publishing, 288 p. (In Russian).
9. Junusbekova, G. (2013). Reform of System of State Planning in the Republic of Kazakhstan. *Public Policy and Administration*, 4(12), 619-632, DOI: 10.13165/VPA-13-12-4-08.
10. Sembieva, L. M. and Alikulova, L. B. (2022). Konceptual'noe reformirovanie sistemy gosudarstvennogo planirovaniya Respubliki Kazahstan. *Gosudarstvennyj audit*, 2(55), 13-27, DOI: <https://doi.org/10.55871/2072-9847-2022-55-2-13-27>.
11. Smirnova, O. O. (2012). Analiz praktiki gosudarstvennogo planirovaniya v stranah SNG. *Belorusskij ekonomicheskij zhurnal*, 4, 112-124 (In Russian).
12. Kazakova, T. P. (2013). Innovacionnye vektory razvitiya v novej sisteme gosudarstvennogo planirovaniya. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*, 1(1), 17-21 (In Russian).
13. Dzhunusbekova, G. A. and Kadyrova, M. (2016). Voprosy sovershenstvovaniya gosudarstvennogo strategicheskogo planirovaniya v Respublike Kazahstan. *Ekonomika i statistika*, 1, 48-54 (In Russian).
14. Iskakov, A. (2017). Sovershenstvovanie administrirovaniya gosudarstvennyh programm v Respublike Kazahstan. MPRA Paper 77570. University Library of Munich. Retrieved February 11, 2023, from <https://ideas.repec.org/p/prapa/mprapa/77570.html> (In Russian).
15. Saginbek, D. S. and Korshunova, L. N. (2020). Programma razvitiya territorij kak instrument programmno-celevogo planirovaniya v Respublike Kazahstan. *Industrial'naya ekonomika*, 1, 50-56 (In Russian).
16. Dulatbekov, A. N., Bejsenova, A. S. and Asylbaeva, A. S. (2013). Puti sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo planirovaniya v Respublike Kazahstan. *Bulletin of «Turan» University*, 3(59), 100-105 (In Russian).
17. Kenzhebaeva, A. A. (2011). Strategicheskoe planirovanie v sisteme gosudarstvennogo upravleniya. *Vestnik Akademii upravleniya pri Prezidente Kyrgyzskoj Respubliki. Materialy V mezhdunarodnogo foruma stran-partnerov v oblasti podgotovki i perepodgotovki kadrov dlya gosudarstvennoj i municipal'noj sluzhby*. Bishkek, 12, 115-122 (In Russian).
18. OECD. (2014). Kazakhstan: Review of the Central Administration. *OECD Public Governance Reviews*, OECD Publishing, 380 p., DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264224605-en>.
19. OECD. (2017). OECD Urban Policy Reviews: Kazakhstan. *OECD Urban Policy Reviews*, OECD Publishing, 232 p., DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264268852-en>.
20. OECD. (2016). Multi-dimensional Review of Kazakhstan: Volume 1. Initial Assessment. *OECD Development Pathways*, OECD Publishing, 204 p., DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264246768-en>.
21. OECD. (2017). Multi-dimensional Review of Kazakhstan: Volume 2. In-depth Analysis and Recommendations. *OECD Development Pathways*, OECD Publishing, 192 p., DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264269200-en>.

22. OECD. (2017). Decentralisation and Multi-Level Governance in Kazakhstan. OECD Public Governance Reviews, OECD Publishing, 130 p., DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264280700-en>.
23. OECD. (2017). Towards a More Effective, Strategic and Accountable State in Kazakhstan. OECD Public Governance Reviews, OECD Publishing, 98 p., DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264284005-en>.
24. Ansoff, I. (2007). Strategic Management. Palgrave Macmillan, London, 251 p.
25. Drucker, P. (2006). The Practice of Management. Harper Business, Reissue edition, 416 p.
26. Harvard Business Review. (2011). HBR's 10 must reads on strategy (including featured article "What is Strategy" by Michael E. Porter). Harvard Business Review Press, 366 p.
27. Ugboro, I., Obeng, K. and Spann, O. (2011). Strategic Planning as an Effective Tool of Strategic Management in Public Sector Organizations. Evidence from Public Transit Organizations. Administration & Society, 1(43), 87-123, DOI: <https://doi.org/10.1177/00953997103863>.
28. Poister, T. (2010). The Future of Strategic Planning in the Public Sector: Linking Strategic Management and Performance. Public Administration Review, 1(70), 246-254, DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2010.02284.x>.
29. Mintzberg, H., Ahlstrand, B. and Lampel, J. (2005). Strategy Safari: A guided tour through the wilds of strategic management. Free Press, 416 p.
30. Kelimbetov, K. (2021). Kajrat Kelimbetov o realizacii nacproektov: Kazhdaya zadacha napravlena na to, chtoby sdelat' zhizn' kazahstancev luchshe. KazInform. Retrieved January 18, 2023, from https://www.inform.kz/ru/kayrat-kelimbetov-o-realizacii-nacproektov-kazhdaya-zadacha-napravlena-na-to-chtoby-sdelat-zhizn-kazahstancev-luchshe_a3859791 (In Russian).
31. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 12.10.2021 g. № 728 «Ob utverzhdenii Nacional'nogo proekta po razvitiyu predprinimatel'stva na 2021-2025 gody». (2021). Adilet. Retrieved February 14, 2021, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000728> (In Russian).
32. Prikaz Ministra nacional'noj ekonomiki Respubliki Kazahstan ot 25.10.2021 g. № 95 «Ob utverzhdenii Metodiki razrabotki, monitoringa, realizacii, ocenki i kontrolya Nacional'nogo plana razvitiya Respubliki Kazahstan, Plana territorial'nogo razvitiya strany, koncepcij, planov razvitiya gosudarstvennyh organov, planov razvitiya oblasti, goroda respublikanskogo znacheniya, stolicy». (2021). Adilet. Retrieved February 14, 2023, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100024908#z6> (In Russian).
33. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 12.10.2021 g. № 732 «Ob utverzhdenii nacional'nogo proekta po razvitiyu agropromyshlennogo kompleksa Respubliki Kazahstan na 2021-2025 gody». (2021). Adilet. Retrieved January 14, 2023, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000732> (In Russian).
34. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 12.10.2021 g. № 727 «Ob utverzhdenii Nacional'nogo proekta «Tekhnologicheskij rynek za schet cifrovizacii, nauki i innovacij». (2021). Adilet. Retrieved February 20, 2023, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000727> (In Russian).
35. Tokaev, K. K. (2022). Prezident vyskazalsya o subsidiyah v APK. Kapital. Retrieved January 28, 2023, from <https://kapital.kz/economic/102735/prezident-vyskazalsya-o-subsidiyakh-v-apk.html> (In Russian).
36. Byudzhethnyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 4.12.2008 g. №95-IV. Adilet. Retrieved January 28, 2023, from https://adilet.zan.kz/rus/docs/K080000095_ (In Russian).
37. Prikaz Ministra nacional'noj ekonomiki Respubliki Kazahstan ot 30.12.2014 g. № 195 «Ob utverzhdenii Pravil razrabotki i utverzhdeniya (pereutverzhdeniya) byudzhethnyh programm (podprogramm) i trebovanij k ih sodержaniyu». (2022). Adilet. Retrieved February 28, 2023, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1400010176> (In Russian).
38. Upravlenie cifrovizacii goroda Almaty. Tekhnicheskaya specifikaciya. (2022). Portal gosudarstvennyh zakupok. Retrieved February 4, 2023, from <https://goszakup.gov.kz/ru/egzcontract/cpublic/units/16066688> (In Russian).
39. Upravlenie ekonomiki goroda Almaty. Otchet o realizacii Plana razvitiya goroda Almaty na 2021-2025 gody za 2022 god. (2022). Upravlenie ekonomiki goroda Almaty. Retrieved February 9, 2023, from <https://www.gov.kz/memleket/entities/almaty-economy/documents/details/441866?lang=ru> (In Russian).

**A NEW SYSTEM OF STATE PLANNING IN KAZAKHSTAN:
THE ANALYSIS AND PROBLEMS**

N. Battalov¹, Y. Yeraliyeva^{2*}, D. Kangalakova³

¹Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

³Institute of Economics of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan,
Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the research is to identify the features and vulnerabilities of the new state planning system (hereinafter referred to as the SPS) in Kazakhstan, approved in February 2021.

Methodology. A systematic and comparative analysis of documentation in the field of SPS was used as a research method.

Originality / value of the research. In the conditions of new challenges and acceleration of historical time, the system of state planning and management in the country needs constant analysis and modernization. The issues of strategic and state planning of the country have been reflected in many works by domestic and international authors. However, due to the relative novelty, the recent changes in the SPS have not yet been extensively analyzed, which makes this study relevant. The conclusions of the study can be useful from the point of view of further improvement of the SPS and increasing the effectiveness of the implemented state measures.

Findings. The results indicate that the new SPS has retained its multi-stage nature, despite attempts to optimize documents. Another problem was the low autonomy of local authorities in matters of strategic planning. A separate block of questions touched on the methodological and substantive shortcomings of the documents of the SPS. The last conclusion is the weak harmonization of budget and strategic planning.

Keywords: state planning system, National projects, strategic and budgetary planning, Budget Code, budget expenditures.

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the grant funding project for young scientists of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan «Mechanisms for empowering women in scientific activity in the interests of the development of the innovative economy of Kazakhstan (AP19579256)».

**ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖАҢА МЕМЛЕКЕТТІК ЖОСПАРЛАУ ЖҮЙЕСІ:
ТАЛДАУ ЖӘНЕ МӘСЕЛЕЛЕР**

Н. Н. Батталов¹, Я. А. Ералиева^{2*}, Д. М. Кангалакова³

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

³Қазақстан Республикасының Ғылым және жоғары білім министрлігінің Экономика Институты,
Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты – 2021 жылғы ақпанда бекітілген Қазақстанның жаңа мемлекеттік жоспарлау жүйесінің (бұдан әрі – МЖЖ) ерекшеліктері мен осалдықтарын анықтау.

Әдіснамасы. Зерттеу әдістері ретінде МЖЖ саласындағы құжаттамасына жүйелік және салыстырмалы талдау жасалды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Жаңа сын-қатерлер мен тарихи уақытты жеделдету жағдайында елдегі мемлекеттік жоспарлау және басқару жүйесі үнемі талдау мен жаңғыртуды қажет етеді. Елдің стратегиялық және мемлекеттік жоспарлау мәселелері отандық және шетелдік авторлардың көптеген еңбектерінде көрініс тапты. Алайда, жаңалылығына байланысты МЖЖ-дегі соңғы өзгерістер әлі кең талдауға ұшыраған жоқ, бұл осы зерттеуді өзекті етеді. Зерттеу нәтижелері МЖЖ-н одан әрі жетілдіру және іске асырылатын мемлекеттік шаралардың тиімділігін арттыру тұрғысынан пайдалы болуы мүмкін.

Зерттеу нәтижелері. Нәтижелер жаңа МЖЖ құжаттарды оңтайландыруға тырысқанына карамастан, өзінің көп сатылы құрылымын сақтап қалғанын көрсетеді. Тағы бір мәселе стратегиялық жоспарлау мәселелерінде жергілікті органдардың төмен дербестігі болды. Сұрақтардың жеке блогы МЖЖ құжаттарының әдіснамалық және мазмұндық кемшіліктеріне тоқталды. Соңғы қорытынды-бюджеттік және стратегиялық жоспарлаудың әлсіз үйлесімі.

Түйін сөздер: мемлекеттік жоспарлау жүйесі, Ұлттық жобалар, стратегиялық және бюджеттік жоспарлау, Бюджет кодексі, бюджет шығыстары.

Алғыс: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім Министрлігінің «Қазақстанның инновациялық экономикасын дамыту мүддесінде әйелдердің ғылыми жұмыстағы құқықтары мен мүмкіндіктерін кеңейту тетіктері (AP19579256)» атты жас ғалымдарды гранттық қаржыландыру жобасы шеңберінде дайындалған.

ОБ АВТОРАХ

Батталов Назым Нурланович – MSc, докторант PhD, Казахский Национальный Университет имени Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан, email: nnbattalov@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9012-7966.

Ералиева Яна Александровна – PhD, профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, email: yana.yeralyeva@narhoz.kz, ORCID: 0000-0002-2318-5920*

Кангалакова Дана Муратбековна – PhD, старший научный сотрудник, Институт экономики Министерства науки и высшего образования, Алматы, Республика Казахстан, email: dmuratbekovna@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8388-8559.

MPHTI 04.71.31

JEL Classification: Q56

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-2-20-30>

GENDER ROLES IN THE FISHERIES OF NORTH ARAL SEA IN KAZAKHSTAN

A. B. Pfeifer

UN Women, Innsbruck, Austria

ABSTRACT

The purpose of this study is to contribute to the existing research on the Aral Sea from a gender perspective, with a specific focus on women's roles in the fishery sector.

The methodology employed in this study involved the use of a semi-structured in-depth interview instrument, which was developed to document the role of women in the fisheries value chain, as well as the challenges and opportunities they face.

Originality / value of the research. This article aims to fill the gap in the lack of recognition of women's roles in fisheries in Kazakhstan and start a conversation about gender considerations in the ecologically and economically vulnerable coastal community of Kazakhstan.

Findings. The study's findings highlight the prevalent gender roles in the fishery sector in the research area, where men are primarily responsible for catching fish, while women process and add value to it, both at home and in processing plants. However, despite their significant presence in the fish processing industry, women lack representation in fisheries associations. The study also identified pikeperch as a key export-oriented fish and highlighted the potential for women to contribute to farmed fish production. Finally, the study identified women's interest in skills training, particularly in marketing and sales, and recommended that stakeholders in the fishery sector jointly design and organize training programs to facilitate women's access to these skills.

Keywords: Aral Sea, fishery, women's roles, environment, gender, sustainable development.

Acknowledgement: I express my gratitude for the consideration of the USAID Water Resources Project in connection with the involvement and financial support in the framework of the competition for young scientists.

INTRODUCTION

The international community acknowledges that sustainable development is impossible without participation of women. To sustain the successes of North Aral Sea water recovery and economic benefits for livelihood of local community, it is critical to understand gender-specific aspects of the fisheries.

Literature review. The industry of fisheries has long been a man's domain whereas woman's contribution has remained underreported and invisible. However, in the late 80s, valuable contributions by women to fisheries economies gained acknowledgment [1]. Women make about 14 % of the people working directly in the fisheries and aquaculture industries worldwide [2] and over 2 million women participate in coastal fisheries globally, contributing 11 % of the global catch from small-scale fisheries, mostly in Asia, Africa, and Oceania [3]. Women make up half of the labor in the world's fisheries [2] where they are primarily in charge of household labor and childcare in addition to taking part in post-harvest labor-intensive work on the shore such as processing while the fish is caught by males in the deep water and sold in the market [4], the majority of the catch caught by women is used to feed their family or is sold locally [5]. Despite the growing attention to gender and fisheries globally, there is lack of recognition of women's roles in the fisheries in Kazakhstan. Thus, this article aims to fill the gap and start the conversation about gender considerations in the case of an ecologically and economically vulnerable coastal community in Kazakhstan. Once the fourth largest lake in the world, the Aral Sea has rapidly dried up, resulting in a 92 % loss in water volume and a more than 20-fold

increase in salt in the lake [6]. Philip Micklin and Nikolay Aladin [7], who have extensively studied this natural disaster argue that as an outcome of unsustainable irrigation practices: «the sea has shriveled into three major residual lakes, two of which are so salty that fish have disappeared. The once thriving fishing fleets have disappeared, too. Former shore towns have collapsed. Vast seabeds lie exposed and dried; winds now blow salts and toxic substances across populated areas, causing significant health problems».

Research questions. Although it is unlikely that the Aral Sea will fully recover anytime soon, restoration efforts have been made in the North Aral Sea, also known as the Small Aral Sea, which is situated on the Kazakhstani side. Due to the construction of the 13 km long Kok Aral dam, which was mostly sponsored by the World Bank, the water levels have increased by 2 meters and the salinity level has decreased. This development has significantly increased the ecological and economic impact for the region [6]. The region's socio-economic prospects have considerably expanded as a result of this development, especially the revival of fish. To illustrate, 695 tons of fish comprised a total catch in 2005 while the total yield reached 6,000 tons in 2016 since the dam project was finished [8]. However, there are issues like poaching and overusing of resources because fishermen are driven by short-term commercial rewards (ibid). Thus, this paper aims to contribute to the studies of the Aral Sea from gender perspective with focus on women's roles in the fishery sector. It also identifies entry points on engaging women in sustainable development. Four research questions form the basis of the gender analysis:

- What are the gender roles in the fisheries?
- To what extent do women participate in decision-making and exercise agency?
- What are the prevailing gender norms and social issues that affect how men and women play different roles in the fisheries?
- What are the entry points for women and men to ensure sustainable development of the fishery sector in North Aral Sea?

Gender equality context in Kazakhstan. Before moving to the field context, it is important to look at gender equality snapshot of the country. According to the latest Human Development Report, the gender gap in Kazakhstan is narrowing in terms of underlying inequalities in areas such as education and health [9]. However, in politics there is still an unequal representation of women and men. Today in the Parliament of Kazakhstan women make up 22 %; the share of women among civil servants is 10 % [10]. In addition, a significant gender wage gap remains in 2021 it was 21,7 % [11]. At the same time, even with equal employment, women in Kazakhstan, on average, do twice more household work than men.

Kazakhstan has made notable progress in ensuring gender equality in education, more than 50 % of students enrolled at higher education institutions are female [12]. However, gender gaps persist at the decision-making level, in economic opportunities and employment, especially in rural areas. A high number of women are categorized as «self-employed» which implies their involvement in the informal sector. The agriculture sector employment in 2019 was 14,8 % of the population, comprising of 13,2 %, and accounting for 5,03 % of GDP [13]. However, women earn only 77 % of what men earn in the agriculture sector [14]. Moreover, the high percentage of non-active and not-reported status might confirm the high share of older women living in rural areas as well as the prevalence of informal or unpaid work [15].

The country demonstrates an entrenched divide between urban areas and poorer rural areas, making it even more important to invest in natural resource management in rural communities. According to the World Bank, the poverty rate in Kazakhstan decreased from 4,3 % in 2018 to 5,2 % in 2021 [16]. However, poverty rates vary significantly by region, with some areas experiencing higher levels of poverty than others. For example, the poverty rate in the Turkestan region, located in the south of Kazakhstan, was 9,1 % in 2022, which is almost twice of the national average while the capital city Astana had a poverty rate of 2,2 % in 2022 [17]. As World Bank's Senior Economist for Central Asia William Seitz claims, the top 1 % of adults receiving income in Kazakhstan accounted for 15 % of total income in 2021, nearly as much as the poorest half of the population combined. The contrast in wealth inequality is even more stark, with top 1 % accounting for nearly 30 % of the wealth compared to just 5 % for the bottom half of the population combined [18].

Field sites. This study focuses on Aralsk district in the Northern Aral Sea of Kyzylorda region. Aralsk city was formerly a fishing port and an important supplier of fish to the neighboring regions. There are 9 fish

processing plants with production capacity of 12,5 thousand tons of fish in the region and 7 of them are located in Aralsk [19]. Their main products are fish fillets, minced fish, frozen fish (perch, bream, roach). Overall, 5 thousand tons are processed, and 3,8 thousand tons of fish products are exported. There are 18 arbitrary delineated fisheries divisions within the North Aral Sea and each of them has its own fishing fleet and at least one accompanying processing facility [8]. Employment here has doubled since the opening of fish processing plants in the first decade of 2000 like Kambala Balyk, Aral Fresh Fish Processing plant, Aral Service Center Factory. According to the data from the Akimat (local governorate), 500 people work in the fish processing plants, of which 100 are women [20]. Figure 1 shows the geographical location of the research area (see figure 1):

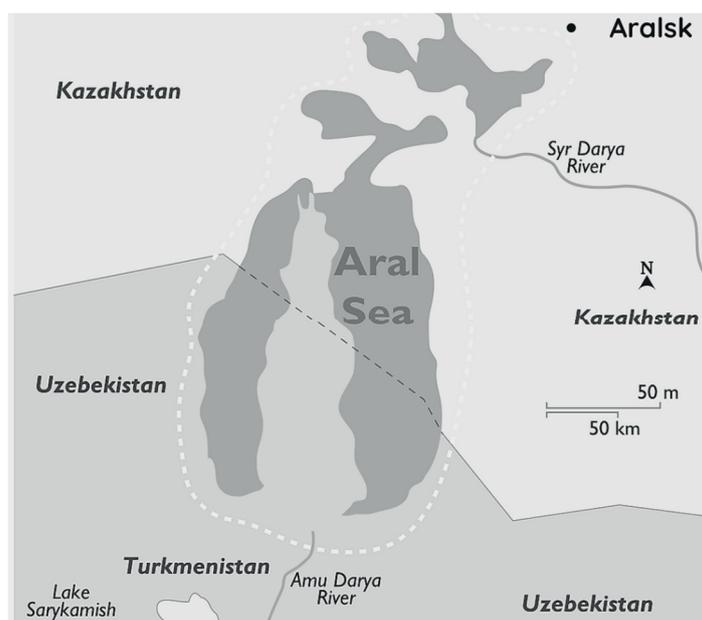

Figure 1 – Location of Aralsk

Note – compiled by the author based on World Atlas

MAIN BODY

Methods. The semi-structured in-depth interviews instrument was developed to document the role of women in fisheries value chain, challenges and opportunities. The key informant interview's asked questions to understand how people perceive environmental issues, fisheries management and entry points for women's empowerment. A total of 10 key informant interviews with head of fish research institutes and plants, local community-based organizations, local government extension personnel and other community leaders were conducted online. Table 1 shows the interview instruments used in conducting interviews:

Table 1 – Interview respondents

Instrument	Respondents
Individual interviews	Female fish processors
Key informant interviews	Business owner/enterprise, NGO representatives Research institute
Note – compiled by the author	

Once collected, the interview summaries were analyzed based on four research questions and identified representative quotations and emerging patterns. Secondary data were gathered from peer-reviewed journal

articles, reports from international and local development agencies, from international and national government statistics. The literature review of secondary data provided an overview of the existing knowledge related to gender and fisheries in the Aral Sea.

Analysis of the results used the framework of patriarchal and neoliberal capitalism. Capitalism's strategy has advantaged powerful networks of men after privatization of 1990s as they accumulated capital but also expedited the oppression of women due to the secondary status. And this study in the Northern Aral Sea region has proved to explain this gendered nature of neoliberal capitalism.

Ethical considerations. Each respondent was sent an information letter about the study and scope of the interview, including the purpose, risks, benefits and alternatives with the interviewer. All information provided by respondents appeared under anonymous name in this paper. Their interview notes were kept under coded name. Data collected during the study will be retained on a password-protected laptop for 12 months. There were no recordings made during the interviews.

Results.

Participant demographics. Individual in-depths and key informant interviews included 7 female and 3 male respondents from Aralsk, Kyzylorda and Almaty. The average age is 50. 80 % of the respondents are senior managers from fish plant, fish-related NGOs, fish research institutes. Others are retired fish processors. All respondents were married and had more than 2 children. All respondents attended secondary school, and only half of them attended vocational college or university. Table 2 shows the characteristics of the sample in the research area:

Table 2 – Sample characteristic

Location	Sector	Male Female	Age group (<30; 30-40; 40-50; 50-60; >60)	Respondent role
Aralsk	2 State entities 2 NGOs 3 fish processing plants	6 female 2 male	50-60	6 Leadership 2 Fish processors
Almaty	1 State entity	1 female	50-60	Leadership
Kyzylorda	1 State entity	1 male	40-50	Leadership
Note – compiled by the author				

Gender roles in the fisheries. The season for fishing starts from October until May. In December, the water freezes, whereas February and March is the period of standstill. Usually, there is a ban on fishing from May 1 until June 10. The fishery sector provides jobs and income to women in the research area. While official statistics indicate 20 % of employees in the fish processing plants to be women while respondents claim unofficial numbers vary from 40 % to 60 %. The main markets for fish exports are Russian, Germany, Poland and China since recent times. There is a clear gender division of labor and responsibilities characterized by many as 'men catch the fish, women process it' which means women are mostly employed in grassroots activities and are mostly absent in the main fishing activities: «*Fishing used to be an exclusive male's activity. However, women started to get involved in fish processing and marketing in the last 3-4 years, including illegal activities (meaning marketing the fish themselves, not as a company)*» (Anonymous respondent).

One of the reasons for women's involvement in the industry might be the change in the industry itself: previously men would catch, froze and sell. According to the respondent, it is forbidden to sell raw fish now, but finished products. Thus, women's role is in cleaning, washing, drying, filleting, processing, freezing, and smoking. Figure 2 shows the value chain at the fish processing plant with women's and men's roles:

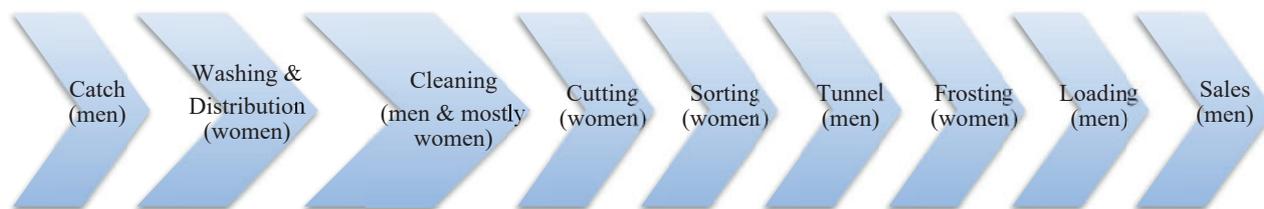

Figure 2 – Distribution of work
Note – compiled by the author

Women are involved in informal fish value addition and trade but lack marketing skills. Women sell smoked fish on trains that are passing through the research area. It is not clear due to field research limitations, if women who trade the smoked fish process it themselves at home or if they buy it from other local women who smoke the fish. However, at this stage one might argue that men have access to the sales and marketing in formal fish trade, women are involved in informal fish trade.

Decision making and agency. Despite the fact that women’s processing activities rely on fish, women rarely have access to the fisheries management process [21]. Women are often underrepresented in fisheries associations and local councils, which oversee fisheries. The ability of women to exercise their power and have an impact on regional decision-making processes in the fisheries management has long been a challenge (ibid).

This is true in the case of North Aral Sea where women lack representation and agency in associations, businesses and decision-making. In the Aralsk district, there is one female Member of Parliament, two female members at the Committee of Water Resources (out of 10), two female members at the Public Council (out of 10). All respondents mentioned the limited role of women in the fishery associations and limited role of associations per se. As an example, the local fisheries consortium consists only of male member. The same pattern refers to the management composition of fish processing plants with prevailing number of men in leadership position: *«Men are the top managers in fish processing plants. There is one smaller fish processing plant that is officially led by woman on the paper, but not in practice»* (Anonymous respondent).

To understand the agency issues, one could take a glance at structural and bureaucratic challenges that limit women’s access to land ownership in the region. Women own around 5 % of the agricultural land. According to the land distribution data in Kyzylorda region, 727 women (4.5 % of 16,007 total landowners) own 143 ha or 5 % of total land area [22]. For example, a female coastal enterprise owner has been facing land ownership formalization hurdles; likewise, another female respondent has been trying to annex the wetlands to the state entity’s territory (where she works) for several years due to bureaucratic issues. Moreover, women are often unaware of their land rights and do not have appropriate qualification and management skills to fill out documents and procedures to apply for credits or government support [23].

Dominant gender norms and social issues. Traditional roles are prevalent in the research area where woman is seen as a wife and a mother first. This social construct is amplified by female un/under-employment in the rural villages. In Kyzylorda region the official unemployment rate is 4.9 % among women and 4.8 % among men [24]. Women traditionally work in the sectors like education, accountancy and HR in local organizations. According to the statistics of the local municipality in 2020, around 50 % of the economically active population in the project area was self-employed [24]. The number of registered farm employees is low: 658 out of 31,808 total employed people in Aralsk district (2 %, 43 % of which are female) [24]. Female unemployment in the area is one of the main issues highlighted by the respondents, which seems to be higher than the official numbers: *«Around 70 % of women do not have jobs»* (Anonymous respondent).

In addition, lack of social and medical services is an additional challenge for women (Although it was hard to find the childcare and healthcare services in Aralsk district in national statistics and other official sources, it was possible to find 4 main hospitals in Kyzylorda region, including 1 in Aralsk, 2 in Kazalinsk (135 km from Aralsk) and 1 in Zhalagash (365 km from Aralsk) in local directories. In the map search, 3 kindergartens were identified in Aralsk): *«There are no kindergartens in the village, as a result women cannot work. It is*

especially difficult for pregnant women, because they have to drive through several villages to the city in case of delivery» (Anonymous respondent).

Moreover, gender stereotypes take place in the fish research entities, 50 % of the staff are women. Women are involved in hydrobiology in laboratory, secretarial and accountancy positions while men are involved in the expeditions, because it is considered hard for women. If a woman gets to work with men, she has to prove herself to male colleagues: *«She was working all nights when she was a director and hasn't seen her family. She worked hard to prove men that a woman can do fish business»* (Anonymous respondent).

Entry points for sustainable development of the fisheries. A lack of environmental awareness among the population leads to ineffective use of water and natural resources. All respondents acknowledged the success of the Aral Sea restoration project. However, women are worried that a lack of understanding and unsustainable use of natural resources can lead to a loss of these achievements as well as hinder future success. As an example, some farm households use drinking water for irrigation purposes, which then leads to drinking water shortages. Another example is overfishing of pikeperch that might lead to the decline in fish population, hence decline in fish processing and export industry that heavily depends on these species. Moreover, illegal fishing operations place fish populations and wildlife at risk. Women are at the forefront of water use for household consumption, they care about future generations and will make strong ambassadors for sustainable water use: *«People do not understand how important it is to save what we have now. They only think about today»* (Anonymous respondent).

Indirect estimates show that actual catch, including poaching, amateur, unaccounted for, currently exceeds the official figure. As in other countries, in Kazakhstan there is the so-called NNN catch (illegal, unaccounted for and unregulated), and this is one of the main problems of the industry. In this regard, pikeperch as a key export-oriented fish has a window of opportunity for women to be involved in farmed fish production. There is a high demand for pikeperch. However, the population has decreased due to overfishing. Thus, regulatory measures need to be explored more and specific actions taken. Thus, cultivation of pikeperch in ponds can solve not only the decreasing fish population issue, but also create jobs for women and develop fish farming practices when aquaculture technologies are introduced: *«Women are more sensitive to the nature. They should be involved more in fish farming, in the process of fish cultivating. Women are also more detailed and follow the rule which makes them good for the fish intake at the fish processing places. They follow the requirements for the standards better than men»* (Anonymous respondent).

Another opportunity is fishmeal production, which has a potential to create female jobs. There is currently only one place that specializes in fishmeal production, in Bogen village; other fishmeal producers are in Kapchagay (Almaty). Thus, the fingerling production expansion depends on the development of the fishmeal production in the research area. Also, there is a growing local demand for fish products like smoked fish, spawn, fish eggs, minced fish, and carp fillet. An expansion of value addition and aquaculture would create new job opportunities, including for women.

Finally, fish processing plants face a lack of specialists in fish processing, in particular fillet cutting, therefore skills training for female and male processing staff is crucial. There is only one technical vocational college that prepares specialists in Aralsk, but they currently do not offer adult training programs. Commercial plants have to train new employees onsite because there are no trainings available. Local NGOs seem to play the role of the extension services. Most of the workshops are provided by NGOs when funding is available from donors. Capacity building for women should focus on sales and marketing in line with technical skills like fillet cutting to improve their access to markets: *«Some male retailers/intermediaries can fool around female trader if she doesn't know the standards and cannot negotiate»* (Anonymous respondent).

Cooperation with regional and national universities to raise awareness about sustainable development and engage them in the local initiatives could bring benefits in long-term perspective. In Kazakhstan, KAZNU and Agrarian University provide programs for fisheries. In Kyzylroda region, Korkyt Ata State University is the major educational institution, which could be considered as a main educational partner for fishery communities in Aralsk.

Discussion. The contributions by women to the fisheries in the North Aral Sea represented here aims to bring attention and visibility to women in fisheries in Kazakhstan. Most of the research on fisheries and gender

has focused on Asia, Europe, Latin America, Africa, and Oceania. This research is a first attempt to build a qualitative glimpse of women's roles in the fisheries of Kazakhstan, drawing together existing studies on the Aral Sea, and the knowledge of local fishery community members to highlight the contributions of women. While acknowledging the limitations of the sampling, I present these results to invite feedback from experts, researchers and policy makers as a motivation to start discussion on gender aspects of the fisheries in Kazakhstan. Given the lack of sex-disaggregated data on types of fishing activities by women and men, it is hard to make more accurate estimates and build the holistic value chain.

Nevertheless, this study indicates that both women and men participate in value chain based on clear gender segregation of labor where men have more access to the resources while women are mostly in secondary roles in post-harvest domain. Also, it is seen that women carry household and childcare labor to addition to their fishery activities. Moreover, social issues like unemployment and unavailability of childcare and healthcare services amplify the vulnerability of the community in the North Aral Sea. This brings us to the discussion of the findings within the neoliberal capitalism. When we talk about sustainable growth, we can refer to the concept of inclusive development, which focuses on social and ecological aspect [25] and its crucial for regions like the Aral Sea. Paradoxically, neoliberal capitalism is not inclusive in gender terms and is not suitable for inclusive development. Even the widely accepted definition of sustainable development today may not be «truly sustainable» or «actually inclusive». Gupta and Vegeling well-illustrate it: *«achieving sustainable development has been hampered by trade-offs in favour of economic growth over social well-being and ecological viability, which may also affect the sustainable development goals (SDGs) adopted by the member states of the United Nations. In contrast, the concept of inclusive development emphasizes the social, ecological and political dimensions of development»* [25].

Moreover, the concept of equal opportunity cannot be put in praxis in the neoliberal society, where education and healthcare are to make profit. Together with this fact, neoliberalism is also characterized by feminization of poverty [26]. In some ways, the emergence of neoliberal capitalism intensified gender inequality and had a detrimental impact on the advancement of women's rights. Women are more likely to be exploited in low-paying, socially unprestigious positions because of the decrease or even abolition of many social programs that were once available to everyone, including health care and education. The reality of women's rights following neoliberal reforms in Kazakhstan and other post-socialist nations, where women formally achieved gender equality, is that women still experience gendered occupational segregation in the workplace, a gendered wage gap, «glass ceilings», an excess of part-time and low-wage workers, and the double burden of caring for both children and the elderly, as it can be seen in the case of the Aral Sea women. However, windows of opportunities, like investing in fish farming, fish meal production and skills for women and men could give hope for sustainable growth, or at least maintenance of the successful restoration of the North Aral Sea.

CONCLUSION

Gender analysis presented in this paper aimed at identifying gender roles, access to decision-making and agency, gender norms and opportunities to ensure sustainable fisheries growth. To start with, typical gender roles in the fishery sector - men catch the fish, and women process it and add value, both at home and in a number of processing plants in the research area. Secondly, women lack representation in the fisheries associations exist in the area. Thirdly, women, who are engaged in the fisheries, carry double burden of household and childcare on top of absence of social and healthcare services. Finally, women have potential in farmed fish production and fishmeal production, and skills training in sales and marketing.

For policy makers and donors, who work on the matter of the Aral Sea, it is crucial to ensure involvement of and equal benefits to women in the restoration of the fisheries industry, improve female representation in fisheries associations, support female fish farmers with funding and technologies in pikeperch rearing, involve women in fish research projects and raise environmental awareness of women and men regarding sustainable fisheries.

REFERENCES

1. Nadel-Klein D. L. To Work and to Weep: Women in Fishing Economies. - Institute of Social and Economic Research, Memorial University of Newfoundland, 1988. - 320 p.
2. FAO. (2020). The State of world fisheries and aquaculture [Electronic resource] // FAO [website]. - 2020. - URL: <https://www.fao.org/3/ca9229en/ca9229en.pdf> (Accessed: 12.11.2022).
3. Harper S., Adshade M., Lam V., Pauly D., Sumaila U. R. Valuing invisible catches: Estimating the global contribution by women to small-scale marine capture fisheries production // PLoS ONE. - 2020. - №15(3). - e0228912. - DOI: 10.1371/journal.pone.0228912.
4. UNDP. Resource Guide Mainstreaming Gender in Water Management [Electronic resource] // UNDP [website]. - 2006. - URL: <https://www.undp.org/sites/default/files/publications/IWRMGenderResourceGuide-Eng-lish-200610.pdf> (Accessed: 15.11.2022).
5. Solano N., Lopez-Ercilla I., Fernandez-Rivera Melo F. J., Torre J. Unveiling Women's Roles and Inclusion in Mexican Small-Scale Fisheries // Frontiers in Marine Science. - 2021. - №7(2020). - Article 617965. - DOI: 10.3389/fmars.2020.617965.
6. Micklin P. The past, present, and future Aral Sea // Lakes and Reservoirs. - 2010. - № 15(3). - P. 193-213. - DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1440-1770.2010.00437.x>
7. Micklin P., Aladin N.V. Reclaiming the Aral Sea // Scientific American - 2008. - №298(4). - P. 64-71.
8. White K., Micklin P. Ecological restoration and economic recovery in Kazakhstan's Northern Aral Sea region, Focus on Geography // American geographical society. - 2021. - №65. - DOI: 10.21690/foge/2021.64.4f
9. UNDP. Human Development Report. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in Human Development in the 21st Century [Electronic resource] // UNDP [website]. - 2019. - URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2019pdf.pdf> (Accessed: 13.11.2022).
10. Kazakhstan [Electronic resource] // UN Women [website]. - 2018. - URL: <https://eca.unwomen.org/en/where-we-are/kazakhstan> (Accessed: 20.11.2022).
11. Gender pay gap [Electronic resources] // Bureau of National statistics of Republic of Kazakhstan [website]. - 2021. - URL: https://gender.stat.gov.kz/page/frontend/detail?id=18&slug=-14&cat_id=7&lang=en (Accessed: 13.11.2022).
12. Аналитический отчет по реализации принципов Болонского процесса в Республике Казахстан. - Астана, МОН РК, 2018. - 64 с.
13. Employment in agriculture (modeled ILO estimate) [Electronic resource] // World Bank [website]. - 2022. - URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.AGR.EMPL.ZS> (Accessed: 13.11.2022).
14. Kazakhstan Country Gender Assessment. - Asian Development Bank, 2019. - 95 p. - DOI: <http://dx.doi.org/10.22617/TCS179181>.
15. Rocca V., Bossanyi Z., Di Giuseppe S. Rural Women in Eastern Europe and Central Asia. - FAO, 2014. - 49 p.
16. Poverty and Inequality Platform [Electronic resource] // World Bank [website]. - n.d. - URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC> (Accessed: 13.11.2022).
17. Статистика уровня жизни [Electronic resources] // Bureau of National statistics of Republic of Kazakhstan [website]. - URL: <https://new.stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/> (Accessed: 13.11.2022).
18. Interview with World Bank Senior Economist for Central Asia William Seitz for End Poverty Day 2022 [Electronic resources] // World Bank [website]. - n.d. - URL: <https://www.worldbank.org/en/news/opinion/2022/10/17/interview-with-world-bank-senior-economist-for-central-asia-william-seitz-for-end-poverty-day-2022>
19. Толеген Ж. Продовольственная безопасность Аральского региона [Electronic resource] // Foodindustry.kz [website]. - 2021. - URL: <https://foodindustry.kz/prodovolstvennaya-bezopasnost-aralskogo-regiona/> (Accessed: 15.11.2022)
20. Information was provided by local governorate by email. Available on request.
21. Bennet E. Gender, fisheries and development // Marine Policy. - 2004. - №29(5). - P. 451-459 - DOI: 10.1016/j.marpolj.2004.07.003
22. Information was provided by local governorate by email. Available on request.

23. Sustainable Livestock Development Program (English). - Washington, D.C.: World Bank Group, 2020. - 66 p.
24. Information was provided by local governorate by email. Available on request.
25. Gupta J., Vegelin C. Sustainable development goals and inclusive development // *Int Environ Agreements*. - 2016. - 16. - P. 433–448. - DOI:10.1007/s10784-016-9323-z
26. Harvey D. *A Brief History of Neoliberalism*. - Oxford University Press, 2005. - 254 p.

REFERENCES

1. Nadel-Klein, Davis DL. (1988). *To Work and to Weep: Women in Fishing Economies*. Institute of Social and Economic Research, Memorial University of Newfoundland, 320 p.
2. FAO. (2020). *The State of world fisheries and aquaculture*. Retrieved November 12, 2022, from <https://www.fao.org/3/ca9229en/ca9229en.pdf>.
3. Harper, S., Adshade, M., Lam, V., Pauly, D. and Sumaila U.R. (2020). Valuing invisible catches: Estimating the global contribution by women to small-scale marine capture fisheries production. *Plos One*, 15(3), e0228912, DOI: 10.1371/journal.pone.0228912.
4. UNDP. (2006). *Resource Guide Mainstreaming Gender in Water Management*. Retrieved November 15, 2022, from <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/publications/IWRMGenderResourceGuide-Eng-lish-200610.pdf>.
5. Solano, N., Lopez-Ercilla, I., Fernandez-Rivera Melo, F.J., and Torre, J. (2021) *Unveiling Women's Roles and Inclusion in Mexican Small-Scale Fisheries*. *Frontiers in Marine Science*, 7(2020), 617965, DOI: 10.3389/fmars.2020.617965.
6. Micklin, P. (2010). The past, present, and future Aral Sea. *Lakes and Reservoirs*, 15(3), 193-213, DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1440-1770.2010.00437.x>
7. Micklin, P., and Aladin, N.V. (2008). *Reclaiming the Aral Sea*. *Scientific American*, 298(4), 64-71
8. White, K., and Micklin, P. (2021). Ecological restoration and economic recovery in Kazakhstan's Northern Aral Sea region, *Focus on Geography, American geographical society*, 65, DOI: 10.21690/foge/2021.64.4f
9. UNDP. (2019). *Human Development Report. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in Human Development in the 21st Century*. Retrieved November 13, 2022, from <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2019pdf.pdf>.
10. Kazakhstan (2018). *UN Women*. Retrieved November 20, 2022, from <https://eca.unwomen.org/en/where-we-are/kazakhstan>.
11. *Gender pay gap*. (2021). Bureau of National statistics of Republic of Kazakhstan. Retrieved November 13, 2022, from https://gender.stat.gov.kz/page/frontend/detail?id=18&slug=-14&cat_id=7&lang=en
12. *Analiticheskij otchet po realizacii principov Bolonskogo processa v Respublike Kazahstan*. (2018). Astana. 64 p. (In Russian).
13. *Employment in agriculture (modeled ILO estimate)*. (2022). World Bank website. Retrieved November 13, 2022, from <https://data.worldbank.org/indicator/SL.AGR.EMPL.ZS>.
14. *Kazakhstan Country Gender Assessment*. (2019). Asian Development Bank, 95 p. - DOI: <http://dx.doi.org/10.22617/TCS179181>.
15. Rocca, V., Bossanyi, Z. and Di Giuseppe, S. (2014). *Rural Women in Eastern Europe and Central Asia*. FAO, 14 p.
16. *Poverty and Inequality Platform*. World Bank. Retrieved November 13, 2022, from <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC>.
17. *Statistika urovnyz zhizni*. (n.d.). Bureau of National statistics of Republic of Kazakhstan. Retrieved November 13, 2022, from <https://new.stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/> (In Russian).
18. *Interview with World Bank Senior Economist for Central Asia William Seitz for End Poverty Day 2022*. (2022). World Bank. Retrieved November 13, 2022, from <https://www.worldbank.org/en/news/opinion/2022/10/17/interview-with-world-bank-senior-economist-for-central-asia-william-seitz-for-end-poverty-day-2022>.

19. Tolegen, Zh. (2021). Prodovol'stvennaya bezopasnost' Aral'skogo regiona. Foodindustry.Kz. Retrieved November 15, 2022, from <https://foodindustry.kz/prodovolstvennaya-bezopasnost-aralskogo-regiona/>.
20. Information was provided by local governorate by email. Available on request.
21. Bennet, E. (2004). Gender, fisheries and development. Marine Policy, 29(5), 451-459, DOI: 10.1016/j.marpol.2004.07.003
22. Information was provided by local governorate by email. Available on request.
23. World Bank (2020). Sustainable Livestock Development Program (English). Washington, D.C.: World Bank Group. 66 p.
24. Information was provided by local governorate by email. Available on request.
25. Gupta, J. and Vegelin, C. (2016). Sustainable development goals and inclusive development. Int Environ Agreements 16, 433-448, DOI:10.1007/s10784-016-9323-z
26. Harvey, D. (2005). A Brief History of Neoliberalism. Oxford University Press, 254 p.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ СОЛТҮСТІК АРАЛ ТЕҢІЗІНДЕГІ БАЛЫҚ ШАРУАШЫЛЫҒЫНДАҒЫ ГЕНДЕРЛІК РӨЛДЕР

А. Пфейфер

«БҰҰ-әйелдер» құрылымы, Инсбрук, Австрия

АҢДАТПА

Бұл зерттеудің мақсаты – балық шаруашылығындағы әйелдердің рөліне назар аудара отырып, гендерлік тұрғыдан Арал теңізін зерттеуге үлес қосу.

Зерттеу әдістемесі балық шаруашылығының құндық тізбегіндегі әйелдердің рөлін және олар кездесетін қиындықтар мен мүмкіндіктерді құжаттауға арналған жартылай құрылымдық тереңдетілген сұхбатты пайдалануға негізделген.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Бұл мақала Орталық Азиядағы балық өнеркәсібіндегі әйелдердің рөлін мойындаудағы олқылықтың орнын толтыруға және Қазақстанның экологиялық және экономикалық тұрғыдан осал жағалау қауымдастығында гендер туралы пікірталас бастауға бағытталған.

Зерттеу нәтижелері зерттеу аймағындағы балық өнеркәсібіндегі кең таралған гендерлік рөлдерді көрсетеді, мұнда ерлер балық аулауға бірінші кезекте жауапты, ал әйелдер үйде де, қайта өңдеу зауыттарында да өңдеуге және құнды қосуға қатысады. Алайда, балық өңдеу өнеркәсібінде әйелдердің айтарлықтай қатысуына қарамастан, олардың балық бірлестіктерінде өкілдіктері жоқ. Зерттеу сонымен қатар алабұғаны негізгі экспорттық балық ретінде анықтады және балық өсірудегі әйелдердің әлеуетін атап өтті. Соңында, зерттеу әйелдердің оқытуға, әсіресе маркетинг пен сатуға деген қызығушылығын анықтады және балық өнеркәсібіндегі мүдделі тараптарға әйелдердің осы дағдыларға қол жеткізуін жеңілдету үшін оқыту бағдарламаларын бірлесіп әзірлеу және ұйымдастыру ұсынылды.

Түйін сөздер: Арал теңізі, балық шаруашылығы, әйел рөлі, қоршаған орта, гендер, тұрақты даму.

Алғыс: Жас ғалымдарға арналған байқау аясында техникалық және қаржылық қолдау көрсеткені үшін USAID-тің Аймақтық су және қоршаған орта жобасына алғысымды білдіремін.

**ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ В РЫБОЛОВСТВЕ
СЕВЕРНОГО АРАЛЬСКОГО МОРЯ В КАЗАХСТАНЕ**

А. Пфейфер

Структура «ООН-женщины», Инсбрук, Австрия

АННОТАЦИЯ

Цель данного исследования – внести свой вклад в уже существующие исследования Аральского моря с гендерной перспективы, с упором на роли женщин в рыбной отрасли.

Методология исследования основывалась на использовании полуструктурированного глубинного интервью, которое было разработано для документирования роли женщин в цепочке создания стоимости рыбной отрасли, а также проблем и возможностей, с которыми они сталкиваются.

Оригинальность / ценность исследования. Данная статья направлена на заполнение пробела в признании роли женщин в рыбной отрасли Центральной Азии и начала дискуссии о гендерных аспектах в экологически и экономически уязвимом прибрежном сообществе Казахстана.

Результаты исследования подчеркивают распространенные гендерные роли в рыбной отрасли в районе исследования, где мужчины в основном отвечают за ловлю рыбы, а женщины занимаются ее переработкой и добавлением ценности, как дома, так и на перерабатывающих заводах. Однако, несмотря на значительное присутствие женщин в рыбной перерабатывающей отрасли, они не имеют представительства в рыбных ассоциациях. Исследование также выявило окуня как ключевую экспортную рыбу и подчеркнуло потенциал женщин в разведении рыбы. Наконец, исследование определило интерес женщин к профессиональной подготовке, особенно в маркетинге и продажах, и рекомендовало заинтересованным сторонам в рыбной отрасли совместно разрабатывать и организовывать программы обучения для облегчения доступа женщин к этим навыкам.

Ключевые слова: Аральское море, рыболовство, роли женщин, окружающая среда, гендер, устойчивое развитие.

Благодарность: Выражаю благодарность региональному проекту USAID по водным ресурсам и окружающей среде за техническую и финансовую поддержку в рамках конкурса молодых ученых

ABOUT AUTHOR

Arailym Pfeifer – MA Gender and International Development, University of Warwick, national gender consultant, UN Women, Innsbruck, Austria, e-mail: arailym.pfeifer@gmail.com, ORCID 0000-0001-5622-9654

МРНТИ 06.77.77

JEL Classification: C43; J16

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-2-31-43>

ГЕНДЕРНЫЕ НЕРАВЕНСТВА В ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

А. П. Авров¹, А. А. Исмагулова^{1*}, А. А. Мусульманкулова¹

¹Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Проанализировать влияние факторов, определяющих разрыв в оплате труда между работниками, гендерные соотношения в оплате труда в разрезе отдельных видов внутри страны и между странами.

Методология. В процессе исследования был использован индексный анализ с применением индекса смещения ассортимента, индексы структурных сдвигов, индексы постоянного и переменного состава. Корреляционно-регрессионный анализ с целью изучения взаимосвязи внутри стран и соотношений между странами.

Оригинальность / ценность исследования. Ценность исследования заключается в новом подходе (используя коэффициенты соотношения ВВП, по паритету и в национальной валюте рассчитать сопоставимые реальные уровни зарплаты наемных работников между странами в разрезе видов экономической деятельности и в гендерном разрезе) позволяющей рассчитать реальные уровни заработной платы.

Выявление зависимости определяющая различия в заработной плате между мужчинами и женщинами, соотношения в размере зарплаты между мужчинами в разных странах. Проанализированы различия дифференциаций в оплате труда между отдельными видами экономической деятельности в разрезе отдельных стран.

Результаты исследования позволили получить реальные представления о уровне оплаты труда, дифференциаций между отдельными видами экономической деятельности и в гендерном аспекте между странами. Выявлены реальные зависимости и соотношения формирования оплаты труда женщин внутри отдельных стран, соотношения в уровнях дифференциаций в гендерном аспекте.

Ключевые слова: оплата труда, гендерный разрыв, индексы переменного, постоянного состава, индексы структурных сдвигов.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы установления гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин являются актуальными для многих стран. Важным аспектом является достижение равенства в оплате труда мужчин и женщин, установление одинаковой оплаты за равноценный труд, и в Казахстане в этом направлении несмотря на положительную динамику наблюдается гендерный разрыв в оплате труда.

Целью исследования является анализ влияния факторов, определяющих различия в размерах оплаты наемных работников, а также анализ соотношений в оплате между мужчинами и женщинами, в разрезе отдельных видов по стране и между странами.

Гендерное неравенство в оплате труда мужчин и женщин присутствует во всех странах, независимо от уровня развития, но в разной вариации. Одним из вопросов гендерного неравенства является профессиональная гендерная сегрегация, и соответственно различия в оплате труда. Значительная часть гендерного разрыва в процессе трудоустройства на хорошие должности связана с тем, что изначально мужчины и женщины инвестируют в различные виды образования. Но даже обучаясь по одинаковым

профессиям, женщины и мужчины выбирают разные профессии [1]. Увеличение гендерного разрыва в заработной плате ведет к снижению производительности труда [2].

Для стран с высоким уровнем развития также характерен гендерный разрыв в оплате труда. Среди Европейского Союза Австрия и Германия считаются страны с высоким уровнем гендерного неравенства в оплате труда. Не всегда государственная политика в целях устранения неравенства учитывает секторальные особенности. Например, в Австрии и Германии финансовый и страховой сектора считаются одним из высокооплачиваемых как у женщин, так и мужчин. Тем не менее, гендерный разрыв в оплате труда существенный, что обусловлено различными профессиями внутри группы и вертикальной сегрегацией недопредставленности женщин на руководящих должностях. Для Австрии в секторе здравоохранения разрыв менее заметен, при среднем уровне заработной платы, в то время как в Германии данный разрыв относительно высокий при невысокой зарплате по сравнению с другими секторами и странами Европейского Союза [3].

В США женщины по сравнению с другими развитыми странами превосходят мужчин по некоторым квалификационным характеристикам, тем не менее не всегда влиянием традиционных факторов (опыт работы, полученное образование и т.д.) возможно объяснить гендерные различия в оплате [4]. Однако, появляются новые исследования [5], которые рассматривают влияние различных норм, психологических характеристик и не когнитивных навыков на гендерный разрыв.

Неравенство в здравоохранении характерно также и для Бразилии, где, например, разрыв в оплате труда врачей-мужчин и врачей женщин составляет 24 %. Несомненно, что вариация оплаты труда в любом секторе зависит не только от рабочей нагрузки, но и от специфических особенностей самой рассматриваемой группы профессий, и от социально-демографических характеристик также [6].

Неравномерный гендерный разрыв характерен и для Австралии [2], где причинами являются также традиционные факторы – профессиональная сегрегация, дискриминация на рынке труда.

В Польше отмечается невысокий уровень различий в оплате труда мужчин и женщин, в виду более высокого уровня образованности женщин. Кроме того, женщины управленческого звена больше представлены в государственном секторе, нежели в частном, соответственно разрыв там меньше [7].

Несмотря на имеющиеся гендерные различия в Индии и Китае, за последние годы обе страны показали разную динамику изменения, и если в Индии наблюдалось сокращение гендерного разрыва, вследствие роста квалификации женщин и осуществлении соответствующей государственной политики, то в Китае ситуация изменилась, в том числе вследствие ухудшения положения женщин на рынке труда [8].

Для Южной Кореи сохраняются значительные различия в оплате труда мужчин и женщин, вследствие сохраняющегося длительное время двойного разделения рынка труда, когда работники делятся на «регулярные/постоянные» и «нерегулярные», причем большая доля женщин именно во второй категории. Институциональные условия играют важную роль, так как механизмы формирования заработной платы для двух категорий работников отличается, и не учитываются такие факторы как стаж работы и т. д., что приводит к нарушению принципа равной оплаты за равноценный труд. Соответственно, в таких условиях важным является установление структурированной системы оплаты труда для «нерегулярных» работников, а также по возможности, снижению доли женщин на непостоянной работе [9].

Таким образом, гендерный разрыв наблюдается во многих странах, и вопросы различий в оплате труда является важной темой социально-экономических исследований.

Литературный обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов и гендерных различий в оплате труда будет охватывать результаты исследований ученых дальнего и ближнего зарубежья. В предлагаемом литературном обзоре ставится задача исследовать концептуальные основы и базовые направления проблемы гендерных различий в оплате труда.

Как показывает E. Brainerd [18], переходный период негативно отразился на положении российских женщин на рынке труда. Если весной 1991 года они получали в среднем 80 % от мужской заработной платы, что было одним из самых высоких показателей среди стран Центральной Азии, то весной 1994 года она была ниже 70 %, что уже показывало одну из самых низких. Основной причиной такого резкого снижения относительной заработной платы женщин в России, по мнению автора, стало

резкое увеличение неравенства в оплате труда. Эти результаты согласуются с данными, приведенными в работе исследователей Ньюэлла и Рейлли. В 1996 году, относительная заработная плата женщин в большинстве стран Центральной Азии относительно не изменилась, а в ряде стран она выросла по сравнению с дореформенным уровнем, но в России наблюдалась тенденция снижения до менее 70 % средней заработной платы мужчин [10].

Еще одной важной особенностью российского рынка труда, наблюдаемой в большинстве других стран, является отраслевая и профессиональная гендерная асимметрия занятости. Если рассматривать широкие сферы экономики, то традиционно «женские» отрасли российской экономики – это здравоохранение, спорт и социальное обеспечение, образование, культура и искусство, а также Финансы и кредит, а традиционно «мужские» – строительство и транспорт [11].

Исследователи И. И. Елисеева, М. П. Декина смогли количественно оценить вклад фактора в заработную плату сотрудников, а также оценить заработную плату разных специальностей для работающих женщин. Уровень образования оказывает сильное влияние на заработную плату женщин, что, с одной стороны, отражает интеллектуальное преимущество женщин, а с другой – увеличение достойных заработков женщин с меньшим образованием. Фактор места жительства, влияющий на оплату труда, был сильнее проявлен у мужчин. Декомпозиция заработной платы по гендерному признаку позволила установить сохраняющееся наличие неравенства по гендерному признаку в РФ при прочих равных условиях [12].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из основных факторов, определяющим различия в размере оплаты труда между странами, является общественная производительность труда. Побочным условием является распределение валового внутреннего продукта (ВВП), валового национального дохода (ВНД) и валовой добавленной стоимости (ВДС) на составляющие – оплата труда наемных работников, налоги и валовая прибыль/валовый смешанный доход. Данные по валовой добавленной стоимости позволяют проводить такое разделение. Сведения о долях оплаты труда в разрезе отдельных видов деятельности приводятся в таблице 1.

Таблица 1 – Доля оплаты труда в валовой добавленной стоимости (ВДС) в разрезе отдельных видов экономической деятельности по России, Казахстану и Киргизии, в %

	Страны			Разница	
	Россия	Казахстан	Киргизия	Россия-Казахстан	Россия-Киргизия
Сельское хозяйство	24,1	21,8	1,8	2,3	22,3
Горнодобывающая	17,7	21,8	66,6	-4,1	-50,9
Обрабатывающая	36,9	28,2	23,6	8,7	33,3
Энергоснабжение	51,8	43,3	46,8	8,5	5,0
Водоснабжение	62,0	53,7	49,5	8,3	10,5
Строительство	43,8	42,5	6,9	1,3	36,9
Торговля	40,7	34,6	65,5	6,1	-24,8
Транспорт	40,1	26,4	31,2	13,7	8,9
Условия проживания	47,1	38,7	11,2	8,49	35,9
Информация	53,0	36,8	39,5	16,2	15,5
Операция с недвижимостью	7,3	6,4	99,5	0,9	-92,2
Профессиональная, научная	49,7	41,9	79,3	7,8	-29,8
Административная	39,5	38,2	99,5	1,3	-60,0
Образование	63,8	74,7	92,8	-10,9	-23,0
Здравоохранение	85,6	78,3	79,3	7,3	6,3
Культура	66,8	53,5	75,9	13,3	-9,1
Примечание – составлено авторами на основе источника [13], [14], [15]					

Различия в доле оплаты труда наемных работников между странами в разрезе отдельных видов экономической деятельности может быть связано с следующими условиями: более низкий уровень оплаты труда по сравнению с доходами предпринимателей; более высокой долей валовых смешанных доходов; с различиями в доле работников, занятых на госпредприятиях, целью которых не является получение большой прибыли.

В Киргизии превышение наблюдается в шести видах экономической деятельности (горнодобывающей, торговле, в операциях с недвижимостью, профессиональной и научной деятельности, образовании и культуры). Низкая доля оплаты труда, занятых в сельском хозяйстве, строительстве, и деятельность, связанная с условиями проживания, обусловлена тем, что она осуществляется индивидуальными предпринимателями или членами домашних хозяйств.

Низкая доля оплаты труда в России в горнодобывающей отрасли можно объяснить более высокой долей высокорентабельной продукции, наличием старательных артелей, например, добычей золота. Наоборот, очень высокая доля оплаты труда может быть связана наличием субсидий.

Только в двух видах экономической деятельности (горнодобывающей и образование) доля оплаты труда ВДС в Казахстане превышает соответствующую в России. Также, и в Казахстане наблюдается слабая обратная зависимость между высокой долей оплаты труда в ВДС и высокой средней зарплатой, коэффициенты корреляции соответственно минус (-0,303) и минус (-0,410). В Киргизии такая обратная зависимость проявляется более четко, коэффициент корреляции равен минус (-0,629). Отрицательное значение коэффициентов корреляций для России и Казахстана свидетельствует о том, что высокая доля связана с большой численностью занятых в этих видах деятельности.

Для обеспечения сравнимости различий в размерах заработной платы между странами, связанные с неодинаковыми долями оплаты труда в ВДС, использовался подход, примененный в работе [16; 17], по пересчету размеров заработной платы в национальной валюте в оценки, позволяющие получить представление о реальных соотношениях размеров заработной платы между отдельными странами.

Для этого заработная плата в национальной валюте умножается на коэффициент соотношения валового национального дохода (ВНД) в национальной валюте к его величине по паритету покупательной способности. Этим самым, зарплата отдельных стран приводится к единой ценовой базе.

В Казахстане, России, Киргизии и Украине значение этих коэффициентов соответственно равно 0,0092; 0,0466, 0,0505 и 0,044. Следует отметить, что они примерно соответствуют курсу этих валют к курсу рубля. Пересчитанная средняя зарплата по рассматриваемым странам приводится в таблице 2.

Таблица 2 – Средняя пересчитанная зарплата в отдельных странах

Страны	Казахстан	Россия	Киргизия	Украина
Значение пересчитанной зарплаты	1297	1820	830	915
Примечание – составлено авторами на основе источника [13]				

Наиболее высокая зарплата в России, в Казахстане зарплата больше, чем на Украине и в Киргизии. Средняя реальная пересчитанная зарплата в Казахстане больше средней зарплаты на Украине, соответственно 1295 и 915

Данные о средней пересчитанной зарплате мужчин и женщин в отдельных странах приводятся в последующей таблице 3. Зарплата в Казахстане по отношению к России составляет 71,2 %, близко к этому соотношению украинской и казахстанской заработной платы.

Наиболее высокая реальная зарплата, как у мужчин, так и у женщин, в России, затем в Казахстане, наименьшая в Киргизии. Зарплата женщин во всех странах меньше, чем у мужчин. В Казахстане она относительно наиболее низкая к зарплате мужчин, но по размеру больше, чем в Киргизии. В Киргизии зарплата женщин относительно меньше, отличается от зарплаты мужчин.

Таблица 3 – Зарплата наемных работников мужчин и женщин в Казахстане и в России

	Мужчины	Женщины	Женщины/ мужчины
Национальной валюте в тыс.			
Казахстан	179,6	96,5	0,54
Россия	45,6	32,7	0,72
Киргизия	18,7	14,4	0,77
По паритету покупательной способности в тыс. пересч. единиц			
Казахстан	1,65	0,89	0,54
Россия	2,12	1,52	0,72
Киргизия	0,94	0,72	0,77
Соотношение средней пересчитанной зарплаты между странами			
Россия / Казахстан	1,29	1,71	1,33
Россия / Киргизия	2,26	2,11	0,93
Казахстан / Киргизия	1,76	1,24	0,70
Примечание – составлено авторами на основе источника [13], [14], [15]			

Абсолютная разница в размере реальной пересчитанной зарплаты между странами а и в в целом и за счет различий в размерах зарплат в национальной валюте ($ЗП_a$, $ЗП_b$) и коэффициентов их соотношения ВВП к его величине по паритету в национальной валюте (K_a , K_b) подсчитывается по формуле:

$$ЗП_{aпер} - ЗП_{bпер} = (ЗП_{aвал} - ЗП_{bвал}) * K_b + (K_a - K_b) * ЗП_{aвал} \quad (1)$$

где,

$ЗП_{aпер}$ – зарплата труда страны А,

$ЗП_{bпер}$ – зарплата труда страны Б,

$ЗП_{aвал}$ – зарплата в национальной валюте страны А,

$ЗП_{bвал}$ – зарплата в национальной валюте страны Б,

$K_{b,a}$ – коэффициент пересчёта страны А и Б.

Для детализации абсолютной разницы пересчитанных зарплат у женщин целесообразно использовать три фактора:

коэффициент K_1 – зарплата мужчин в национальной валюте;

коэффициент K_2 – соотношение ВВП в национальной валюте к ВВП по ППС;

коэффициент K_3 , характеризующий отношение зарплаты женщин к зарплате мужчин.

$$ЗП_{aпер.ж} - ЗП_{bпер.ж} = K_{a1} * K_{a2} * ЗП_{aамвал} - K_{b1} * K_{b2} * ЗП_{bамвал} = (ЗП_{aамвал} - ЗП_{bамвал}) * K_{b1} * K_{b2} + (K_{a1} - K_{b1}) * ЗП_{aамвал} * K_{b2} + (K_{a2} * K_{b2}) * ЗП_{aамвал} * K_{a1} \quad (2)$$

где,

$ЗП_{aпер.ж}$ – зарплата страны А в пересчете на женщин;

$ЗП_{bпер.ж}$ – зарплата страны Б в пересчете на женщин;

K_{a1} – зарплата мужчин в национальной валюте страны А;

K_{a2} – соотношения ВВП в национальной валюте к ВВП по ППС страны А.

Фактические различия в реальной зарплате в целом и за счет отдельных факторов приводятся в таблице 4.

Таблица 4 – Абсолютные и относительные различия в реальной зарплате между странами

	Россия-Казахстан	Россия-Киргизия	Казахстан-Киргизия
Мужчины, тыс. единиц			
Абсолютные различия в размере реальной зарплаты	0,47	1,18	0,72
в том числе:			
за счет различий в размере заработной платы в нац.валюте	-1,23	1,37	8,21
за счет коэффициентов соотношений ВВП в нац.валюте к ВВП по ППС	1,70	-0,19	-7,49
Относительная разница по отношению к реальной зарплате (%)	28,5	125,5	175,5
в том числе:			
за счет различий в размере заработной платы в нац.валюте	-74,5	25,3	8,13
за счет коэффициентов соотношений	103,0	-17,9	-7,42
Женщины, тыс. единиц			
Абсолютная разница в размере реальной зарплаты	0,63	0,80	0,17
в том числе:			
за счет различий в размере средней зарплатой мужчин	-0,67	1,05	5,47
за счет коэффициентов соотношений ВВП в нац. валюте к ВВП по ППС	0,92	-0,14	-4,97
отношение зарплаты женщин к зарплате мужчин	0,38	-0,11	-0,33
Относительная разница в размере реальной зарплаты (%)	70,8	111,1	23,6
в том числе:			
за счет различий в размере средней зарплатой мужчин	-75,3	145,8	759,7
за счет коэффициентов соотношений ВВП в нац. валюте к ВВП по ППС	103,4	-19,4	-690,3
отношение зарплаты женщин к зарплате мужчин	42,7	-15,3	-45,8
Примечание – составлено авторами на основе источника [18], [14], [15]			

Данные о реальной зарплате в разрезе отдельных видов деятельности для мужчин и женщин приводятся в таблице 5.

Таблица 5 – Реальная заработная плата в разрезе отдельных видов экономической деятельности, в пересчитанных единицах

Виды деятельности	Казахстан	Россия	Киргизия	Казахстан	Россия	Киргизия
	Мужчины			Женщины		
Сельское хозяйство	908	1423	524	383	667	479
Горнодобывающая	3277	3302	1562	2632	2402	1491
Обрабатывающая	1663	2121	1062	1253	1632	821
Энергоснабжение	1416	1901	1431	1161	1697	951
Водоснабжение	992	1483	831	836	1231	734

Строительство	1810	2303	931	1680	2202	736
Торговля	1667	2286	913	1185	1719	823
Транспорт	1891	2279	1252	1515	1642	797
Условия проживания	1666	1782	933	1080	1432	823
Информация	2111	3221	1986	1952	2542	1496
Операция с недвижимостью	1445	1800	813	1257	1546	708
Профессиональная, научная деятельность	2889	3152	1337	1672	2371	992
Административная	1441	1616	842	1002	1435	837
Образование	896	1782	1091	682	1134	720
Здравоохранение	991	1434	561	1054	1615	558
Культура	762	1311	452	1502	1781	456
Примечание – составлено авторами на основе источника [13], [14], [15]						

Реальная зарплата у мужчин в Казахстане, России и Киргизии выше, чем у женщин, исключение составляет отрасль здравоохранения и культуры. В Казахстане и в России у женщин в данных видах деятельности она существенно выше, в Киргизии практически не различается. Реальная зарплата у мужчин и женщин в России больше, чем в Казахстане и в Киргизии [19]. Гендерное различие в оплате труда связаны с наличием исключительно мужских профессий (например, горняки) и в определенной степени типично женских профессий (например, воспитательницы). Имеет место различие в уровне квалификации. Утверждать, что при одинаковой квалификации и профессии женщины как правило, получают меньше, по-нашему мнению ошибочно.

Несмотря на более высокую зарплату в России, различия в зарплате между работниками отдельных видов экономической деятельности в России меньше, чем в Казахстане, так дисперсии показателей в Казахстане и России у мужчин равны 414 135 и 345 999, у женщин 255 464 и 189 663 соответственно. Это связано с обратной зависимостью между уровнем оплаты труда в Казахстане и коэффициентами соотношения уровней зарплаты у россиян к казахстанцам. У мужчин коэффициент корреляции равен минус (-0,637), а у женщин минус (-0,824).

Коэффициенты корреляции между значением оплаты и абсолютными разностями в оплате между казахстанцами и россиянами значительно ниже. У мужчин он равен минус (-0,367), у женщин снижение значительнее, соответственно минус (-0,484). Если не учитывать занятых в горнодобывающей промышленности, то снижение не значимое. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что более значительное изменение уровня оплаты в России по сравнению с Казахстаном происходило не пропорционально уровню зарплат, какими они были в предыдущие периоды, а на мало различающие абсолютные приросты.

Для мужчин коэффициент корреляции между размером зарплаты в России и коэффициентом соотношения ее к зарплате мужчин в Казахстане равен минус (-0,426), для женщин подобный коэффициент отличается не значительно. Среднее значение абсолютных разниц между средними зарплатами россиян и казахстанцев связана не только с различиями в разрезе отдельных видов экономической деятельности, но и за счет различий в составе занятых.

Общее значение различий, связанных с изменениями в профессиональной структуре наемных работников, подсчитывается как разница между взвешенными средними и значениями разниц, подсчитанными по простой средней 471-362=102. У женщин оно равно 153 = 634 – 481. По отношению к фактической разнице составляет у мужчин 21,7 %, у женщин 24,1 %.

Эту разницу можно детализировать:

$$\frac{\sum \Delta_{\text{рф}} T_{\text{рф}}}{\sum T_{\text{рф}}} - \frac{\sum \Delta_{\text{рк}} T_{\text{рк}}}{\sum T_{\text{рк}}} = \left(\frac{\sum \Delta_{\text{зп}} T_{\text{рф}}}{\sum T_{\text{рф}}} - \frac{\sum \Delta_{\text{зп}} T_{\text{рк}}}{\sum T_{\text{рк}}} \right) + \left(\frac{\sum \text{ЗП}_{\text{рк}} T_{\text{рф}}}{\sum T_{\text{рф}}} - \frac{\sum \text{ЗП}_{\text{рк}} T_{\text{рк}}}{\sum T_{\text{рк}}} \right) + \left(\frac{\sum \Delta_{\text{зп}} T_{\text{рк}}}{\sum T_{\text{рк}}} - \frac{\sum \Delta_{\text{зп}}}{n} \right) + \frac{\sum \Delta_{\text{зп}}}{n} \quad (3)$$

где,

$\text{ЗП}_{\text{рф}}$ – зарплата в отдельном виде экономической деятельности у мужчин или женщин в России,

$Z_{рф}$ – зарплата в отдельном виде экономической деятельности у мужчин или женщин в Казахстане,
 $T_{рф}$ – Средняя численность работников в разрезе экономической деятельности у мужчин или женщин в России,
 $T_{рф}$ – Средняя численность работников в разрезе экономической деятельности у мужчин или женщин в Казахстане,
 Δ – абсолютная разница,
 n – простая средняя.

Первые три разницы отражают влияние структурных сдвигов на изменения средних значений заработной платы. Первая показывает изменение средних различий в зарплате между наемными работниками в России и в Казахстане.

Она соответствует разностному разложению индекса смещения ассортимента

$$\left(\frac{\sum Z_{рф} T_{рф} / \sum Z_{рк} T_{рф}}{\sum T_{рф}} \right) / \left(\frac{\sum Z_{рф} T_{рк} / \sum Z_{рк} T_{рк}}{\sum T_{рк}} \right) \quad (4)$$

где,

$Z_{рф}$ – зарплата в отдельном виде экономической деятельности у мужчин или женщин в России,
 $Z_{рф}$ – зарплата в отдельном виде экономической деятельности у мужчин или женщин в Казахстане,
 $T_{рф}$ – Средняя численность работников в разрезе экономической деятельности у мужчин или женщин в России,
 $T_{рк}$ – Средняя численность работников в разрезе экономической деятельности у мужчин или женщин в Казахстане.

Вторая составляющая формулы отражает изменения средней заработной платы в Казахстане (базисная страна б) при условии, что структура численности работников в Республике будет такая же, как и в России.

Третья составляющая формулы характеризует различие между средней разницей в зарплате, взвешенной по структуре занятых в Казахстане и средней разницей, подсчитанной по простой средней.

Четвертая составляющая в формуле – простая средняя, подсчитанная на основе разностей в размерах заработной платы у отдельных групп работников.

Если первую разность заменить на индекс смещения ассортимента, а вторую на индекс, отражающий соотношения среднего прироста заработной платы взвешенных по структуре занятых (виды экономической деятельности) в России и Казахстане и третью на индекс, в виде соотношения среднего прироста, рассчитанного по средней взвешенной к среднему приросту, рассчитанного по простой, то произведение этих индексов, умноженное на среднюю разность рассчитанной по простой средней, даст индекс переменного состава, отражающий различия в средних значениях разниц между Россией и Казахстаном [20]. Доля отдельных составляющих приводится в таблице 6.

Таблица 6 – Доля отдельных составляющих при разложении индексов переменного состава, в %

Разницы между средними значениями заработной платы групп наемных работников	Составляющие				Итого
	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	
Мужчины - женщины РК	65,7	190,4	-207,3	48,8	100
Мужчины - женщины РФ	28,7	25,0	-0,6	46,9	100
Мужчины РФ - мужчины РК	-7,7	18,3	-1,4	90,8	100
Женщины РФ- женщины РК	35,3	-68,6	-32,7	166,0	100
Примечание – составлено авторами на основе источника [13], [14], [15]					

Отношение четвертой составляющей к разности между средними зарплатами отражает влияние структурных сдвигов на изменения разностей. Структурные различия способствовали росту различий

в зарплате между мужчинами и женщинами в Казахстане (100-48,8) и наоборот, структурные различия способствовали снижению различий между женщинами в России и в Казахстане (100-166). Структурные сдвиги также способствовали значительному увеличению различий между мужчинами и женщинами в России. Различия в структуре не привели к существенной разнице между мужчинами в России и мужчинами в Казахстане (100-90,8). Сведения о различиях в оплате труда между мужчинами и женщинами в разрезе отдельных видов деятельности приводятся в последующей таблице 7.

Таблица 7 – Соотношение уровня реальной зарплаты женщин и мужчин в разрезе отдельных видов экономической деятельности

Виды деятельности	Россия		Казахстан		Киргизия	
	З/п мужчин	З/п жен. к З/п муж.	З/п мужчин	З/п жен. к З/п муж.	З/п мужчин	З/п жен. к З/п муж.
Сельское хозяйство	1423	0,469	908	0,422	524	0,914
Горнодобывающая	3302	0,727	3277	0,803	1562	0,955
Обработывающая	2121	0,769	1663	0,753	1062	0,773
Энергоснабжение	1901	0,893	1416	0,820	1431	0,665
Водоснабжение	1483	0,830	992	0,843	831	0,883
Строительство	2303	0,956	1810	0,928	931	0,791
Торговля	2286	0,752	1667	0,711	913	0,901
Транспорт	2279	0,720	1891	0,801	1252	0,637
Условия проживания	1782	0,804	1666	0,648	933	0,882
Информация	3221	0,789	2111	0,925	1986	0,753
Операция с недвижимостью	1800	0,859	1445	0,870	813	0,871
Профессиональная, научная	3152	0,752	2889	0,579	1337	0,742
Административная	1616	0,888	1441	0,695	842	0,994
Образование	1782	0,636	896	0,761	1091	0,660
Здравоохранение	1434	1,126	991	1,064	561	0,995
Культура	1311	1,359	762	1,971	452	1,009
Примечание – составлено авторами на основе источника [13], [14], [15]						

Зарплата женщин, занятых в учреждениях культуры превышает зарплату у мужчин. В учреждениях здравоохранения такое превышение наблюдается в России и Казахстане, в Киргизии оно близко к единице.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Различия в долях оплаты труда между Россией и Казахстаном в ВДС не являются принципиальными, а по отношению к Киргизии они связаны с более высокой долей индивидуального предпринимательства.

Использованный подход для пересчета заработной платы позволил получить более точное представление о реальных соотношениях размерах зарплаты между странами. Несмотря на более высокую среднюю заработную плату в отдельных видах экономической деятельности, различия между средними значениями заработной платы в отдельных видах экономической деятельности в Казахстане (межгрупповые дисперсий) выше, чем в России.

Обратная зависимость, как для мужчин, так и для женщин наблюдается между размером зарплаты в России, и коэффициентом соотношения зарплаты казахстанцев к россиянам.

Слабая обратная зависимость наблюдается между размером зарплаты у мужчин и значениями долей зарплаты женщин к зарплате мужчин: Россия и Казахстан минус (-0,316); Россия и Киргизия минус

(–0,219); Казахстан и Киргизия минус (–0,317). Интерпретация данного анализа говорит о том, что чем выше зарплата у мужчин, тем меньше отношение зарплаты женщин к зарплате мужчин. Маленькие значения коэффициентов корреляций свидетельствует об практическом отсутствии функциональной зависимости подобного соотношения оплаты труда мужчин и женщин.

Для характеристики соответствия между коэффициентами отношения зарплаты женщин к мужчинам рассчитывались средние абсолютные разницы между Казахстаном и Россией, Киргизией и Россией. Средние значения абсолютных разниц составили 0,115 и 0,131. По отношению к среднему значению коэффициентов соотношения зарплаты женщин к мужчинам соответственно составит 13,8 и 15,8.

Для характеристики соответствия соотношений между зарплатами у мужчин в отдельных видах деятельности рассчитывались коэффициенты в виде отношения зарплаты в других видах деятельности к зарплате в сельском хозяйстве. Рассчитанные коэффициенты корреляций отражают это соответствие: Россия и Казахстан 0,92; Россия и Киргизия 0,83.

Несмотря на прошедшие 30 лет, когда наблюдалось полное соответствие в соотношениях между уровнями зарплат в отдельных видах деятельности во многом это соответствие сохранилось.

В сельском хозяйстве наиболее значительные различия в зарплате мужчин и женщин во всех странах. Во всех рассматриваемых странах зарплата занятых в сельском хозяйстве мужчин меньше по сравнению с занятыми в других видах деятельности, а у женщин более чем в два раза ниже зарплаты мужчин.

Использованная методика детализаций различий между средними заработными платами сравниваемых стран позволяет получить более точное представление о влиянии факторов, определяющих различия в зарплате между ними.

При политике формирования заработной платы и устранения неравенства в этом направлении следует осуществлять комплексные подходы, обеспечивать равные возможности в сфере занятости и дохода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Shauman K. A. Occupational sex segregation and the earnings of occupations: What causes the link among college-educated workers? // *Social Science Research*. – 2006. – № 35(3). – P. 577-619. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2004.12.001>.
2. Baker M., Ali M., French E. Effectiveness of gender equality initiatives in project-based organizations in Australia // *Australian Journal of Management*. – 2019. – № 44(3). – P. 425-442. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0312896218805809>.
3. Bergmann N., Scheele A., Sorger C. Variations of the same? A sectoral analysis of the gender pay gap in Germany and Austria // *Gender, Work & Organization*. – 2019. – № 26(5). – P. 666-687. – DOI: 10.1111/gwao.12299.
4. Blau F. D., Kahn L. M. The Gender Earnings Gap: Learning from International Comparisons // *The American Economic Review*. – 1992. – № 82(2). – P. 533-538.
5. Blau F. D., Kahn L. M. The gender wage gap: Extent, trends, and explanations // *Journal of Economic Literature*. – 2017. – № 55(3). – P. 789-865.
6. Mainardi G. M., Cassenote A. J. F., Guilloux A. G. A., et. al. What explains wage differences between male and female Brazilian physicians? A cross-sectional nationwide study // *BMJ Open*. – 2019. – № 9(4). – Article e023811. – DOI: 10.1136/bmjopen-2018-023811.
7. Magda I., Cukrowska-Torzewska E. Do Women Managers Lower Gender Pay Gaps? Evidence from Public and Private Firms // *Feminist Economics*. – 2019. – № 25(4). – P. 185-210. – DOI: 10.1080/13545701.2019.1634828.
8. Lee J. W., Wie D. Wage Structure and Gender Earnings Differentials in China and India // *World Development*. – 2017. – № 97. – P. 313-329. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.04.016>.
9. Lee S. S.-Y., Kim Y. Female outsiders in South Korea's dual labour market: Challenges of equal pay for work of equal value // *Journal of Industrial Relations*. – 2020. – № 62(4). – P. 651-678. – DOI: <https://doi.org/10.1080/0022252X.2020.1811111>.

org/10.1177/0022185620931138.

10. Newell A., Reilly B. The Gender Pay Gap in the Transition from Communism: Some Empirical Evidence. IZA DP No. 268 // *Economic Systems*. – 2001. – № 25(4). – P. 287-304.

11. Женщины и мужчины России / под ред. Оксеной Г. К. и др. – М.: Росстат, 2018. – 241 с.

12. Елисеева И. И., Декина М. П. Статистический анализ гендерного неравенства оплаты труда в современной России // *Статистика и Экономика*. – 2019. – № 16(5). – С. 85-93.

13. Оплата труда в Республике Казахстан 2017-2021. Статистический сборник / Главный редактор Шаймарданов Ж. Н. – Астана, 2022. – 147 с.

14. Рынок труда, занятость и заработная плата [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики [web-сайт]. – 2022. – URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (Дата обращения: 25.09.2022).

15. Зарботная плата [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики [web-сайт]. – 2022. – URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/trud-i-zarabotnaya-plata/> (Дата обращения: 25.09.2022).

16. Авров А. П. Динамика и взаимосвязей производительности и оплаты труда в Казахстане // *Вестник НГУЭУ*. – 2017. – № 2. – С. 82-92.

17. Авров А. П., Аврова И. А. Схема анализа соотношения размеров заработной платы наемных работников в отдельных странах // *Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург 27-28 сентября 2022*. – С. 47-51.

18. Национальные счета Республики Казахстан 2016-2020. Статистический сборник / Главный редактор Шаймарданов Ж. Н. – Алматы, 2022. – 116 с.

19. Сансынсызбаева Г. Н., Мусульманкулова А. А. Занятость женщин в Казахстане: Динамика и состояние // *Экономические и гуманитарные науки*. – 2016. – № 2(349). – С. 70-77.

20. Цой Б. А., Авров А. П. К вопросу статистического изучения полагаются следующие сносах размеров составляющие эффективности общественного производства региона // *Экономико-статистическое исследование эффективности общественного производства региона*. – Министерство высшего и среднего специального образования Казахской ССР. Алма-Атинский институт народного хозяйства. Алма-Ата, 1987. – С. 29-32.

21. Brainerd E. Women in Transition: Changes in Gender Wage Differentials in Eastern Europe and the Former Soviet Union // *Industrial and Labor Relations Review*. – 2000. – № 54(1). – P. 138-162.

REFERENCES

1. Shauman, K. A. (2006). Occupational sex segregation and the earnings of occupations: What causes the link among college-educated workers? *Social Science Research*, 35(3), 577–619, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2004.12.001>.

2. Baker, M., Ali, M. and French, E. (2019). Effectiveness of gender equality initiatives in project-based organizations in Australia. *Australian Journal of Management*, 44(3), 425–442, DOI: <https://doi.org/10.1177/0312896218805809>

3. Bergmann, N., Scheele, A. and Sorger, C. (2019). Variations of the same? A sectoral analysis of the gender pay gap in Germany and Austria. *Gender, Work & Organization*, 26(5), 666–687, DOI: 10.1111/gwao.12299.

4. Blau, F. D. and Kahn, L. M. (1992). The Gender Earnings Gap: Learning from International Comparisons. *The American Economic Review*, 82(2), 533–538.

5. Blau F. D. and Kahn L. M. (2017). The gender wage gap: Extent, trends, and explanations. *Journal of Economic Literature*, 55(3), 789–865.

6. Mainardi G. M., Cassenote A. J. F., Guilloux A. G. A. and et al. (2019). What explains wage differences between male and female Brazilian physicians? A cross-sectional nationwide study. *BMJ Open*, 9(4), e023811, DOI: 10.1136/bmjopen-2018-023811.

7. Magda, I. and Cukrowska-Torzewska, E. (2019). Do Women Managers Lower Gender Pay Gaps? Evidence from Public and Private Firms. *Feminist Economics*, 25(4), 185-210, DOI: 10.1080/13545701.2019.1634828.

8. Lee, J. W. and Wie, D. (2017). Wage Structure and Gender Earnings Differentials in China and India. *World Development*, 97, 313-329, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.04.016>.
9. Lee, S. S.-Y. and Kim, Y. (2020). Female outsiders in South Korea's dual labour market: Challenges of equal pay for work of equal value. *Journal of Industrial Relations*, 62(4), 651–678, DOI: <https://doi.org/10.1177/0022185620931138>.
10. Newell A., Reilly B. (2001). The Gender Pay Gap in the Transition from Communism: Some Empirical Evidence. IZA DP No. 268. *Economic Systems*, 2001. – № 25(4). – P. 287-304.
11. Oksena, G. K. (Eds.). (2018). *Zhenshchiny i muzhchiny Rossii*. Rosstat, 2018. – 241 p.
12. Eliseeva, I. I., Dekina, M. P. (2019). Statistical analysis of gender wage inequality in modern Russia. *Statistics and Economics*, 16(5), 85-93.
13. Shajmardanov, Zh. N. (Eds.). (2022). *Oplata truda v Respublike Kazahstan 2017-2021*. Statisticheskij sbornik. Astana, 147 p. (In Kazakh and Russian).
14. Rynok truda, zanyatost' i zarabotnaya plata. (2022). Federal State Statistics Service website. Retrieved 25 September, 2022, from https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (In Russian).
15. Zarabotnaya plata. (2022). National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic website. Retrieved 25 September, 2022, from <http://www.stat.kg/ru/statistics/trud-i-zarabotnaya-plata/> (In Russian).
16. Avrov, A. P. (2017). Dinamika i vzaimosvyazey proizvoditstva i oplaty truda v Kazahstane. *Vestnik NGUEU*, 2, 82-92 (In Russian).
17. Avrov, A. P. and Avrova, I. A. (2022). Skhema analiza sootnosheniya razmerov zarabotnoj platy naemnyh rabotnikov v otdel'nyh stranah. Materials of the international scientific-practical conference. St. Petersburg September 27-28, 2022. 47-51 (In Russian).
18. Shajmardanov, Zh. N. (Eds.). (2022). *Nacional'nye scheta Respubliki Kazahstan 2016-2020*. Statisticheskij sbornik. Astana, 116 p. (In Russian).
19. Sansynsyzbaeva, G. N. and Musulmankulova, A. A. (2016). Zanyatost' zhenshchin v Kazahstane: Dinamika i sostoyanie. *Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki*, 2(349), 70-77 (In Russian).
20. Tsoy, B. A. and Avrov, A. P. (1987). K voprosu statisticheskogo izucheniya polagayutsya sleduyushchie snosah razmerov sostavlyayushchie effektivnosti obshchestvennogo proizvodstva regiona. *Ekonomiko-statisticheskoe issledovanie effektivnosti obshchestvennogo proizvodstva regiona*. Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the Kazakh SSR. Alma-Ata Institute of National Economy. Alma-Ata, 29-32 (In Russian).
21. Brainerd, E. (2000). Women in Transition: Changes in Gender Wage Differentials in Eastern Europe and the Former Soviet Union. *Industrial and Labor Relations Review*, 54(1), 138-162.

GENDER WAGE INEQUALITIES IN THE EURASIAN UNION COUNTRIES

A. P. Avrov¹, A. A. Ismagulova^{1*}, A. A. Musulmankulova¹

¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research. To analyze the influence of factors determining the wage gap between employees, gender pay ratios in the context of individual types within the country and between countries.

Methodology. In the course of the study, index analysis was used using the assortment displacement index, structural shift indices, constant and variable composition indices. Correlation and regression analysis in order to study the relationship within countries and the relationships between countries.

Originality / value of the research. The value of the study lies in a new approach (using GDP ratios, at parity and in national currency, to calculate comparable real levels of wages of employees between countries by type of economic activity and by gender), which allows calculating real wage levels.

Identification of the relationship that determines the differences in wages between men and women, the ratio of wages between men in different countries. Differences in wage differentiation between certain types of economic activity in the context of individual countries are analyzed.

Findings. The results of the study made it possible to obtain real ideas about the level of wages, differentiation between certain types of economic activity and in the gender aspect between countries. Real dependencies and ratios of the formation of women's wages within individual countries, correlations in the levels of differentiation in the gender aspect are revealed.

Keywords: wages, gender gap, indices of variable, permanent composition, indices of structural changes.

ЕУРАЗИЯЛЫҚ ОДАҚ ЕЛДЕРІНДЕГІ ГЕНДЕРЛІК ЖАЛАҚЫ ТЕНСІЗДІГІ

А. П. Авров¹, А. А. Исмагулова^{1*}, А. А. Мусульманкулова¹

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты. Ел ішіндегі және елдер арасындағы экономикалық қызметтің жекелеген түрлері тұрғысынан жұмысшылар арасындағы жалақы алшақтығын, еңбекақы төлеудегі гендерлік қатынастарды анықтайтын факторлардың әсерін талдау.

Әдіснамасы. Зерттеу барысында ассортименттің орын ауыстыру индексі, құрылымдық ауысым индекстерін, тұрақты және ауыспалы құрамның индекстерін қолданатын индекс әдісі қолданылды. Елдер ішіндегі өзара байланысты және елдер арасындағы қатынастарды зерттеу мақсатында корреляциялық-регрессиялық талдау қолданылды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Зерттеудің мәні жалақының нақты деңгейлерін есептеуге мүмкіндік беретін жаңа тәсілде (ЖІӨ-нің паритет бойынша және ұлттық валютада коэффициенттерін экономикалық қызмет түрлері бойынша және гендерлік аспекте елдер арасындағы жұмысшылардың салыстырмалы нақты жалақы деңгейлерін есептеу) жатыр.

Ерлер мен әйелдер арасындағы жалақының айырмашылығын, әр елдердегі ерлер арасындағы жалақы мөлшерінің арақатынасын анықтайтын тәуелділіктер анықталды. Жекелеген елдер бөлінісінде экономикалық қызметтің жекелеген түрлері арасындағы еңбекақы төлеудегі саралаудың айырмашылықтары талданды.

Зерттеу нәтижелері жалақы деңгейі, экономикалық қызметтің жекелеген түрлері арасындағы саралау және елдер арасындағы гендерлік аспект туралы нақты түсініктер алуға мүмкіндік берді. Жекелеген елдер ішіндегі әйелдердің еңбекақысын қалыптастырудың нақты тәуелділіктері мен арақатынастары, сондай-ақ гендерлік аспектіндегі саралау деңгейлеріндегі арақатынастар анықталды.

Түйін сөздер: жалақы, гендерлік алшақтық, айнымалы, тұрақты құрам индекстері, құрылымдық ауысым индекстері.

ОБ АВТОРАХ

Авров Андрей Петрович – кандидат экономических наук, профессор Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: andreyavrov@mail.ru.

Исмагулова Анара Айтмухамбетовна – магистр экономики, старший преподаватель, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: anara.ismagulova@narхоз.kz, ORCID: 0000-0002-9306-3523*

Мусульманкулова Айгуль Амзебековна – Доктор DBA, ассистент-профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: aigul.musulmankulova@narхоз.kz, ORCID: 0000-0001-6119-3000.

MPHTI 06.61.33; 06.61.43; 06.61.53

JEL Classification: E24; J21; O18; R11

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-2-44-56>

ANALYSIS OF LABOR MARKET TRENDS IN SINGLE-INDUSTRY TOWNS IN KAZAKHSTAN

Zh. M. Dyussebekova¹, A. A. Nurpeissova^{1*}, N. A. Tovma²

¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research is to identify key trends and specifics of the formation of the labor market, as well as to develop recommendations for increasing employment in single-industry towns of industrial and raw materials type of the Republic of Kazakhstan.

Methodology. The following scientific methods are used in the work: statistical observation; comparative analysis; synthesis; grouping of statistical observation materials.

Originality / value of the research. The value of this study is to identify the key trends in the formation of the labor market in single-industry towns of the Republic of Kazakhstan, which made it possible to determine the directions of improving the sphere of employment and employment in these types of cities.

Findings. A study of the labor market in single-industry towns in Kazakhstan revealed a decrease in the population in these cities from 2017 to 2021. There is a decrease in the share of residents of single-industry towns in the total population of the country. The analysis showed that single-industry towns can be divided into four groups: large cities (Temirtau, Ekibastuz, Rudny), cities with a population of about 50-70 thousand people (Kentaу, Balkhash, Zhanaozen, Kulsary, Aksu, Stepnogorsk), cities with a population of 20 to 50 thousand people (Khromtau, Tekeli, Aksai, Zhanatas, Karatau, Saran, Shakhtinsk, Abay, Arkalyk, Lisakovsk, Zhitikara, Altai), and a group of small single-industry towns (Kurchatov, Karazhal, Serebryansk). Temirtau, Ekibastuz and Rudny are the leaders in terms of the number of employed and unemployed and also have the largest population in the general sense. To ensure employment and sustainable development of single-industry towns in Kazakhstan, it is necessary to continue work on diversifying the economy, reducing dependence on prices for raw materials and developing small and medium-sized businesses. An important role is played by effective public administration in the development of single-industry towns and the digitalization of production.

Keywords: single-industry towns, employment, labor force, unemployment, labor market, industrial specialization.

Acknowledgment: This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (BR18574200 «The revival of monotowns in the conditions of the creation of New Kazakhstan based on territorial marketing»).

INTRODUCTION

The relevance of the study of the labor market and employment in single-industry towns of industrial and raw material type in the Republic of Kazakhstan is because there are 27 settlements with the status of «single-industry towns» in Kazakhstan, where about 1.5 million people or 16 % of the total urban population of the country live [1]. In the era of Soviet industrialization single-industry towns in Kazakhstan were created on the site of deposits, city-forming and processing enterprises.

In the territorial and spatial development of modern Kazakhstan, monotowns have become hotbeds of acute socio-economic problems, holding back the balanced sustainable development of the country. The main problems of single-industry towns are loss of competitiveness of the main industries, low quality of housing and

transport infrastructure, low wages and increased unemployment [1]. To improve the quality of life and solve the problems of employment in single-industry towns, the Republic of Kazakhstan has adopted special state programs [2; 3], some of which have already been completed, but the problems of these settlements remain unresolved.

There are attempts of the scientific community in the vision of the prospects of further development of single-industry towns. Kazakh scientists, in particular, a team of authors from the Institute of Economics of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, having systematized the results of many years of research in the field of employment, specifics of the labor market in single-industry towns of Kazakhstan, published in 2014 a collective monograph «Mono-cities of Kazakhstan: methodological basis for assessing the state and directions of development» [4]. This work developed a methodological basis for assessing the economic profile and living standards of the population of single-industry towns and identified the specifics of employment and labor relations. This collective work of domestic scientists undoubtedly makes a great contribution to the development of theoretical-methodological and methodological foundations for the development of single-industry towns, but it is limited to statistical data on all single-industry towns of Kazakhstan, and we can point out the outdated data, which are presented for 2011.

Separately, it is worth noting a fairly significant contribution of Russian scientists in the development of the conceptual framework, specifics of employment and development of Russian single-industry towns. Thus, E. A. Efimova [5] considered the problems of town-forming enterprises in Russia and their impact on the labor market. It is interesting to note that the issues of monotown development have been actively discussed in the media and in the scientific community in Russia since 2009, according to the author E. A. Efimova's note, after the summer unrest in Pikalevo (Leningrad Oblast) and Baikalskoye (Irkutsk Oblast).

In Kazakhstan, similarly, the main impetus for the adoption of programs for the development of single-industry towns were centers of social unrest of the residents of Zhanaozen [6].

Attempts to solve social and economic problems of single-industry towns in the former post-Soviet countries have not been without studying the world experience in the support and development of cities and settlements. In particular, A. N. Glebova, V. N. Zelensky, and A. S. Lazareva made an attempt to work out the directions of modernization of Russian monotowns through the comparative analysis of international experience and Russian practice [7].

The problems of sustainable development of single-industry towns remain a separate block. In our opinion, it is the sustainable development of single-industry towns, which takes into account the balance of social, economic and environmental aspects of development, requires further research in this direction, because we can note the lack of scientific works, studies in the focus of achieving sustainability parameters in the development of single-industry towns.

For example, the works by A. I. Pyzhev, E. A. Syrtsova, R. V. Gordeev [8] is aimed at developing approaches to the assessment of sustainable development of single-industry towns, but it is limited to the specifics of Siberian single-industry towns of the Russian Federation.

Certainly, there are cases in the world of the practice of successful transformation of single-industry towns into developed industrial centers [9; 10].

A review of literary sources on the problems of single-industry towns' development, specifics of the labor market and employment in them [11; 12; 13] generally indicate insufficient theoretical and conceptual and methodological and practical elaboration of important issues: principles of organization of productive forces, employing diversification of economic structure and industries, development of small and medium business (SMB), creating attractive working and living conditions for young people, infrastructure development, social and cultural development level, as well as solving environmental problems

As we can see, the currently available programs for the development of single-industry towns in Kazakhstan, employment support programs – «Yenbek», Employment Road Map 2020 [14; 15] despite the declared purpose – sustainable socio-economic development of single-industry towns in the medium and long term – have not yet given their results.

The events of recent years in the country, against the background of the crisis development of the national economy and the unfavorable conjuncture of the world commodity markets signal the seriousness, relevance

and high degree of importance of solving the problems of single-industry towns in Kazakhstan, and above all, of providing employment and improving living standards. Back in November 2021, at a meeting in Ekibastuz, President Tokayev noted that the deterioration of water and sewage networks is 61 % on average, and in the cities of Arkalyk, Balkhash, Shakhtinsk and Temirtau, it reaches 90 %. Depreciation of heat networks and power lines averages 55 %, and in some single-industry towns – 85 % [16].

The consequences of systemic problems with engineering, automobile and other infrastructure facilities in single-industry towns like Temirtau, Stepnogorsk, Balkhash, Ekibastuz, and Ridder (depreciation of CHP, 40-50 % of roads in unsatisfactory condition) will cost Kazakhstan citizens dearly.

In the majority of single-industry towns, more than a third of economically active citizens are self-employed, and the average income per capita is lower than the average level. The results of all this are disappointing: since 1999, their population has halved, from 3 million to 1.5 million people, and this trend continues [16].

The solution of the main problems related to the development and improvement of life of the residents of single-industry towns requires a comprehensive and in-depth approach in the study of the potential for diversification of production and development of SME in single-industry towns, the elaboration of the directions of their sustainable development.

We consider improving the investment image of single-industry towns on the principles of marketing to be an important aspect in these directions. This study in this regard, firstly, will contribute to the expansion of existing in the world scientific community developments in the field of single-industry towns' development, and secondly, it is aimed at elaborating science-based recommendations on strategic priorities of single-industry towns' development on the basis of territorial marketing. Taking into account the above-mentioned urgent problems of development of single-industry towns in Kazakhstan, the joint efforts of the research group of Al-Farabi Kazakh National University and Narxoz University within the framework of the scientific project «Revival of single-industry towns in the conditions of New Kazakhstan based on territorial marketing», financed by the Science Committee of the Ministry of Higher Education and Science of the Republic of Kazakhstan, set a goal to develop the Strategy of revival and modernization of single-industry towns in New Kazakhstan. In this regard, it is very important to analyze the labor market in single-industry towns of the Republic of Kazakhstan to determine the trends, specifics and structure of the labor market. Labor market trends identified during the analysis and development of employment in single-industry and commodity-type cities will be taken as a basis for the development of this strategy.

In addition, the main results of the study can contribute to the implementation of «anchor» projects, which to date in single-industry towns of the country do not work in full, because they cannot find markets. It should be noted that the analysis was conducted on 25 out of 27 Kazakh monotowns, as data on Altay and Serebryansk are not representative and are not officially registered. In general, it is worth noting that, unfortunately, systematized official data on statistics on the number of employed, self-employed, levels of unemployment and basic income, as well as other important for a complete analysis of labor market and employment indicators in single-industry towns of Kazakhstan are not available in a comprehensive form. In the course of the study, information on single-industry towns in Kazakhstan was meticulously collected from the sources of periodicals, official websites of single-industry towns, sources from open sources of the World Wide Web, as well as official statistical data of the National Statistics Bureau of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan.

MAIN PART

To identify the key trends and specifics of the formation of the labor market in single-industry and raw material-type cities of the Republic of Kazakhstan, we first of all applied general scientific and statistical research methods.

To analyze the population dynamics of single-industry towns of the Republic of Kazakhstan from 2017-2021, we systematized indicators for all 27 single-industry towns of Kazakhstan, Table 1.

At the time of the study, there are 27 monotowns in Kazakhstan, with a population of about 1.5 million people, which is 8 % of the total population of the country. The largest number, namely 8 monotowns are located in the Karaganda region, the largest city in Kazakhstan is Temirtau – about 173 thousand people, the smallest city is Serebryansk – about 7 thousand people, according to official statistics of Kazakhstan.

Table 1 - Population of single-industry towns in the Republic of Kazakhstan at the end of 2017-2021

Mono city	Years				
	2017	2018	2019	2020	2021
Stepnogorsk	46 276	45 917	45 524	45 217	49 783
Kentau	68 313	68 975	68 707	70 357	74 014
Khromtau	26 238	26 737	27 158	27 446	29 802
Tekeli	31 798	31 958	32 283	32 378	30 421
Kulsary	59 617	60 498	61 541	62 278	64 887
Aksay	34 552	35 310	35 448	35 349	36 675
Zhanatas	22 110	22 364	22 701	23 064	25 512
Karatau	29 835	30 204	30 403	30 501	28 384
Balkhash	72 230	72 892	72 999	72 750	73 870
Zhezkazgan	86 723	87 200	87 254	87 254	88 634
Karazhal	8 363	8 091	7 935	7 793	8 301
Saran	43 598	43 277	42 950	42 864	34 741
Satpayev	60 963	61 529	62 949	63 871	67 919
Temirtau	178 908	179 230	179 216	178 544	172 422
Shakhtinsk	37 849	37 653	37 339	37 179	39 393
Abay	28 244	28 363	28 802	28 638	28 627
Arkalyk	28 418	28 248	27 051	26 359	29 374
Lisakovsk	36 318	36 011	35 742	35 447	31 530
Rudnyy	115 536	115 297	114 966	114 172	111 705
Zhitikara	34 810	34 738	34 561	34 190	35 606
Zhanaozen	81 413	81 581	81 157	81 262	72 725
Aksu	42 265	41 625	40 766	40 289	51 732
Ekibastuz	134 145	133 889	133 676	132 762	129 510
Kurchatov	12 383	12 408	12 317	12 413	10 422
Ridder	57 541	57 107	56 455	55 893	52 657
Altay (Zyryanovsk)	36 369	36 111	35 440	35 144	36 484
Serebryansk	8 578	8 429	8 276	8 146	7 246

Note: compiled by the authors according to [17].

As seen from Table 1, the top three largest single-industry towns in Kazakhstan are Temirtau, Ekibastuz and Rudny – 172,422; 129,510 and 111,705 people, respectively. The second group of mono-cities with a population of 50-70 thousand are Kentau – 74 014; Balkhash – 73 870; Zhanaozen – 72 725; Kulsary – 64 887; Aksu – 51 732, with Stepnogorsk – 49 783 being a bit under that group. The third group of single-industry towns, where the average population is in the range of 20 to 50 thousand people is represented by such cities as Khromtau, Tekeli, Aksay, Zhanatas, Karatau, Saran, Shakhtinsk, Abay, Arkalyk, Lisakovsk, Zhitikara, Altay. On average, there are 32,212 people living here. And the smallest number of inhabitants is characterized by the fourth group of monotowns – Kurchatov – 10,422; Karazhal – 8,301; Serebryansk – 7,246 people. Only 25,969 people live in these three monotowns, an average of 8,656 people per town.

In general, for the period 2017-2021 in the dynamics there is instability in the number of residents of single-industry towns of the Republic of Kazakhstan compared to the national parameters, Figure 1.

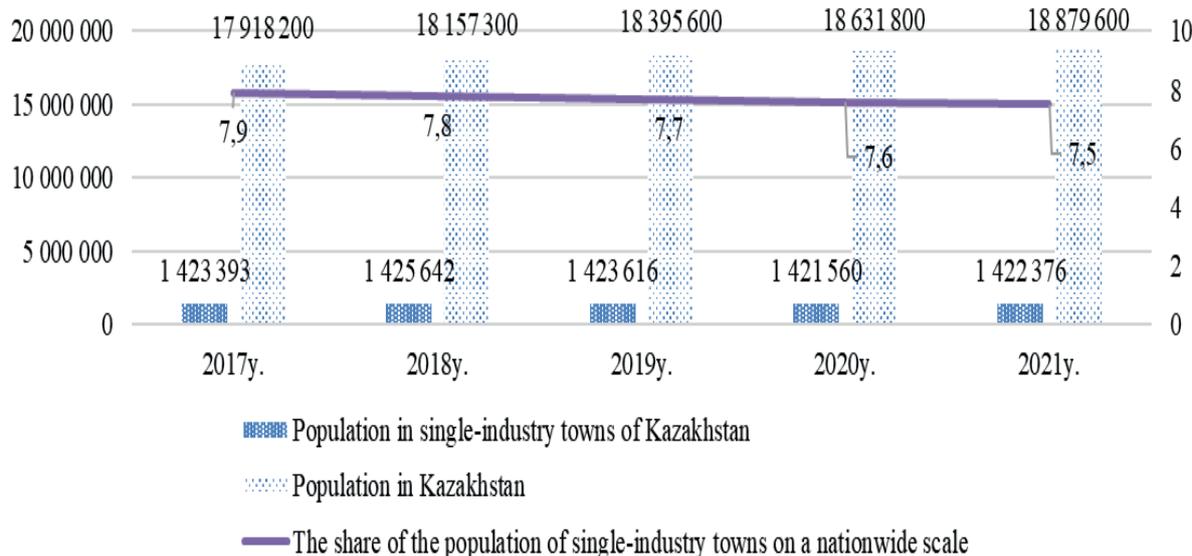

Figure 1 – Comparative dynamics of the number of inhabitants of the country as a whole and single-industry town in Kazakhstan for 2017-2021.

Note – developed by the authors according to [17]

The highest peak in the population of all monotowns in the country is characterized by 2018 - 1 425 642 people, while in 2020 there were 4 082 fewer residents of monotowns, 1 421 560 people. In 2021, there were 816 more residents of monotowns of the republic compared to 2020.

So, in comparison with the republican parameters, where there is a positive dynamics of growth in the number of inhabitants of the country, in monotowns we can state the stability of the number of residents, but with a tendency of decrease in the share of population of monotowns in the total population of the country from 7.9 % – in 2017, 7.8 % – in 2018, 7.7 % – in 2019, 7.6 % – in 2020, 7.5 % – in 2021. Thus, on a nationwide scale, against the background of the growth of the population of Kazakhstan, the number of residents of single-industry towns tends to steadily decrease, by 0.1 p.p. annually.

Next, we conducted a study of the main indicators of the labor market and the development of employment in single-industry and raw material-type cities. As can be seen from the data in Table 2, for the period from 2017 to 2021. the indicator - the number of labor force in single-industry towns decreases from year to year. Comparatively, there is a decrease of 22,008 people, from 782,705 in 2017 to 760,697 in 2021, with a maximum decrease in the workforce in pandemic 2020 of 754,181.

Table 2 – Number of labor force in single-industry towns in the Republic of Kazakhstan for 2017-2021

Mono city	2017	2018	2019	2020	2021
Total, including:	782 705	768 741	774 297	754 181	760 697
Stepnogorsk	38 869	38 732	38 217	36 427	35 538
Khromtau	13 294	13 549	13 476	13 829	13 889
Tekeli	17 898	18 076	17 834	17 489	17 546
Kulsary	30 284	28 429	28 390	28 219	29 010
Aksay	19 788	20 244	21 289	20 910	20 442
Zhanatas	9 916	10 086	9 580	9 014	8 574
Karatau	13 282	13 359	12 272	13 100	13 590
Balkhash	38 564	38 971	41 805	38 688	39 779

Zhezkazgan	41 804	41 289	41 894	39 831	40 808
Karazhal	7 772	9 210	8 963	9 321	8 747
Saran	25 798	25 581	25 156	26 331	25 796
Satpayev	33 464	31 771	32 438	32 385	31 968
Temirtau	95 566	96 008	98 131	98 064	95 851
Shakhtinsk	25 538	26 294	25 254	24 763	25 643
Abay	15 649	14 541	15 361	15 034	15 692
Arkalyk	17 040	15 551	14 216	12 309	12 236
Zhitikara	18 008	19 325	19 866	18 296	19 579
Lisakovsk	24 188	23 307	23 583	22 367	22 399
Rudny	74 439	73 986	73 034	71 770	76 010
Zhanaozen	51 795	43 591	43 725	41 904	43 715
Aksu	25 610	24 900	24 447	22 511	22 253
Ekibastuz	77 536	77 234	78 233	77 111	76 543
Kurchatov	7 976	7 338	7 954	7 222	7 984
Ridder	30 097	30 083	29 021	28 826	29 078
Kentau	28 530	27 286	30 158	28 460	28 027

Note – compiled by the authors according to [17]

We remind you that the analysis is conducted on 25 of 27 Kazakh single-industry towns, as the data for Altai and Serebryansk are not representative and are not officially registered.

Logically, the leaders among single-industry towns in terms of labor force, as we see it, are the same 3 cities, where there is a large number of residents themselves (Temirtau, Ekibastuz, Rudny). The average number of labor force in these cities is 96,724; 77,331; 73,848 respectively.

So, the maximum number of labor force is 95,851 in Temirtau, while the minimum number in Kurchatov is only 7,984. Illustration of the extent of the «gap» in the number of labor force from the maximum to the minimum, we can observe in Figure 2.

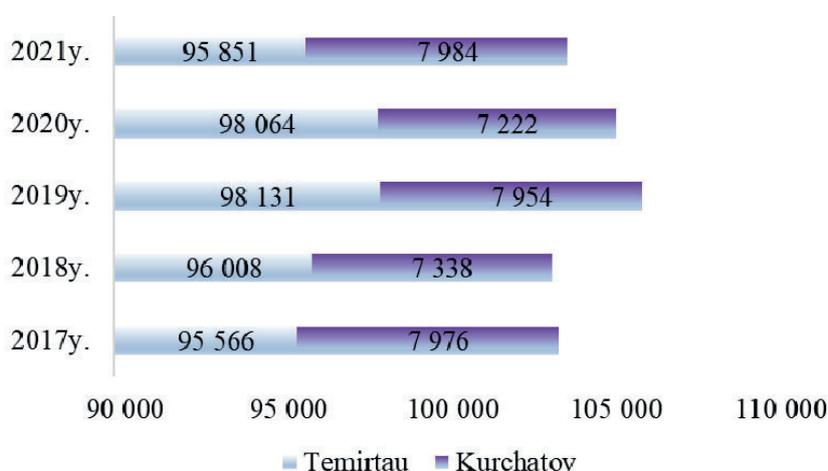

Figure 2 – Comparative parameters on the availability of labor in single-industry towns in Kazakhstan for 2017-2021. – «maximum-minimum».

Note – developed by the authors according to the data [17]

Separately, the city of Zhanaozen stands out, where the number of labor force is relatively higher than in other single-industry towns in the country, on average almost 45 thousand people, or 44,946 in the analyzed period. Next, a group of such single-industry towns with an average labor force of 39,745 are close, but lower: Zhezkazgan with 41,125 workers, Balkhash with 39,561 workers, Stepnogorsk with 37,577 workers.

In 2021, there are no particularly strong changes in the number of labor force compared to 2017. In general, the indicators have remained stable for 5 years. Thus, in Rudny there was a slightly noticeable increase in the number of the labor force by almost 2,000 people. Here is a trend of reduction in the number of labor force, although not significantly, but nevertheless it decreased in many single-industry towns of Kazakhstan: Stepnogorsk, Zhanatas, Arkalyk, Lisakovsk, Zhanaozen, Aksu, Ekibastuz, according to Figure 3.

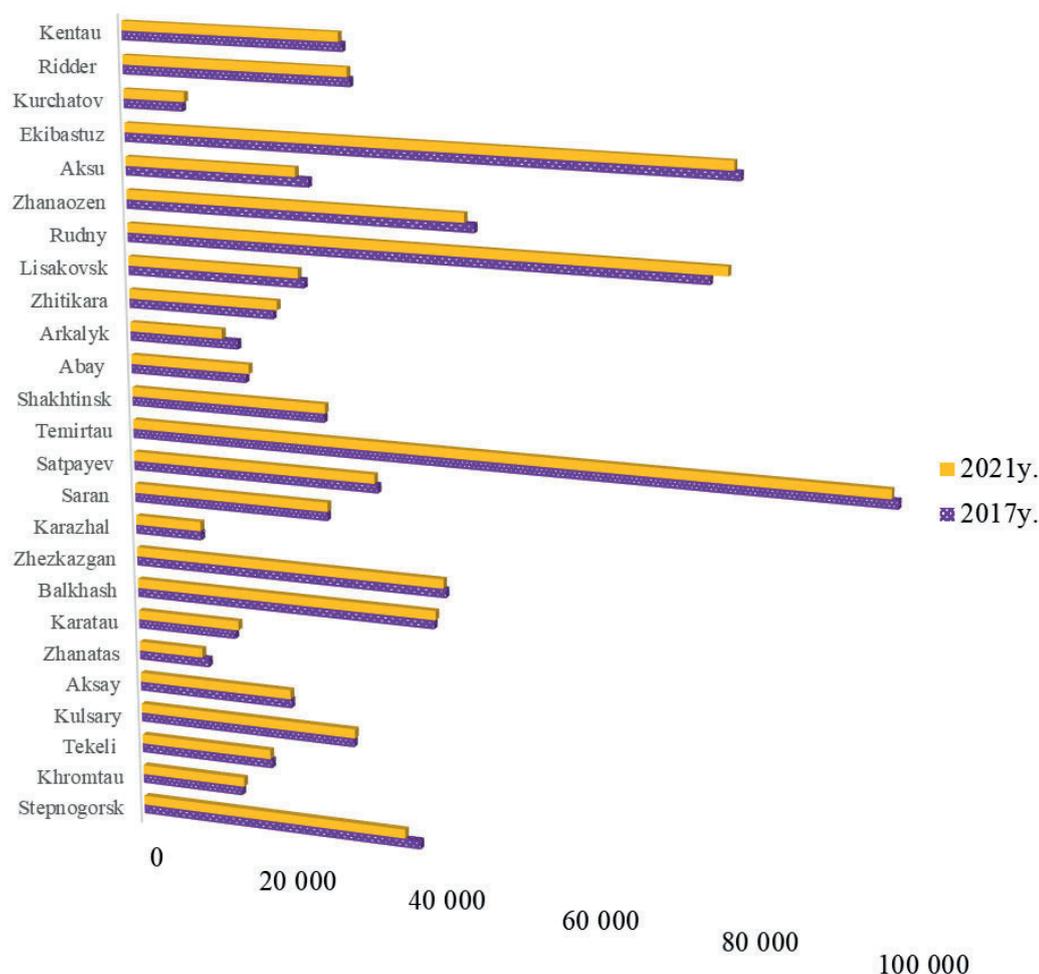

Figure 3 – Changes in the number of labor force in single-industry towns of Kazakhstan for 2017 and 2021

Note – developed by the authors according to [17]

Obviously, it will be interesting to study the structure of the labor force, in terms of the ratio of the employed and unemployed. In this regard, let us consider the data in Table 3.

As shown in Table 3, the following trends are observed in the labor force structure of single-industry towns in Kazakhstan:

- the leaders among single-industry towns in the number of employed are the cities of Temirtau, Ekibastuz and Rudny, which also dominate in terms of population as a whole:

- the number of unemployed is observed in correlation with the number of employed citizens, respectively, the leaders in the number of unemployed also became the cities of Temirtau, Ekibastuz and Rudny.

Table 3 – Labor force structure of single-industry towns in Kazakhstan, 2017-2021

Mono city	2017		2018		2019		2020		2021	
	Empl.	Unemp.								
Stepnogorsk	37 307	1 562	37 171	1 561	36 711	1 506	34 971	1 456	34 054	1 484
Khromtau	12 671	623	13 097	452	13 000	476	13 258	571	13 081	808
Tekeli	17 034	864	17 180	896	16 946	888	16 672	817	16 702	844
Kulsary	28 845	1 439	27 085	1 344	27 286	1 104	26 898	1 321	27 664	1 346
Aksay	18 953	835	19 406	838	20 407	882	20 027	883	19 595	847
Zhanatas	9 505	411	9 665	421	9 180	400	8 627	387	8 189	385
Karatau	12 719	563	12 839	520	11 837	435	12 549	551	12 980	610
Balkhash	36 631	1 933	37 100	1 871	39 848	1 957	36 798	1 890	37 863	1 916
Zhezkazgan	39 622	2 182	39 274	2 015	39 974	1 920	37 903	1 928	39 048	1 760
Karazhal	7 409	363	8 775	435	8 642	321	8 977	344	8 432	315
Saran	24 670	1 128	24 500	1 081	24 141	1 015	25 212	1 119	24 741	1 055
Satpayev	31 942	1 522	30 416	1 355	31 144	1 294	31 017	1 368	30 656	1 312
Temirtau	90 953	4 613	91 589	4 419	93 783	4 348	93 561	4 503	91 506	4 345
Shakhtinsk	24 269	1 269	25 039	1 255	24 102	1 152	23 588	1 175	24 458	1 185
Abay	15 113	536	14 222	319	14 930	431	14 862	172	15 191	501
Arkalyk	16 099	941	14 713	838	13 439	777	11 699	610	11 490	746
Zhitikara	17 070	938	18 335	990	18 864	1 002	17 181	1 115	18 584	995
Lisakovsk	22 911	1 277	22 113	1 194	22 407	1 176	21 267	1 100	21 288	1 111
Rudny	70 720	3 719	70 081	3 905	69 307	3 727	67 890	3 880	72 254	3 756
Zhanaozen	49 348	2 447	41 228	2 363	42 138	1 587	41 149	755	42 338	1 377
Aksu	24 302	1 308	23 652	1 248	23 263	1 184	21 382	1 129	21 143	1 110
Ekibastuz	73 696	3 840	73 415	3 819	74 453	3 780	73 311	3 800	72 783	3 760
Kurchatov	7 589	387	6 992	346	7 590	364	6 879	343	7 617	367
Ridder	28 747	1 350	28 681	1 402	27 719	1 302	27 595	1 231	27 881	1 197
Kentau	27 046	1 484	25 641	1 645	28 904	1 254	26 937	1 523	26 529	1 498

Note – compiled by the authors according to [17]

As for single-industry towns, where the number of unemployed is registered at low parameters, the same trend can be seen. Where the number of residents is not high, there are low rates of unemployment. These are mono-cities Karazhal and Kurchatov. In Karazhal the average population for the analyzed period is only 8 thousand people, and the number of unemployed on average – 356 people. In Kurchatov, on average, 12 thousand inhabitants, of which the workforce is about 8 thousand people, and the average number of unemployed – 361 people.

It is interesting to look at the indicators of Abay, Karaganda region. At comparatively high indicators of population (about 28 thousand) and employed people on average about 15 thousand, a low number of unemployed is observed - 392 people in average for the last 5 years.

So, completing a small study of the labor market and employment in single-industry towns of Kazakhstan for the period from 2017-2021, we can come to the following results and conclusions.

CONCLUSIONS

Single-industry towns Temirtau, Ekibastuz, Rudny in Kazakhstan represent a group of leaders in terms of population, employed and unemployed. The results of statistical analysis record the following indicators for the number of inhabitants - 172,422; 129,510 and 111,705 people, respectively. The low population is revealed in single-industry towns: Kurchatov – 10,422; Karazhal – 8,301; Serebryansk – 7,246 people.

A comparative analysis with the indicators for the country as a whole has revealed that while the number of residents in single-industry towns remained the same during this period, their share in the total population of the country tends to decrease (by 0.1 p.p. annually).

Analysis of the main indicators of the labor market and development of the employment sphere in single-industry and raw material-type towns showed that the number of the labor force in single-industry towns is decreasing from year to year. Especially pandemic COVID-2019 had its impact on the reduction of the workforce in single-industry towns of the country. The reduction in the number of labor force is observed in many single-industry towns of Kazakhstan: Stepnogorsk, Zhanatas, Arkalyk, Lisakovsk, Zhanaozen, Aksu, Ekibastuz.

Analysis of the structure of the labor force, in terms of the ratio of the employed and unemployed showed a correlation between the number of inhabitants, the number of labor force and the number of unemployed. There is a close correlation between these indicators.

The monotowns of Temirtau, Ekibastuz and Rudny lead in terms of population, number of employed and unemployed. Karazhal and Kurchatov single-industry towns stand out by low rates of unemployment, but at the same time by the number of residents and employed.

When translating the results of statistical analysis into the practical field, we can put forward the following discussion issues.

First, due to the fact that employment in single-industry towns is provided mainly by one city-forming enterprise, there is a narrowly focused specialization of workers. The population is homogeneous by professional specialization. At the same time there are huge risks of the outflow of young people from monotowns to large settlements, the aging of the population, and labor migration.

In this regard, the question of diversification of the economic structure of single-industry towns is relevant. What ways will help to reduce dependence on the prices of raw materials, how to develop employment, small and medium business in single-industry towns. Since there is a problem of so-called hidden unemployment.

The question of state management in the development of monotowns remains acute and requires a new approach. Thus, all the adopted state programs and measures did not bring any results. The first program after the state audit was found to be ineffective. Further attempts are integrated into other programs, into the Program of Regional Development until 2020. It is necessary to eliminate the uncertainty, rushing from one program to another, and the lack of concrete steps on the part of state officials and the Government.

The next important prospective issue for the development of single-industry towns in Kazakhstan, we believe, is digitalization. When today the digital mine, digital industrial enterprise is developing in full force in the world, it is time for Kazakh city-forming enterprises of single-industry towns to introduce modern management processes, re-engineering, digitization of business processes and updating the professional skills of their employees.

REFERENCES

1. Камалиева А. Возрождение моногородов: быть или не быть? [Electronic resource] // Ekonomist [web-site]. – 2020. – URL: <https://ekonomist.kz/kamaliyeva/vozrozhdeniye-monogoroda/> (Accessed: 03.04.2023).
2. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2003 года N 1389 «Об утверждении Программы развития малых городов на 2004-2006 годы» [Electronic resource] // Әділет [web-portal]. – 2003. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P030001389_ (Accessed: 11.04.2023).
3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 25 мая 2012 года № 683. Утратило силу постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 июня 2014 года № 728 «Об утверждении Программы развития моногородов на 2012-2020 годы» [Electronic resource] // Әділет [web-portal]. – 2012. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1200000683> (Accessed: 11.04.2023).
4. Моногорода Казахстана: методические основы оценки состояния и направления развития / Под ред. Н. К. Нурлановой. – Алматы: Институт экономики КН МОН РК. – 2014. – 256 с.
5. Efimova E. A. Labor market of single-industry towns: state and prospects // Spatial Economics. – 2011. – № 1. – P. 119-135. – DOI: 10.14530/se.2011.1.119-135.

6. Умирающие города: Как правительство хотело спасти моногорода и их жителей [Electronic resource] // The Village [website]. – 2022. – URL: <https://www.the-village-kz.com/village/city/money-was-born/23003-one-industry-town> (Accessed: 15.04.2023).
7. Glebova A. N., Zelensky V. N., Lazareva A. S. Problems of monocities: world experience and Russian practice // *University Herald*. – 2022. – № 11. – P. 86-93
8. Pyzhev A. I., Syrtsova E. A., Gordeev R. V. Stability of single-industry towns' development: a new dimension // *Vestnik (Herald) of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. – 2018. – № 3. – P. 157-161. – DOI: 10.21603/2500-3372-2018-3-157-161.
9. Bole D., Sencar Mrdakovic M., Tiran J. From a mining town to a town of industrial multinationals: Explaining transformation through human agency and mining assets // *The Extractive Industries and Society*. – 2023. – № 14. – Article 101243. – DOI: 10.1016/j.exis.2023.101243.
10. Powe N., Connelly S., Nel E. Planning for small town reorientation: Key policy choices within external support // *Journal of Rural Studies*. – 2022. – № 90. – P. 65-75. – DOI: [org/10.1016/j.jrurstud.2022.01.009](https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.01.009).
11. Lawrie M., Tonts M., Plummer P. Boomtowns, resource dependence and socio-economic well-being // *Australian geographer*. – 2011. – № 42(2). – P. 139-164. – DOI: 10.1016/j.exis.2023.101243.
12. Dale B. An institutionalist approach to local restructuring: The case of four Norwegian mining towns // *European urban and regional studies*. – 2002. – № 9(1). – P. 5-20. – DOI: 10.1177/096977640200900101.
13. Breul M., Atienza M. Extractive industries and regional diversification: A multidimensional framework for diversification in mining regions // *The Extractive Industries and Society*. – 2022. – № 11. – P. 101-125. – DOI: 10.1016/j.exis.2022.101125.
14. Государственная программа развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017-2021 годы «Еңбек» [Electronic resource] // Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан [website]. – 2019. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/documents/details/5407?lang=ru> (Accessed: 19.04.2023).
15. Постановление Правительства Республики Казахстан от 19 июня 2013 года № 636. Утратило силу постановлением Правительства Республики Казахстан от 5 февраля 2015 года № 42 «Об утверждении Дорожной карты занятости 2020» [Electronic resource] // Әділет [website]. – 2013. – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000636> (Accessed: 19.04.2023).
16. Смирнов С. Моногорода Казахстана: программы принимаются, проблемы не решаются [Electronic resource] // Ритм Евразии [website]. – 2023. – URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2023-01-11--monogoroda-kazahstana-programmy-prinimajutsja-problemy-ne-reshajutsja-64045> (Accessed: 19.04.2023).
17. Statistics of Regions of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource] // Bureau of national statistics of the Agency for strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan [website]. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/region/> (Accessed: 19.04.2023).

REFERENCES

1. Kamaliev, A. (2020). Vozrozhdenie monogorodov: byt' ili ne byt'? *Ekonomist*. Retrieved April 3, 2023, from <https://ekonomist.kz/kamaliyeva/vozrozhdeniye-monogoroda/> (In Russian).
2. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 31 dekabrya 2003 goda N 1389 «Ob utverzhenii Programmy razvitiya malyh gorodov na 2004-2006 gody». (2003). *Adilet*. Retrieved April 11, 2023, from https://adilet.zan.kz/rus/docs/P030001389_ (Accessed: 21.04.2023).
3. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 25 maya 2012 goda № 683. Utratilo silu postanovleniem Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 28 iyunya 2014 goda № 728 «Ob utverzhenii Programmy razvitiya monogorodov na 2012-2020 gody». (2012). *Adilet*. Retrieved April 11, 2023, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1200000683> (In Russian).
4. Nurlanova, N. K. (Eds.). (2014). *Monogoroda Kazahstana: metodicheskie osnovy ocenki sostoyaniya i napravleniya razvitiya*. Institut ekonomiki KN MON RK, Almaty. 256 p. (In Russian).
5. Efimova, E. A. (2011). Labor market of single-industry towns: state and prospects. *Spatial Economics*, 1, 119-135, DOI: 10.14530/se.2011.1.119-135.

6. Umirayushchie goroda: Kak pravitel'stvo hotelo spasti monogoroda i ih zhitelej. (2022). *The Village*. Retrieved April 15, 2023, from <https://www.the-village-kz.com/village/city/money-was-born/23003-one-industry-town> (In Russian).
7. Glebova, A. N., Zelensky, V. N. and Lazareva, A. S. (2022). Problems of monocities: world experience and Russian practice. *University Herald*, 11, 86-93.
8. Pyzhev, A. I., Syrtsova, E. A. and Gordeev, R. V. (2018). Stability of single-industry towns' development: a new dimension. *Vestnik (Herald) of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 3, 157-161, DOI: 10.21603/2500-3372-2018-3-157-161.
9. Bole, D., Sencar Mrdakovic, M. and Tiran, J. (2023). From a mining town to a town of industrial multinationals: Explaining transformation through human agency and mining assets. *The Extractive Industries and Society*, 14, 101243, DOI: 10.1016/j.exis.2023.101243.
10. Powe, N., Connelly, S. and Nel, E. (2022). Planning for small town reorientation: Key policy choices within external support. *Journal of Rural Studies*, 90, 65-75, DOI: org/10.1016/j.jrurstud.2022.01.009.
11. Lawrie, M., Tonts, M. and Plummer, P. (2011). Boomtowns, resource dependence and socio-economic well-being. *Australian geographer*, 42(2), 139-164, DOI: 10.1016/j.exis.2023.101243.
12. Dale, B. (2002). An institutionalist approach to local restructuring: The case of four Norwegian mining towns. *European urban and regional studies*, 9(1), 5-20, DOI: 10.1177/096977640200900101.
13. Breul, M. and Atienza, M. (2022). Extractive industries and regional diversification: A multidimensional framework for diversification in mining regions. *The Extractive Industries and Society*, 11, 101-125, DOI: 10.1016/j.exis.2022.101125.
14. Gosudarstvennaya programma razvitiya produktivnoy zanyatosti i massovogo predprinimatel'stva na 2017-2021 gody «Enbek». (2019). *Official website of the Ministry of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan*. Retrieved April 19, 2023, from <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/documents/details/5407?lang=ru> (In Russian).
15. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 19 iyunya 2013 goda № 636. Utratilo silu postanovleniem Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 5 fevralya 2015 goda № 42 «Ob utverzhdenii Dorozhnoy karty zanyatosti 2020». (2013). *Adilet*. Retrieved April 19, 2023, from <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000636> (In Russian).
16. Smirnov, S. (2023, January 11). Monogoroda Kazahstana: programmy prinyimayutsya, problemy ne reshayutsya. *Ritm Evrazii*. Retrieved April 19, 2023, from <https://www.ritmeurasia.org/news--2023-01-11--monogoroda-kazahstana-programmy-prinimajutsja-problemy-ne-reshajutsja-64045> (In Russian).
17. Statistics of Regions of the Republic of Kazakhstan. (2023). *Bureau of national statistics of the Agency for strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan*. Retrieved April 19, 2023, from <https://stat.gov.kz/ru/region/> (In Russian).

ҚАЗАҚСТАННЫҢ МОНОҚАЛАЛАРЫНДАҒЫ ЕҢБЕК НАРЫҒЫНЫҢ ҮРДІСТЕРІН ТАЛДАУ

Ж. М. Дюсембекова¹, А. А. Нурпейсова^{1*}, Н. А. Товма²

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты – еңбек нарығын қалыптастырудың негізгі тенденциялары мен ерекшеліктерін анықтау, сондай-ақ Қазақстан Республикасының өнеркәсіптік және шикізат үлгісіндегі моноқалаларда жұмыспен қамтуды арттыру бойынша ұсынымдар әзірлеу.

Әдіснамасы. Жұмыста келесі ғылыми әдістер қолданылды: статистикалық байқау; салыстырмалы талдау; синтез; статистикалық байқау материалдарын топтастыру.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Бұл зерттеудің құндылығы Қазақстан Республикасының моноқалаларында еңбек нарығын қалыптастырудың негізгі тенденцияларын анықтаудан тұрады, бұл қалалардың осы түрлерінде жұмыспен қамту және жұмысқа орналастыру саласын жетілдіру бағыттарын анықтауға мүмкіндік берді.

Зерттеу нәтижелері. Қазақстанның моноқалаларындағы еңбек нарығын зерттеу 2017-2021 жылдар аралығында бұл қалалардағы халық санының азайғаны анықталды. Ел халқының жалпы санындағы моноқала тұрғындарының үлес салмағының төмендеуі байқалады. Талдау моноқалаларды төрт топқа бөлуге болатынын көрсетті: ірі қалалар (Теміртау, Екібастұз, Рудный), шамамен 50-70 мың адам тұратын қалалар (Кентау, Балқаш, Жаңаөзен, Құлсары, Ақсу, Степногорск), халқы 20-дан 50 мыңға дейінгі қалалар (Хромтау, Текелі, Ақсай, Жаңатас, Қаратау, Саран, Шахтинск, Абай, Арқалық, Лисаковск, Жітіқара, Алтай) және шағын моноқалалар тобы (Курчатов, Қаражал, Серебрянск). Жұмыспен қамтылғандар мен жұмыссыздар саны бойынша Теміртау, Екібастұз және Рудный көш бастап тұр, сонымен қатар жалпы мағынада халық саны ең көп. Қазақстандағы моноқалалардың жұмыспен қамтылуын және тұрақты дамуын қамтамасыз ету үшін экономиканы әртараптандыру, шикізат бағасына тәуелділікті азайту, шағын және орта бизнесті дамыту бойынша жұмысты жалғастыру қажет. Моноқалаларды дамытуда және өндірісті цифрландыруда тиімді мемлекеттік басқару маңызды рөл атқарады.

Түйін сөздер: моноқалалар, жұмыспен қамту, жұмыс күші, жұмыссыздар, еңбек нарығы, өнеркәсіптік мамандандыру.

Алғыс: Мақала BR18574200 «Аумақтық маркетинг негізінде Жаңа Қазақстанды құру жағдайында моноқалаларды жаңғырту» тақырыбындағы Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитетінің бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру шеңберіндегі бағдарлама бойынша орындалды.

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ РЫНКА ТРУДА В МОНОГОРОДАХ КАЗАХСТАНА

Ж. М. Дюсембекова¹, А. А. Нурпеисова^{1*}, Н. А. Товма²

¹Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

²Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – выявить ключевые тенденции и специфику формирования рынка труда, а также разработка рекомендаций по повышению занятости в моногородах промышленного и сырьевого типа Республики Казахстан.

Методология исследования. В работе использованы следующие научные методы: статистическое наблюдение; сравнительный анализ; синтез; группировка материалов статистического наблюдения.

Оригинальность / ценность исследования. Ценность данного исследования состоит в выявлении ключевых тенденций формирования рынка труда в моногородах Республики Казахстан, что позволило определить направления совершенствования сферы занятости и трудоустройства в данных типах городов.

Результаты исследования. Исследование рынка труда в моногородах Казахстана выявило снижение численности населения в этих городах с 2017 по 2021 годы. Отмечается уменьшение доли жителей моногородов в общей численности населения страны. Анализ показал, что моногорода можно разделить на четыре группы: высокочисленные (Темиртау, Экибастуз, Рудный), города с численностью около 50-70 тысяч человек (Кентау, Балхаш, Жаңаөзен, Құлсары, Ақсу, Степногорск), города с численностью от 20 до 50 тысяч человек (Хромтау, Текелі, Ақсай, Жаңатас, Қаратау, Сарань, Шахтинск, Абай,

Аркалык, Лисаковск, Житикара, Алтай), и группа малочисленных моногородов (Курчатов, Каражал, Серебрянск). Темиртау, Экибастуз и Рудный являются лидерами по количеству занятых и безработных и также имеют наибольшую численность населения в общем смысле. Для обеспечения занятости и устойчивого развития моногородов Казахстана необходимо продолжать работу по диверсификации экономики, уменьшению зависимости от цен на сырьевые ресурсы и развитию малого и среднего бизнеса. Важную роль играют эффективное государственное управление в развитии моногородов и цифровизация производства.

Ключевые слова: моногорода, занятость, рабочая сила, безработица, рынок труда, промышленная специализация.

Благодарность: Статья подготовлена по программе BR18574200 «Возрождение моногородов в условиях создания Нового Казахстана на основе территориального маркетинга» в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

ABOUT THE AUTHORS

Dyussebekova Zhanar Maratovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: zhanar.dyussebekova@narxoz.kz, ORCID: 0000-0003-3373-5591.

Nurpeisova Aigul Aralbayevna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: aigul.nurpeisova@narxoz.kz, ORCID: 0000-0002-4853-6686*

Tovma Nataliya Aleksandrovna – PhD, Candidate of Economic Sciences, Al-Farabi Kazakh National University, e-mail: nataliya-tovma@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9114-6923.

МРНТИ 06.39.41

JEL Classification: M10; M15; O3

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-2-56-71>

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ КАК ОСНОВА ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ИННОВАЦИЙ

А. В. Панкратова^{1*}, Н. В. Никифорова¹, И. Г. Хан¹

¹Алматы Менеджмент Университет, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Современные глобальные вызовы диктуют необходимость разработки новых подходов к управлению. В настоящее время компании конкурируют не просто товарами и услугами, а знаниями и умением их эффективного применения.

Цель статьи заключалась в изучении понятийно-категориального аппарата knowledge management и в формировании собственного понимания управления знаниями.

Методология исследования. Проведен литературный обзор научных статей по knowledge management в рецензируемых журналах электронных баз данных с 1987 года в том числе с применением программы «Harzing's Publish or Perish». Были изучены труды ученых в сфере философии, социологии, экономики, информационных систем и т. д. На основании результатов проделанной работы структурированы понятия «данные», «информация», «знания» и «управление знаниями».

Оригинальность / ценность исследования. Knowledge management – управление знаниями, как один из относительно новых видов менеджмента, вызывает как интерес со стороны представителей научного и делового сообщества, так и скептическое отношение к вопросу своей уникальности, необходимости и в принципе смысловой составляющей. Особенно это заметно в работах ученых, занимающихся вопросами управления информацией. Однако исследователи в области инноваций связывают управление знаниями в компаниях с возможностью получения конкурентного преимущества.

Результаты исследования. Существуют разные точки зрения в контексте - являются ли эти термины синонимами или нет. Проведенное исследование показало, что рассмотрение данных понятий в качестве синонимов является заблуждением. Это ведет к неверному толкованию об объекте управления – о знаниях, и, следовательно, формирует поверхностное представление о самой функции и деятельности менеджеров по управлению знаниями. Изучение взаимосвязи людей, бизнес-процессов, IT-технологий, корпоративной культуры и иных факторов в рамках системы управления знаниями в компании представляется следующим шагом для продолжения данного исследования.

Ключевые слова: управление знаниями, знания, информация, данные, решения, коммуникации.

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество успело пережить три промышленные революции, изменившие в достаточной степени привычный уклад жизни многих. Мир находится по разным оценкам в самом начале четвертой промышленной революции, именуемой в научных кругах как Индустрия 4.0. Она характеризуется комплексной цифровизацией основных бизнес-процессов, в том числе в производственной и социально-общественной сфере [1]. Одной из задач четвертой промышленной революции является автоматизация как можно большего количества процессов, начиная с получения заказа от клиента и заканчивая сервисным обслуживанием. Делается это для достижения максимальной эффективности бизнеса при наименьших последующих затратах.

В настоящее время человек имеет возможность закрывать некоторые из своих базовых потребностей, не выходя из дома, при наличии смартфона, банковской карты и подключения к интернету. В период пандемии COVID-19 многое из того, что ранее требовало непосредственного участия человека, было автоматизировано, и уменьшилось количество затрачиваемого времени на исполнение. Компании, благодаря которым все эти действия стали реальными, можно назвать инновационными. Эти организации или смогли опередить спрос, создав новое привлекательное предложение для общественности, или сумели вовремя разработать выгодное цифровое и не только предложение для решения проблем потенциальных клиентов: Kaspi, Zoom, Yandex, Wolt, Egov, Glovo, Flip и другие. Дело в том, что ценность физического труда в определенных областях снизилась по сравнению с ценностью знанияемого ресурса. Все продукты, разработанные данными компаниями, являются эталонным примером применения знаний организации, оперативного реагирования и использования цифровых технологий.

Знания – новая единица измерения успеха компании на глобальном рынке. Если XX век был веком конкуренции товаров и услуг, то XXI век – это век конкуренции моделей управления. Модели по управлению знаниями стали ответной реакцией на вызовы из внешней среды, которые заставляют современные компании выходить за привычные рамки функционирования.

Многие авторы пытаются сформулировать свое понимание «управления знаниями», аргументируя его с разных точек зрения. В то же время, всех их объединяет одна общая проблема: неоднозначная трактовка изначального понятия того, чем мы собираемся управлять – самих «знаний». При этом замечена тенденция последних 5 лет среди научных публикаций, написанных на рассматриваемую тему: большинство статей из мировых электронных баз данных, которые так или иначе касаются управления знаниями, не содержат конкретного видения авторов о том, что такое «знания» для исследуемых ими объектов, а сразу переходят к пояснению, почему необходимо ими управлять и/или как это следует делать.

Однако более ранние исследования включают в себя попытки определиться с понятийным аппаратом. Тем не менее, прийти к общему знаменателю так и не удалось. В настоящее время только такая наука, как философия, конкретно отвечает на вопрос «что такое знания?». В иных же областях изучения и познания

до сих пор не существует единого и общепринятого определения, что же такое «знания», которое было бы применимо ко всем сферам деятельности человека, где оно является одним из основных ее элементов. Несмотря на то, что управление знаниями, как отдельное направление менеджмента, начало обретать свои черты в 1980-е годы, многие авторы, скорее, описывают характеристику знаний, отвечая на вопрос «Какими бывают знания?» нежели раскрывают значение «Что именно есть знания?». Следовательно, разработанные классификации знаний сложны в применении на практике, так как изначальное видение и понимание объекта управления может значительно расходиться. Стоит заметить, что данная проблема, выраженная в отсутствии конкретного определения, рассматривается учеными и в других направлениях, таких как: философия, социология, педагогика, экономика, computer science и т. д.

В данной статье авторы пытаются разобраться в концептуальной основе управления знаниями, изучая труды и точки зрения исследователей из разных областей. Более того, так как невозможно говорить о знаниях в чистом виде, избегая некоторые его «предыдущие формы», такие, как данные и информацию, эта статья подразделена на параграфы, согласно каждому понятию в отдельности, с целью изучения особенностей трактования и применения терминов.

Литературный обзор. В Scopus научные публикации, связанные со знанием, как одним из ключевых ресурсов компании, а также с управлением знаниями, обладающие высокой степенью цитирования и индексом Хирша в том числе, датируются с 1987 года. За последние годы влияние управления знаниями на внутренние и внешние процессы компании ученые исследовали для решения различных проблем, в частности: принятие управленческих решений, управление человеческими ресурсами, развитие инновационного потенциала, эффективное лидерство и так далее.

В статье «Управление знаниями, стиль принятия решений и организационная эффективность» Абу-бакар Мохаммед Абубакар вместе с соавторами выдвигает предположение о том, что интуитивный и/или рациональный стиль принятия решения будет влиять на взаимосвязь между процессом создания знаний и эффективностью компании. В своем исследовании они рассматривают несколько определений управления знаниями, одно из которых как процесс активизации пассивных знаний в интересах компании и для получения конкурентного преимущества [2].

Питер Хейзиг провел систематический обзор литературы в контексте влияния гендерных стереотипов и гендерных ролевых ожиданий на создание и распространение знаний и опыта внутри компании. Он высказал предположение о том, что, если управленцы будут повышать осведомленность среди сотрудников о существующих возможных гендерных предубеждениях, то это окажет положительный эффект на работу в коллективе и на социальные процессы за пределами организации [3].

С точки зрения предпринимательства, было проведено исследование об измерении отдачи от инвестиций в знания в предпринимательских организациях, а также о возможностях их межотраслевого распространения на разных уровнях и сферах экономической деятельности [4]. В этом ключе, применение методов управления знаниями повышает шансы предприятия на выживание и достижение успеха. Исследователи в области обучения социальному предпринимательству, которые одной из целей своего направления обозначают поощрение развития новых предприятий для решения социальных проблем, отмечают уместность использования для этого уроков, извлеченных из практики управления знаниями [5].

Существенный пласт научных трудов демонстрирует результаты исследований о взаимосвязи применения управления знаниями и инновациями предприятий. Роль этого системного подхода в том числе на разработку «зеленых» инноваций исследовали Джавад Аббас и Мустафа Сагсан. Они изучили влияние процессов создания, обмена и применения знаний на развитие «зеленых» технологий и инноваций в области «зеленого» управления. В результате анализа полученных данных при помощи моделирования структурных уравнений они доказали, что управление знаниями также способствует осуществлению деятельности компаний в области устойчивого развития. Отмечается, что управление знаниями представляет собой ценность как для производящих продукт организаций, так и для тех, кто предоставляет услуги [6].

Влияние управления знаниями на организационную эффективность в своем определении отмечает и Генри Инкинен. Будучи исследователем в Школе Бизнеса и Менеджмента в Lappeenranta University

of Technology он написал статью «Обзор эмпирических исследований практики управления знаниями и эффективности фирмы». В публикации сделан вывод, что вероятным результатом внедрения и использования практики управления знаниями в компании будут являться инновации [7].

Взаимосвязь между управлением знаниями и открытыми инновациями компаний также рассматривал Габриэль Санторо с командой ученых. В своей статье в контексте Интернета вещей и после исследования данных 298 итальянских фирм они заключают, что управление знаниями способствует созданию открытых и совместных экосистем, а также увеличению инновационного потенциала компании за счет развития внутреннего потенциала управления знаниями. Авторы своей работой подчеркивают влияние на управление знаниями технического прогресса и готовности совместных действий между экономическими игроками. Кроме того, внутренние и внешние процессы управления знаниями способны стимулировать инновационность организации [8].

Проведенный обзор последних публикаций, связанных с knowledge management, демонстрирует актуальность применения данного направления для решения целого спектра вопросов современных компаний.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология. При написания данной статьи основным методом было проведение кабинетного исследования. Проанализированы труды авторов, связанные с управлением знаниями. Поиск работ осуществлялся в следующих электронных ресурсах: Scopus, Web of Science, Google Scholar, ResearchGate, Elsevier. Изначально для нахождения материала использовались ключевые слова «knowledge», «management», «knowledge management». В последующем было принято решение оставить фильтр для поиска основных источников по ключевому сочетанию «knowledge management», обозначенному непосредственно в названии научных публикаций. С целью сужения поиска в системах был также выставлен временной фильтр с 2017 по 2022 год – работы за последние 5 лет.

При первичном исследовании найденных научных трудов было выявлено отсутствие в них определения понятия «knowledge» - «знание», так как авторы делали упор на дефиницию «knowledge management» - «управление знаниями». Поэтому временной диапазон был расширен, появилась необходимость в изменении методов поиска и отбора литературы. Для этого было использовано компьютерное приложение «Harzing's Publish or Perish», которое позволило осуществить анализ цитирования работ в академических и научных кругах, извлекая данные из электронных баз, в том числе из вышеперечисленных. Поиск публикаций был произведен в период с 1987 по 2022 годы. После систематизации изученных источников, был проведен сравнительный анализ и отбор определенных точек зрения по понятийно-категориальному аппарату, связанному с темой исследования. По этой причине поиск расширился до включения источников из других направлений, помимо менеджмента, которые тоже рассматривают вопросы, связанные со «знанием»: философия, социология, экономика, computer science и другие.

Применение таких методов, как дедукция и индукция позволило выявить и структурировать принципиальные различия между понятиями «данные», «информация», «знания», что отражено в результатах исследования. Взаимосвязь этих определений при помощи визуализации отражена на рисунке 1. Систематизация различных точек зрения на существующие понятия и виды знаний обусловила вывод о необходимости рассмотрения знаний в качестве категории. Использование метода синтеза проанализированной информации способствовало формулированию определения «управления знаниями» в современном контексте.

Постановка цели исследования и решение задач. Ошибочно считать, что данные, информация и знания являются синонимами. Хаим Зинс – исследователь в области информатики, посвятил статью концептуальным подходам к определению этих терминов, в которой привел около 130 дефиниций [9]. Взаимосвязь данных трех понятий, как и умение различать их между собой, представляет важную теоретическую базу для исследований по управлению знаниями. Конечно, некоторые ученые выделяют дополнительно еще категории, которые ставят в один ряд с вышеупомянутыми, например, что каждое знание должно приводить к какому-то последующему решению или действию, чтобы тем самым

завершить свою трансформацию через практический опыт. Вместе с тем, не следует забывать и о возможной разнице восприятия и понимания одной и той же информации разными людьми, что, в свою очередь, тоже может повлиять на то, преобразуется ли эта информация в знания или нет. Помимо этого, Мария Якубик и Питер Муурсепп в 2021 году подняли вопрос о «мудрости» и ее роли в управлении знаниями с позиции философии и психологии [10]. Существует также разница в пережитом опыте, в потребности использования той или иной информации и в различии условий и обстоятельств для ее применения в текущем моменте. Однако еще Томас Дэйвенпорт вместе с Лоуренсом Прусак, исследуя методы управления знаниями в организациях, отмечали, что сотрудникам компаний, в том числе и самим менеджерам, довольно тяжело дается понимание отличий между тремя основными понятиями: данными, информацией и знаниями [11]. В связи с этим, остановимся именно на них, хотя влияние других понятий будет очевидным и при попытке раскрыть значение каждого из выбранных терминов в рамках данной статьи (см. рисунок 1).

Рисунок 1 - Взаимосвязь данных, информации и знания

Примечание – составлено авторами на основе проведенного исследования

«**Данные**». По мнению авторов книги «Знание – сила в четырех измерениях: модели для прогнозирования будущей парадигмы», «данные – это неорганизованные факты, которые нуждаются в обработке... это факты или детали, из которых получают информацию» [12]. Хаим Зинс, ссылаясь на труды Квентина Бюррелла, раскрывает понятие данных, как отдельных элементов числовой или другого рода информации, но не несущие контекста сами по себе [9]. Томас Дэйвенпорт вместе с Лоуренсом Прусак определили данные, как «набор дискретных объективных фактов о событиях ... который не имеет сам по себе цели». Кроме того, эти же ученые выделили критерии оценки управления данными в компаниях:

- качественные измерения данных: актуальность, ясность и своевременность;
- количественные измерения данных: скорость внедрения, емкость и стоимость [11].

На наш взгляд, учитывая вышеприведенные мнения, данные – это набор символов и/или объективных фактов, который не несет в себе изначально какой-либо специальный целенаправленный смысл и может даже не иметь существенного значения, пока не пройдет этап интерпретации. Отдельно взятые данные вне заданного контекста редко могут быть релевантными сами по себе [12]. В настоящее время, благодаря технологическому прогрессу, существует целый ряд информационных технологий, которые функционируют по принципу систематического сбора и последующего хранения данных по определенным категориям. Однако сам процесс категоризации данных зависит напрямую от человека, который ставит конкретную задачу перед системой путем установления настроек для сбора определенных деталей или фактов. При этом, с учетом динамично меняющейся внешней среды компаний в

современном мире, сложно оспорить тот факт, что часто именно актуальность и скорость получения данных может сыграть одну из ключевых ролей для управления с точки зрения возможности принятия эффективных решений.

Современный человек сталкивается с таким объемом данных в день, который раньше в 15 веке смог бы получить в течение всего своего жизненного пути [13]. Это вполне объяснимо, ведь благодаря четырем промышленным революциям, произошедшим в мире, и немыслимому для тех времен технологическому прогрессу, в том числе в развитии информационных технологий, нынешнее человечество живет в эпоху информации. Если раньше стояли вопросы о том, как же организациям получать необходимые данные, то сегодня ученые активно исследуют тему Big Data, а точнее методы и способы по обработке огромного количества данных, так как связывают эту проблематику напрямую с ресурсом для принятия управленческих решений [14]. Исследователь Альберто Феррарис вместе с соавторами отмечает, что использование больших данных способствует принятию менеджерами более рациональных решений, нежели интуитивных, и потенциально повышает шансы компании в получении конкурентных преимуществ. Наряду с этим, в своей статье они эмпирическим путем доказывают, что ориентация компаний на управление знаниями снижает риски, связанные с управлением Big Data [15].

Иначе говоря, данные следует рассматривать как почву для получения информации: необработанные данные не ответят на вопросы, но служат ресурсом для их поиска и/или формулирования.

«Информация». Если рассматривать взаимосвязь между данными и информацией через призму бизнеса, то по мнению некоторых ученых первое (данные) можно сравнить с сырьем, которое, пройдя через определенные манипуляции, позволяет произвести продукт - информацию [16]. В статье Хаима Зинса одно из определений трактуется следующим образом: «Информация – это организованные данные, которые отвечают на основные вопросы: Что? Кто? Когда? Где?» [9]. Информация – это данные, в которые был добавлен смысл их создателем, по мнению Томаса Дэйвенпорта и Лоуренса Прусак. Они же, исходя из своего понимания информации, говорят о нескольких способах, благодаря которым человек создает смысл из данных, добавляя в них ценность: контекстуализация, категоризация, математический или статистический анализ, а также выявление ошибок или погрешностей у данных [11].

Исходя из вышесказанного, информация – это обработанные данные, помещенные в смысловой контекст, которые преследуют определенную цель. Здесь встает вопрос о том, кто и как наделяет такие данные смыслом и целью. Информация изначально предназначена для влияния на человека, который ее получает, а именно на его понимание [11].

Современные CRM системы позволяют менеджеру дистанционно получать необходимый набор структурированных данных по продажам, клиентам, товару и т. д. через мобильные приложения. В настоящее время с помощью технологий даже возможно отслеживание показателей эффективности функционирования основных бизнес-процессов в режиме реального времени. Но большое количество применяемых в компании подобного рода технологий вовсе не гарантирует качество получаемой информации, как доминирующий ключ к успеху бизнеса. Информация является стимулом для последующего принятия решений, если интерпретатор увидит в этом смысл, опираясь на свои знания и опыт.

«Знания». Следуя логике, что информация формируется на основе данных, а знание выводится из информации (Рисунок 1), рассмотрим некоторые его определения с позиции разных направлений исследования.

С точки зрения философии науки, знания – это социальная или индивидуальная память – способ сохранения и использования наследуемого и/или вновь создаваемого объема информации [17].

Экономическое понимание определения «знаний» заключается в том, что «знания – это продукт производительной, экономической деятельности людей в сфере духовного производства» [18]. «Знания – это гибкое сочетание имеющегося опыта, копившегося годами, ценностей, контекстуальной информации и экспертной составляющей, которая обеспечивает основу для оценки и учета нового опыта и информации» [19]. Знания являются источником конкурентных преимуществ из-за своих характеристик и склонности к повышению ценности, а не к обесцениванию по мере использования [20].

Исследователь Александр Серенко, ссылаясь на Роберта Гранта, говоря о знаниях с точки зрения компаний, утверждает, что они создаются отдельными лицами и хранятся внутри этих самых людей.

Задача компании, как субъекта, эффективно интегрировать знания своих сотрудников с целью применения их для производства своего продукта или услуги [21]. Однако Томас Дэйвенпорт и Лоуренс Прусак хоть и соглашаются, что знания могут возникнуть только в уме самого знающего, но вместе с тем уточняют, что и применяться эти знания могут лишь их создателями [11]. Мария Якубик в своей статье про четыре взгляда на знание приводит цитату Нонака и Такеучи, которые тоже подчеркивают, что знания создаются только индивидуумами. Организация сама по себе не может быть создателем знаний. Ее задачей является поддерживать сотрудников в процессе создания ими знаний, с помощью предоставления для этого всех необходимых условий [22].

Томас Уилсон, профессор информатики, определяет знания, как нечто, что мы знаем, включающее ментальные процессы осмысления, понимания и обучения [23]. Он тоже акцентирует внимание на том, что эти процессы происходят в уме и только в уме знающего, невзирая на взаимодействие индивидуума с миром вне его разума. Каждый раз, когда знающий пытается выразить или передать свое знание любым доступным способом, например, другому человеку, эти знания автоматически трансформируются в не что иное, как в информацию, так как выходят за пределы разума носителя. Знания могут также стать снова информацией, как только будут закодированы в символические формы, такие как текст, изображения, диаграммы и т. д. [24]. Знания – это продукт индивидуального разума, который отличается субъективностью в онтологическом смысле [22]. Знания зарождаются и применяются в умах «знающих» [19].

Правильно ли считать, что мы можем передавать друг другу знания? В теории менеджмента, когда мы говорим о коммуникациях (обмен информацией между лицами или группой лиц [25]), то изучаем не только их сущность и виды, но и сам процесс того, как они строятся. Коммуникационный процесс состоит из ряда обязательных элементов: отправитель/источник, сообщение, канал и получатель. Среди этапов описываемого процесса есть те, которые представляют интерес для изучения в области управления знаниями: кодирование сообщения, выбор канала передачи и процесс декодирования (Рисунок 2).

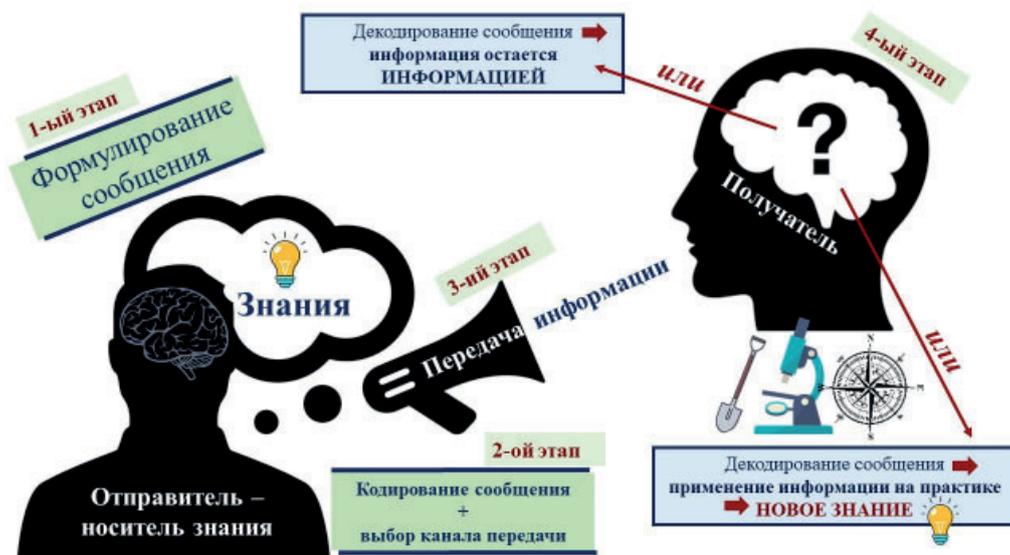

Рисунок 2 - Коммуникационный процесс через призму управления знаниями
Примечание – составлено авторами на основе проведенного исследования

Отправитель кодирует свое сообщение с целью донести определенный смысл до получателя, который, в свою очередь, должен правильно расшифровать послание. Но каждый из нас может расшифровать одно и то же сообщение по-разному. На это влияет множество факторов, в том числе и

потребность получателя, его уровень понимания, степень восприятия, соотношение контекста и т. д. Значит, если один человек пытается передать свои знания другому, используя для этого любые способы и каналы передачи, в конечном итоге отправитель передает лишь информацию для получателя, так как его знания вышли за пределы его же разума. Получатель же должен декодировать и применить на практике полученную им информацию, чтобы встроить новое знание в систему своего познания. И даже в этом случае, знания обоих будут отличаться друг от друга из-за разного личностного опыта и контекста применимости приобретенного навыка. Из этого следует вывод, что знания невозможно передать в его истинном виде.

Если говорить с точки зрения бизнеса, компания не может купить знание в его истинном виде. Она может заполнить его носителей, приобрести готовый результат в виде продукта или же проверенную информацию, которая все равно будет нуждаться в применении, чтобы перерасти после этого в знание или получить обличье в форме товара или услуги. Именно поэтому ошибочно утверждать, что в нашем мире знания продаются. Выйдя за пределы разума их носителя они автоматически становятся информацией.

Виды знаний. Существует бесчисленное количество видов и описаний знаний. Исследователи в сферах педагогики, управления знаниями, экономики знаний, организационного обучения и других направлений подразделяют знания через призму их субъектов – создателей и носителей, а также непосредственно тех задач, которые данное знание должно решить (Таблица 1).

Таблица 1 – Систематизация видов знаний

Ученый, исследователь 1	Область исследования 2	Виды знаний 3
Пилипенко Е.В., Баталов Ю.В. [18]	Экономика знаний	Поведенческие знания, объясняющие знания, описательные знания, теоретические знания, практические знания, общественно новые знания, субъективно новые знания, личностные знания, знания, приобретаемые для общего образования, неявные знания, знания для высоких духовных целей и т. д.
Якубик М. (Maria Jakubik) [22]	Высшее образование, обучение, управление знаниями	Четыре основных взгляда на знания: онтологический, эпистемологический, товарный (продуктовый, сырьевой) и общественный.
Хейзиг П. (Peter Heisig) [26]	Информационные технологии, управление знаниями	С позиции дихотомии: индивидуальные – коллективные, внутренние – внешние, знания, как процесс – знания, как продукт; релевантные – нерелевантные, общественные – научные и др.
Нонака И., Takeuchi Х. (Ikujiro Nonaka, Hirotaka Takeuchi) [27]	Управление знаниями, менеджмент, организационное знание	Явные (формализованные) знания, неявные (неформализованные) знания
Алави М., Лайднер Д.Е. (Maryam Alavi, Dorothy E. Leidner) [24]	Информационные системы, информационные технологии, управление знаниями	Неявные знания: когнитивные неявные и технические неявные, явные знания, индивидуальные знания, социальные знания, декларативные знания, процедурные знания, причинно-следственные знания, прагматичные знания и др.
Примечание – составлено авторами на основе источников [18; 22; 24; 26; 27]		

Знания могут исходить из схожего явления, но иметь разное название и отличительные особенности. Одновременно с этим, остается совершенно не ясным, как создать универсальную классификацию того, у чего нет общепризнанного всеми определения. Раз знание формируется внутри личности в момент апробирования сочетания некоторой информации на практике, можно предположить, что на вид знаний, как и на то, что можно ими называть, в том числе влияет сфера деятельности их применения.

С точки зрения вузов, знание можно рассматривать как главный ресурс, так и результат основного вида деятельности. Университеты, в отличие от коммерческих компаний, повсеместно воспринимаются обществом, как создатели и распространители знаний. Исследуя управления знаниями,

сталкиваетесь с понятием самообучающейся организации. И если бизнесу нужно учиться, каким образом выявлять свой знаниевый потенциал и его носителей, как можно превратить данный ресурс в конкурентное преимущество, каким образом построить систему, чтобы полученные ценные знания могли распространяться и служить стимулом для создания новых, то с учебными заведениями, в некотором смысле, другая история. Университеты по своей сути уже являются тем местом, где изначально аккумулируются люди, обладающие неким знанием, отличающимся ценностью, в которой нуждается общество.

Следуя логике, что знания не могут выйти за пределы носителя, оставшись в том же виде, как и не могут быть переданы напрямую, вузы, будь то государственные или частные, не способны гарантировать предоставление знаний, как услуги, каждому обучающемуся. Это происходит по той же причине, что и невозможность «покупать» знания: в любом случае приобретается только информация. Однако университет, как площадка, должен являться тем местом, где студент, получив проверенную информацию от преподавателя, будет иметь возможность здесь же применить ее на практике, чтобы перевести в категорию собственных знаний. При таком подходе можно говорить о реализации предоставления образовательных услуг, как отличительной особенности вузов.

Вместе с тем, знания профессорско-преподавательского состава и та система, благодаря которой происходит процесс передачи знаний с наименьшими потерями и большей эффективностью, представляются конкурентным преимуществом учебного заведения, если рассматривать его, как субъект рынка. Поэтому, чтобы стимулировать создание новых знаний, на базах университетов организуют научные лаборатории, бизнес-инкубаторы, исследовательские центры и т. д. Знания – ключевой ресурс, которым надо управлять.

«Управление знаниями». Концепция управления знаниями зародилась среди консалтингового сообщества, тогда как сам термин «управление знаниями», отсылающий к современному контексту, был впервые использован в компании McKinsey в 1987 году [28]. Большинство современных ученых в своих статьях за последние 5 лет ссылаются на те определения, которые уже были сформулированы исследователями ранее. Питер Хейзиг и Селви Каннан утверждают, что управление знаниями – это системный управленческий подход, охватывающий такие виды деятельности, как создание, хранение/извлечение, обмен и применение знаний для обеспечения достижения организационных целей с участием человека, являющегося ключевым элементом этой деятельности [3].

Принимая во внимание идею о существовании явных (зафиксированных, формализованных) и неявных (неформализованных) знаний ученые утверждают, что управление знаниями подразумевает процесс активизации пассивных знаний и преобразования знаний в явную форму, что в свою очередь позволит в интересах организации беспрепятственно передавать знания внутри компании [2; 6; 27].

Майкл Кёниг приводит определение Томаса Дэйвенпорта 1994 года, ставшее классическим в данном направлении менеджмента: управление знаниями – это процесс сбора, распространения и эффективного использования знаний [28]. В исследованиях часто определяют управление знаниями, как процесс. Разница может заключаться в количестве этапов и в их названии. Самыми распространёнными являются: создание, применение/интеграция, передача, хранение / извлечение [6; 8; 24]. Управление знаниями трактуется Генри Инкинемом, как процессы и методы, осуществляемые в компании с целью раскрытия ее интеллектуального потенциала путем повышения эффективности и результативности управления организационными знаниевыми ресурсами [7]. Управление знаниями признано ключевым управленческим процессом в фирмах, если компания хочет достичь конкурентного преимущества [8]. Для этого в том числе необходим комплексный подход к использованию информационных ресурсов, а именно к их выявлению, оценке и совместному применению [29].

Однако есть и противоположная точка зрения о самом существовании данного направления. Томас Уилсон написал статью о «бессмыслице» управления знаниями. С позиции специалиста в области информационных исследований он аргументирует вывод по результатам проведенного анализа об отсутствии новизны управления знаниями, так как этот термин, по его мнению, является описательным для сразу нескольких видов организационной деятельности, которые существовали и до управления знаниями. В том числе, ученый отмечает, что «база знаний» - это удачный ренейминг баз данных,

который продемонстрировал дополнительную ценность для потенциальных пользователей, но по своей сути стал смысловой ошибкой, в которой вновь данным, информации и знаниям приписывается синонимичность [23].

Тем не менее, Томас Дэйвенпорт и Лоуренс Прусак в своей статье 1998 года изначально заявили об отсутствии уникальности управления знаниями, как самостоятельного нового направления в менеджменте. Если в организации есть текстовая база данных, архив, программы по обучению сотрудников, тогда компания уже частично занимается управлением знаний. Управление знаниями опирается на существующие ресурсы компании, связанные с управлением информацией, управлением организационными изменениями и управлением человеческими ресурсами [11].

Управление знаниями, как процесс и система, позволило объединить управленческие функции, информационные технологии, операционный менеджмент, НИОКР, HR и так далее для того, чтобы укрепить конкурентное преимущество объекта, повысить его устойчивость к внешним изменениям, раскрыть его возможный инновационный потенциал и обеспечить эффективность в функционировании при реализации своей деятельности [11; 20]. Данная концепция требует системного подхода ко всем этим видам деятельности, объединяя их в единую цепь, задача которой заключается в создании, передаче, интеграции и хранении знаний, которые являются ценным ресурсом для конкретной компании [30].

Управление информацией призвано работать по принципу «нужная информация нужному человеку в нужное время». Но существует большое количество барьеров, которые препятствуют действительному использованию полученной информации сотрудниками предприятия для достижения его целей. Вопросы, связанные с мотивацией людей и системой стимулирования для создания новых внутриорганизационных знаний, корпоративная культура, которая может не располагать для открытого и свободного обмена информацией между сотрудниками без страха потери личных профессиональных конкурентных преимуществ и многое другое – все эти аспекты выходят за рамки управления только одной информацией, так как демонстрируют необходимость в создании дополнительных важных условий, за которые отвечают и другие подразделения компании [28; 31; 32].

По результатам исследования, проведенного авторами данной статьи, было сформулировано следующее определение управления знаниями: это управление совокупностью сразу нескольких функций, выполняемых разными структурными подразделениями, выстроенных в систему, основанную на создании, применении, передаче и хранении знаний для выявления потенциала компании и повышения ее конкурентоспособности.

Тесная взаимосвязь управления знаниями с HR логически обоснована, поскольку именно люди являются главными создателями и носителями знаний. В свою очередь корпоративная культура может выступать эффективным инструментом, создающим атмосферу и необходимые условия для обмена знаниями, когда сотрудники наглядно видят возможность получения общей пользы от результатов такого взаимодействия.

Применимость знаний диктуется различными факторами. Говоря о тех знаниях, которые могут быть использованы для достижения организационных целей, возникают рамки операционной деятельности компании. Сотрудник задействует свои знания в ежедневной деловой рутине, связанной с выполнением его прямых функциональных обязанностей, но одновременно с этим может являться носителем неявных знаний, которые потенциально содержат ценность для решения иных корпоративных задач. Выстраивание эффективных бизнес-процессов и операционный менеджмент в целом – очередной элемент, входящий в систему управления знаниями.

Для того, чтобы все этапы, которые входят в управление знаниями, проходили эффективнее и результативнее, применение IT-инструментов в современном бизнесе представляется ценным элементом системы. Информационные технологии должны помогать сотрудникам в реализации их деятельности, делая ранее сложные шаги простыми, а также упрощать процедуры обмена, передачи информации и способствовать ее сохранению. В случае, если управление информацией с применением IT-подхода работает не эффективно, это может стать дополнительным искусственно созданным барьером для обмена знаниями внутри компании.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Видение управления знаниями, представленное в данной статье, позволяет утверждать, что knowledge management не является уникальным видом управленческой деятельности, но является системным взглядом на уже существующие методы в управлении, направленные на достижение целей организации. Знание, заключенное в разуме знающего, может стать ключевым ресурсом для развития общего дела, если уметь его идентифицировать и правильно применить, создав для этого все подходящие условия.

В ходе написания статьи были изучены научные работы исследователей в области управления знаниями, экономики знаний, управления информацией, экономики, философии, социологии. Результаты показали, что ошибочное представление знаний – объекта управления, как синонима информации, ведет к ложному пониманию самого направления и, следовательно, к вероятным ошибкам по решаемым задачам. Следует различать дефиниции «данные», «информация» и «знания», а также понимать их изначальную контекстную и понятийную основу. Данные – это значения, факты вне контекста и конкретного смысла. Информация – это обработанные данные, помещенные в контекст, отвечающие на поставленный вопрос. Знания – сложносочинённая социально-экономическая категория. Знания не могут выйти за пределы разума личности и сохранить свою идентичность. Знания не могут быть переданы или куплены в прямом смысловом значении этих глаголов. В любом случае это будет информация.

Задачей менеджмента является организация системы по эффективному созданию и применению знаний, передаче и хранению ценной информации в компании, равно как и по созданию в компании подходящих условий для реализации данных этапов. Подобного рода система должна учитывать взаимосвязь и взаимозависимость таких элементов, как люди, бизнес-процессы и IT-инструменты. Управление знаниями является системным взглядом на совокупность и совместную работу сразу нескольких подразделений в компании. Цель управления знаниями заключается в том, чтобы выявить внутренний потенциал компании, в основе которого лежат всесторонние знания ее сотрудников, поспособствовать их уместной и эффективной реализации для получения большего результата. Это, в свою очередь, ведет к получению конкурентного преимущества и возможностям устойчивого развития бизнеса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Wilkesmann M., Wilkesmann U. Industry 4.0 – organizing routines or innovations? // VINE Journal of Information and Knowledge Management Systems. 2018. – № 48(2). – P. 238-254. – DOI: 10.1108/VJKMS-04-2017-0019.
2. Abubakar A. M. et al. Knowledge management, decision-making style and organizational performance // Journal of Innovation & Knowledge. – 2019. – № 4(2). – P. 104-114. – DOI: 10.1016/j.jik.2017.07.003.
3. Heisig P., Kannan S. Knowledge management: does gender matter? A systematic review of literature // Journal of Knowledge Management. – 2020. – № 24(6). – P. 1315-1342. – DOI: 10.1108/JKM-08-2018-0472.
4. Audretsch D. B. et al. Knowledge management and entrepreneurship // International Entrepreneurship and Management Journal. – 2020. – № 16(2). – P. 373-385. – DOI: 10.1007/s11365-020-00648-z.
5. Solomon G. T., Alabduljader N., Ramani R. S. Knowledge management and social entrepreneurship education: lessons learned from an exploratory two-country study // Journal of Knowledge Management. – 2019. – № 23(10). – P. 1984-2006. – DOI: 10.1108/JKM-12-2018-0738.
6. Abbas J., Sağsan M. Impact of knowledge management practices on green innovation and corporate sustainable development: A structural analysis // Journal of Cleaner Production. – 2019. – № 229. – P. 611-620. – DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.05.024.
7. Inkinen H. Review of empirical research on knowledge management practices and firm performance // Journal of Knowledge Management. – 2016. – № 20(2). – P. 230-257. – DOI: 10.1108/JKM-09-2015-0336.
8. Santoro G. et al. The Internet of Things: Building a knowledge management system for open innovation and knowledge management capacity // Technological Forecasting and Social Change. – 2018. – № 136. – P. 347-354. – DOI: 10.1016/j.techfore.2017.02.034.

9. Zins C. Conceptual approaches for defining data, information, and knowledge // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. – 2007. – № 58(4). – P. 479-493. – DOI: 10.1002/asi.20508.
10. Jakubik M., Mürsepp P. From knowledge to wisdom: will wisdom management replace knowledge management? // *European Journal of Management and Business Economics*. – 2022. – № 31(3). – P. 367-389. – DOI: 10.1108/EJMBE-07-2021-0219.
11. Davenport T. H., Prusak L. *Working Knowledge: How Organizations Manage What They Know* // *Working Knowledge*. – 1998. – DOI: 10.1145/348772.348775.
12. Zohuri B., Mossavar-Rahmani F., Behgounia F. *Knowledge is power in four dimensions: models to forecast future paradigm: with artificial intelligence integration in energy and other use cases*. – Amsterdam: Academic Press, 2022. – p.
13. Vince G. *Cities: How crowded life is changing us* [Electronic resource] // BBC News [website]. – 2013. – URL: <https://www.bbc.com/future/article/20130516-how-city-life-is-changing-us> (Accessed: 05.02.2023).
14. Ahmed R., Shaheen S., Philbin S.P. The role of big data analytics and decision-making in achieving project success // *Journal of Engineering and Technology Management*. – 2022. – № 65. – Article 101697. – DOI: 10.1016/j.jengtecman.2022.101697
15. Ferraris A. et al. Big data analytics capabilities and knowledge management: impact on firm performance // *Management Decision*. – 2019. – № 57(8). – P. 1923-1936. – DOI: 10.1108/MD-07-2018-0825.
16. Jayawardene V. et al. The role of data and information quality during disaster response decision-making // *Progress in Disaster Science*. – 2021. – № 12. – Article 100202. – DOI: 10.1016/j.pdisas.2021.100202.
17. Микешина Л. А. *Философия науки*. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 463 с.
18. Пилипенко Е. В., Баталов Ю. В. Основные понятия теории "Экономика знаний" // *Вестник Удмуртского Университета*. – 2014. – № 3. – С. 86-95.
19. Baskerville R., Dulipovici A. The theoretical foundations of knowledge management // *Knowledge Management Research & Practice*. – 2006. – № 4(2). – P. 83-105. – DOI: 10.1057/palgrave.kmrp.8500090.
20. Grant R., Phene A. The knowledge based view and global strategy: Past impact and future potential // *Global Strategy Journal*. – 2022. – № 12(1). – P. 3-30. – DOI: 10.1002/gsj.1399.
21. Serenko A. The Great Resignation: the great knowledge exodus or the onset of the Great Knowledge Revolution? // *Journal of Knowledge Management*. – 2022. – DOI: 10.1108/JKM-12-2021-0920.
22. Jakubik M. Exploring the knowledge landscape: four emerging views of knowledge // *Journal of Knowledge Management*. – 2007. – № 11(4). – P. 6-19. – DOI: 10.1108/13673270710762675.
23. Wilson T. The nonsense of "knowledge management" [Electronic resource] // *Informationr.net* [website]. – 2003. – URL: <http://informationr.net/ir/8-1/paper144.html> (Accessed: 09.02.2023).
24. Alavi M., Leidner D. E. Review: Knowledge Management and Knowledge Management Systems: Conceptual Foundations and Research Issues // *MIS Quarterly*. – Management Information Systems Research Center, University of Minnesota, 2001. – № 25(1). – P. 107–136. – DOI: 10.2307/3250961.
25. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. *Основы менеджмента*, 3-е изд.: Пер. с англ. – М.: ООО "И.Д. Вильямс", 2016. – 672 с.
26. Heisig P. Harmonisation of knowledge management – comparing 160 KM frameworks around the globe // *Journal of Knowledge Management*. – 2009. – № 13(4). – P. 4-31. – DOI: 10.1108/13673270910971798.
27. Nonaka I., Takeuchi H. *The knowledge-creating company: how Japanese companies create the dynamics of innovation*. – New York: Oxford University Press, 1995. – 284 p.
28. Koenig M. What is KM? Knowledge Management Explained [Electronic resource] // *Knowledge Management World* [website]. – 2018. – URL: https://www.kmworld.com/About/What_is_Knowledge_Management (Accessed: 05.02.2023).
29. Bandera C. et al. Knowledge management and the entrepreneur: Insights from Ikujiro Nonaka's Dynamic Knowledge Creation model (SECI) // *International Journal of Innovation Studies*. – 2017. – № 1(3). – P. 163-174. – DOI: 10.1016/j.ijis.2017.10.005.
30. Grant R. Knowledge Management Theories // *The Palgrave Encyclopedia of Strategic Management* / ed. Augier M., Teece D.J. – London: Palgrave Macmillan UK, 2016. – P. 1–5. – DOI: 10.1057/978-1-349-94848-2_492-1

31. Kozhakhmet S. et al. When investment in employee development promotes knowledge sharing behavior in an uncertain post-Soviet context // *Personnel Review*. – 2019. – № 49(2). – P. 370-388. – DOI: 10.1108/PR-12-2018-0523.

32. Serenko A., Choo C.W. Knowledge sabotage as an extreme form of counterproductive knowledge behavior: the role of narcissism, Machiavellianism, psychopathy, and competitiveness // *Journal of Knowledge Management*. – 2020. – № 24(9). – P. 2299-2325. – DOI: 10.1108/JKM-06-2020-0416.

REFERENCES

1. Wilkesmann, M. and Wilkesmann, U. (2018). Industry 4.0 – organizing routines or innovations? *VINE Journal of Information and Knowledge Management Systems*, 48(2), 238-254. <https://doi.org/10.1108/VJKMS-04-2017-0019>.

2. Abubakar, A. M., Elrehail, H., Alatailat, M. A. and Elçi, A. (2019). Knowledge management, decision-making style and organizational performance. *Journal of Innovation & Knowledge*, 4(2), 104–114. <https://doi.org/10.1016/j.jik.2017.07.003>

3. Heisig, P. and Kannan, S. (2020). Knowledge management: Does gender matter? A systematic review of literature. *Journal of Knowledge Management*, 24(6), 1315–1342. <https://doi.org/10.1108/JKM-08-2018-0472>.

4. Audretsch, D. B., Belitski, M., Caiazza, R., and Lehmann, E. E. (2020). Knowledge management and entrepreneurship. *International Entrepreneurship and Management Journal*, 16(2), 373–385. <https://doi.org/10.1007/s11365-020-00648-z>.

5. Solomon, G. T., Alabduljader, N. and Ramani, R. S. (2019). Knowledge management and social entrepreneurship education: Lessons learned from an exploratory two-country study. *Journal of Knowledge Management*, 23(10), 1984–2006. <https://doi.org/10.1108/JKM-12-2018-0738>.

6. Abbas, J. and Sağsan, M. (2019). Impact of knowledge management practices on green innovation and corporate sustainable development: A structural analysis. *Journal of Cleaner Production*, 229, 611–620. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.05.024>.

7. Inkinen, H. (2016). Review of empirical research on knowledge management practices and firm performance. *Journal of Knowledge Management*, 20(2), 230–257. <https://doi.org/10.1108/JKM-09-2015-0336>.

8. Santoro, G., Vrontis, D., Thrassou, A. and Dezi, L. (2018). The Internet of Things: Building a knowledge management system for open innovation and knowledge management capacity. *Technological Forecasting and Social Change*, 136, 347–354. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.02.034>.

9. Zins, C. (2007). Conceptual approaches for defining data, information, and knowledge. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 58(4), 479–493. <https://doi.org/10.1002/asi.20508>.

10. Jakubik, M. and Mürsepp, P. (2022). From knowledge to wisdom: Will wisdom management replace knowledge management? *European Journal of Management and Business Economics*, 31(3), 367–389. <https://doi.org/10.1108/EJMBE-07-2021-0219>.

11. Davenport, T. H. and Prusak, L. (1998). *Working Knowledge: How Organizations Manage What They Know*. Working Knowledge. <https://doi.org/10.1145/348772.348775>.

12. Zohuri, B., Mossavar-Rahmani, F. and Behgounia, F. (2022). *Knowledge is power in four dimensions: Models to forecast future paradigm : with artificial intelligence integration in energy and other use cases*. Academic Press.

13. Vince, G. (2013, May 17). *Cities: How crowded life is changing us*. BBC News. Retrieved February 5, 2023, from <https://www.bbc.com/future/article/20130516-how-city-life-is-changing-us>.

14. Ahmed, R., Shaheen, S. and Philbin, S. P. (2022). The role of big data analytics and decision-making in achieving project success. *Journal of Engineering and Technology Management*, 65, 101697. <https://doi.org/10.1016/j.jengtecman.2022.101697>.

15. Ferraris, A., Mazzoleni, A., Devalle, A. and Couturier, J. (2019). Big data analytics capabilities and knowledge management: Impact on firm performance. *Management Decision*, 57(8), 1923–1936. <https://doi.org/10.1108/JMD-08-2019-0336>.

org/10.1108/MD-07-2018-0825

16. Jayawardene, V., Huggins, T. J., Prasanna, R. and Fakhrudin, B. (2021). The role of data and information quality during disaster response decision-making. *Progress in Disaster Science*, 12, 100202. <https://doi.org/10.1016/j.pdisas.2021.100202>

17. Mikeshina, L. A. (2005). *Filosofiya nauki*, Progress-Tradicija, Moscow, 463 p. (In Russian).

18. Pilipenko, E. and Batalov, Y. (2014). Osnovnye ponyatiya teorii "Ekonomika znaniy. *Udmurt University Journal*, 3, 86-95 (In Russian).

19. Baskerville, R. and Dulipovici, A. (2006). The theoretical foundations of knowledge management. *Knowledge Management Research & Practice*, 4(2), 83-105. <https://doi.org/10.1057/palgrave.kmrp.8500090>.

20. Grant, R. and Phene, A. (2022). The knowledge based view and global strategy: Past impact and future potential. *Global Strategy Journal*, 12(1), 3–30. <https://doi.org/10.1002/gsj.1399>

21. Serenko, A. (2022). The Great Resignation: The great knowledge exodus or the onset of the Great Knowledge Revolution? *Journal of Knowledge Management*. <https://doi.org/10.1108/JKM-12-2021-0920>

22. Jakubik, M. (2007). Exploring the knowledge landscape: Four emerging views of knowledge. *Journal of Knowledge Management*, 11(4), 6–19. <https://doi.org/10.1108/13673270710762675>

23. Wilson, T. (2003, January 10). The nonsense of 'knowledge management'. Retrieved February 9, 2023, from <http://informationr.net/ir/8-1/paper144.html>

24. Alavi, M. and Leidner, D. E. (2001). Review: Knowledge Management and Knowledge Management Systems: Conceptual Foundations and Research Issues. *MIS Quarterly*, 25(1), 107–136. <https://doi.org/10.2307/3250961>

25. Mescon, M., Albert, M. and Khedouri, F. (2016). *Osnovy managementa* (3rd ed.). Williams Publishing House, Moscow, 672 p. (In Russian).

26. Heisig, P. (2009). Harmonisation of knowledge management – comparing 160 KM frameworks around the globe. *Journal of Knowledge Management*, 13(4), 4–31. <https://doi.org/10.1108/13673270910971798>.

27. Nonaka, I. and Takeuchi, H. (1995). *The knowledge-creating company: How Japanese companies create the dynamics of innovation*. Oxford University Press, New York. 284 p.

28. Koenig, M. (2018, January 15). What is KM? Knowledge Management Explained. *Knowledge Management World*. Retrieved February 5, 2023, from https://www.kmworld.com/About/What_is_Knowledge_Management.

29. Bandera, C., Keshtkar, F., Bartolacci, M. R. Neerudu, S., and Passerini, K. (2017). Knowledge management and the entrepreneur: Insights from Ikujiro Nonaka's Dynamic Knowledge Creation model (SECI). *International Journal of Innovation Studies*, 1(3), 163–174. <https://doi.org/10.1016/j.ijis.2017.10.005>.

30. Grant, R. (2016). Knowledge Management Theories. In M. Augier & D. J. Teece (Eds.), *The Palgrave Encyclopedia of Strategic Management* (pp. 1–5). Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1057/978-1-349-94848-2_492-1.

31. Kozhakhmet, S., Jayasingam, S., Majeed, N. and Jamshed, S. (2019). When investment in employee development promotes knowledge sharing behavior in an uncertain post-Soviet context. *Personnel Review*, 49(2), 370–388. <https://doi.org/10.1108/PR-12-2018-0523>.

32. Serenko, A. and Choo, C. W. (2020). Knowledge sabotage as an extreme form of counterproductive knowledge behavior: The role of narcissism, Machiavellianism, psychopathy, and competitiveness. *Journal of Knowledge Management*, 24(9), 2299–2325. <https://doi.org/10.1108/JKM-06-2020-0416>.

KNOWLEDGE MANAGEMENT AS A BASIS FOR MODERN INNOVATIONS

A. V. Pankratova^{1*}, N. V. Nikiforova¹, I. G. Khan¹

¹Almaty Management University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Contemporary global challenges engender the necessity of developing new approaches to management. Currently, companies compete not just with goods and services but with knowledge and abilities to effectively utilize them.

Purpose of the research. This article aims at examining the conceptual and categorical apparatus of the studied topic and building initial grounds for knowledge management understanding.

Methodology. The paper presents a comprehensive literature review of preceding research on knowledge management in peer-reviewed journals of various electronic databases since 1987, including using «Harzing's Publish or Perish» software. In addition, research works in philosophy, sociology, economics, information systems, and other sciences were studied. Based on the research results, the concepts of «data», «information», «knowledge» and "knowledge management" were structured.

Originality / value. Knowledge management as one of the relatively new types of management arouses interest from representatives of the scientific and business community along with skepticism about its uniqueness, necessity, and basically about its semantic component. This is especially noticeable in the works of information management scholars. However, researchers in the field of innovation associate knowledge management in companies with the possibility of obtaining a competitive advantage.

Findings. The study showed that considering the above-mentioned concepts as synonymous was a misconception, this leads to a misinterpretation of the object of management – knowledge, and, thus, forms a superficial idea of the function and activity of knowledge management managers. The study of the relationship between people, business processes, IT technologies, corporate culture, and other factors within the knowledge management system in the company should be the next step to continue this research.

Keywords: knowledge management, knowledge, information, data, decisions, communications.

БІЛІМДЕРДІ БАСҚАРУ ЗАМАНАУИ ИННОВАЦИЯЛАРДЫҢ НЕГІЗІ РЕТІНДЕ

А. В. Панкратова^{1*}, Н. В. Никифорова¹, И. Г. Хан¹

¹Алматы Менеджмент Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АҢДАТПА

Әлемдегі заманауи жаһандық сын-қатерлер басқарудың жаңа тәсілдерін әзірлеу қажеттілігін талап етеді. Қазіргі уақытта компаниялар тек тауарлар мен қызметтермен ғана емес, оларды тиімді қолдану білімі мен қабілетімен де бәсекелеседі.

Зерттеу мақсаты. Бұл мақаланың мақсаты зерттелетін тақырыптың тұжырымдамалық-категориялық аппаратын зерттеу және білімді басқарудың өзіндік түсінігін қалыптастыру болды

Әдіснамасы. 1987 жылдан бастап электронды мәліметтер базасының рецензияланған журналдарында knowledge management бойынша ғылыми мақалаларға, оның ішінде «Harzing's Publish or Perish» бағдарламалық жасақтамасын қолдана отырып, әдеби шолу жүргізілді. Сонымен қатар, философия, әлеуметтану, экономика, ақпараттық жүйелер және т. б. саласындағы ғалымдардың еңбектері зерттелді. Атқарылған жұмыс нәтижелері негізінде «деректер», «ақпарат», «білім» және «білімді басқару» ұғымдары құрылымдалған.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Knowledge management –менеджменттің салыстырмалы түрде жаңа түрлерінің бірі ретінде білімді басқару ғылыми және іскерлік қоғамдастық өкілдерінің қызығушылығын тудырады, сондай-ақ олардың бірегейлігі, қажеттілігі және негізінен семантикалық компоненті мәселесіне күмәнмен қарайды. Бұл әсіресе ақпаратты басқару мәселелерімен айналысатын ғалымдардың еңбектерінде байқалады. Дегенмен, инновация саласындағы зерттеушілері компаниялардағы білімді басқаруды бәсекелестік артықшылыққа ие болу мүмкіндігімен байланыстырады.

Зерттеу нәтижелері. Бұл терминдер синоним бола ма, жоқ па деген контексте әртүрлі көзқарастар бар. Жүргізілген зерттеу бұл ұғымдарды синоним ретінде қарастыру қате түсінік екенін көрсетті. Бұл басқару объектісі-білім туралы қате түсіндіруге әкеледі, сондықтан білімді басқару менеджерлерінің функциясы мен қызметі туралы үстірт түсінік қалыптастырады. Компаниядағы білімді басқару жүйесі шеңберіндегі адамдардың, бизнес-процесстердің, IT-технологиялардың, корпоративтік мәдениеттің және өзге де факторлардың өзара байланысын зерттеу осы зерттеуді жалғастыру үшін келесі қадам болып көрінеді.

Түйін сөздер: білімді басқару, білім, ақпарат, деректер, шешімдер, коммуникациялар.

ОБ АВТОРАХ

Панкратова Александра Викторовна – докторант PhD, Алматы Менеджмент Университет, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: alexkas2394@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8981-9922>*

Никифорова Нина Владимировна – доктор экономических наук, профессор, Алматы Менеджмент Университет, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: nikiforova1504@yandex.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1643-0788>

Хан Ирина Гурьевна – кандидат философских наук, профессор, Алматы Менеджмент Университет, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: irina-khan@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7387-7060>

МРНТИ: 06.71.41

JEL Classification: O15; O14; L26

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-2-72-93>

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ: НАУЧНЫЙ СИНТЕЗ ОЦЕНКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. С. Жупарова^{1*}, А. С. Асилова¹, Г. Б. Исатаева²

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

²Южно-Казахстанский государственный педагогический университет,
Шымкент, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Настоящее исследование посвящено анализу и проведению систематического обзора литературы на тему связи образования и креативной экономики на основе цитирования научных работ в международной наукометрической базе данных. Целью исследования является анализ литературы в рассматриваемой области путем выявления наиболее актуальных направлений и пробелов.

Методология исследования была реализована путем литературного обзора научных статей, по следующим ключевым словам: «education», «creative economy» «creative industries». Методология исследования включает анализ наиболее влиятельных авторов, работ и изданий по вопросу связи образования и креативных индустрий. При выявлении ключевых слов в анализируемую базу вошли 303 научных статьи базы данных Scopus за 2001-2021 годы, которые оценены как наиболее релевантные.

Оригинальность исследования подтверждается и обосновывается малым количеством научных исследований и статей, раскрывающих взаимосвязь образования и креативной экономики.

Результаты исследования. Результаты показывают, что International Journal of Cultural Policy является ведущим журналом по количеству публикаций и общему количеству цитирований. D. Rae является наиболее цитируемым автором (317 цитирований). Наиболее цитируемой статьёй в исследуемой области является «Looking for work in creative industries policy» под авторством Banks и Hesmondhalgh. Результаты систематического обзора могут быть использованы другими авторами для проведения исследований в выявленных актуальных направлениях.

Ключевые слова: образование, креативные индустрии, библиометрический анализ, Scopus.

ВВЕДЕНИЕ

Сущность современной экономики, являясь глобальной, сетевой и информационной структурой стимулировала появление понятия креативной экономики. Растущий интерес к креативным и смежным отраслям, а также секторам на западноевропейском пространстве в 2000-х годах стал предметом их общественной повестки дня. Особенно уделяется внимание роли образования в развитии креативной экономики. Образование в условиях становления креативной экономики исследует потребность в новых формах обучения и образования, которые в наибольшей степени способствуют развитию учащихся в креативном обществе.

Исследуя работы таких авторов как Р. Флорида, Ч. Лэндри и Дж. Хоукинс, можно сделать вывод о том, что взаимосвязь креативной экономики с образованием является ключевым ресурсом для политиков, исследователей, преподавателей и журналистов, который поможет им лучше понять важность человеческого капитала для становления креативной экономики и рассмотреть эффективные стратегии ее развития. Однако существуют нерешенные вопросы в литературе по данной тематике. В связи с этим исследование вопросов развития литературы в области взаимосвязи образования и креативной экономики вызывает особый интерес.

Целью данного исследования является количественная оценка литературы в изучаемой области с последующим выявлением наиболее актуальных и перспективных направлений, определение наиболее значимых журналов, авторов, работ и новых направлений для исследований.

В данном исследовании также определен важный пробел в предыдущей литературе: ни одно из предыдущих исследований не проводило обзор литературы на основе цитирования (SLR) с выбранным в этой работе диапазоном ключевых слов. Текущее исследование направлено на восполнение этого пробела. Кроме того, это исследование предоставляет подробный анализ содержания 25 наиболее значимых статей, которые ранжируются на основе количества цитирований в год. Анализ подчеркивает характерные черты влиятельных исследований экономической сущности творческой индустрии. В анализе цитирования идет ранжирование статей, авторов и журналов на основе количества цитирований в каждой статье, что можно рассматривать как альтернативный критерий для обеспечения объективности процесса отбора статей [1]. Анализируемая база по исследованию связи образования и креативной экономики, включает 303 научных статьи, проиндексированных в наукометрической базе данных Scopus.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Литературный обзор взаимосвязи образования и креативных индустрий. Впервые концепция креативных индустрий возникла в Великобритании по решению британского лейбористского правительства о создании Рабочей группы по творческим отраслям (CIFT) [2]. В дальнейшем, первоначально представленный в Соединенном Королевстве, концептуальный дискурс креативной индустрии вскоре распространился по всему миру, включая передовые страны, такие как США, Сингапур и Китай. На сегодняшний день значение креативных индустрий в современном мире признано как в академической, так и в политической сферах многих стран, в том числе и Казахстана. Креативные индустрии приносят определенные выгоды для территории, в котором они расположены, а именно: ускоряют региональное возрождение, экономический рост, повышают уровень занятости, усиливают социальную интеграцию и улучшают экономическую активность [3].

Развитие креативных индустрий напрямую связано с человеческим капиталом. Исследователи из Оксфордского университета подсчитали, что до 47 % рабочих мест в США могут быть заменены машинами в течение следующих 20 лет, в то время как в Великобритании этот показатель составляет 35 %. Напротив, в исследовании Nesta «Творчество против роботов» утверждается, что творческий сектор в какой-то степени невосприимчив к этой угрозе: 86 % в США и 87 % в Великобритании «высокотворческих» рабочих мест имеют отсутствие или низкий риск вытеснения из-за автоматизации. Цифры действительно показывают тот факт, что креативная экономика будет стимулировать следующую волну роста человеческого творчества и занятости [4].

Технологический бум, новые навыки, критическое мышление и потребность в эмпатии катализируют изменения в системе образования. Это показатель зарождающегося социально-экономического сдвига, который требует стратегий демократизации доступа к новым возможностям. Необходимо сделать образование более контекстуальным для существующей экосистемы, поскольку это поднимает некоторые очень важные вопросы, так, например, какие качества должна формировать система образования у креативных людей, как образование влияет на креативное мышление.

В обзоре литературы по экономической сущности креативной индустрии в большинстве ранних исследований использовался традиционный обзор литературы (TLR) [5]. В исследованиях с использованием метода систематического обзора литературы (SLR) было изучено очень ограниченное количество статей и ключевых слов [6]. В статье Д. Агуилера и Дж. Ортиз-Ревилла [6] для анализа было отобрано 14 статей. Р. Шариф [7] были отобраны 20 статей из соответствующих журналов с экспертной оценкой с использованием ключевых слов «аккультурация» и «креативность» («acculturation» и «creativity») в названии и аннотации, что показывает достаточную базу литературы в исследуемой области. Однако данное исследование направлено больше на связь образования и креативной экономики.

Методология. Методология проведения настоящего исследования адаптирована из работы Н. Ахмад и др. [8], где авторы провели систематический обзор литературы, касающейся эффективно-

сти и прибыльности банковского сектора. Данный метод может быть адаптирован для анализа литературы по вопросам исследования связи образования и креативной экономики.

В работе рассмотрена литература, которая исследует взаимосвязь образования и креативной экономики, используя подход SLR. Несмотря на то, что существует ряд других библиометрических баз данных таких как Web of Science (WoS) и Google Scholar, предпочтение было отдано базе данных Scopus. По сравнению с другими библиометрическими базами данных подсчет цитирований в Scopus считается более точным, что подтверждается несколькими исследователями [9]. Кроме того, Scopus характеризуется более систематизированными и прозрачными критериями выбора источников цитирования и предоставляет более качественный контент [10]. База данных получает свое содержание непосредственно от издателей журналов и сопоставляет извлеченные цитирования с конкретными авторами и публикациями, используя собственные алгоритмы их стандартизации и проверки [11].

Методология исследования представляет собой уникальный систематический обзор литературы, основанный на анализе количества цитирований, который предназначен для проведения контент-анализа подборки статей, которые высоко оценены исследовательским сообществом. Этот метод состоит из трех частей: (а) процесс выбора статьи; (б) анализ цитирования; и (в) анализ 25 наиболее цитируемых статей.

Статьи, исследующие связь образования и креативных индустрий, были отобраны из Scopus, широко используемой для анализа цитируемости и проведения систематического обзора литературы [12]. Scopus предлагает несколько преимуществ по сравнению с другими базами данных. Во-первых, он охватывает академические журналы с более чем 25 000 активных названий на очень полной основе. Во-вторых, охват цитированием также является полным: 1,7 миллиарда цитируемых ссылок относятся к 1970 году [13]. В-третьих, по мнению некоторых исследователей, информация о цитировании из Scopus считается более надежной, чем из WoS. Scopus также включает в себя наиболее полный набор статей с полными наборами ссылок и метаданными об авторах или учреждениях [14].

Scopus использовался для поиска литературы, исследующей связь образования и креативной экономики. Ключевые слова были выбраны на основе мнения экспертов и предыдущих публикаций. Первоначально проводился поиск терминов «образование» в названии, аннотации и ключевых словах, в результате выявлено 2 357 397 соответствующих документов. Затем проводилось объединение введенным выше поиском с терминами «креативная экономика» или «креативные индустрии», в результате чего количество статей достигло 604. Таким образом, был добавлен еще один ключ логического поиска, такой как TITLE-ABS-KEY («education») OR TITLE-ABS-KEY («creative economy») OR TITLE-ABS-KEY («creative industry»).

На рисунке 1 показан процесс выбора соответствующих документов. Для более точного определения релевантных статей использовались ключевые слова в кавычках, что позволило найти 604 статьи. Чтобы не отвлекать внимание от опубликованных статей, были удалены главы из книг, серий книг или материалов конференций и сохранены 347 статей. Далее были исключены статьи, опубликованные на других языках, и статьи, заявленные к публикации в 2022 году. На данном этапе выборка содержала 303 статьи (Рисунок 1).

В настоящем исследовании проведен анализ с использованием комплексного статистического инструмента, основанного на R в библиометрии. Преимуществом данного инструмента для анализа является наличие мощных эффективных статистических алгоритмов, помогающих визуализировать интегрированные данные [15]. Существуют и другие программные пакеты, полезные для выполнения библиометрического анализа. Как правило, выделяют две основные категории: те, которые работают на языковой платформе R (используемой в этом исследовании), и те, которые используют приложения Java. BibExcel, VOSviewer, SciMAT, Science of Science, CiteSpace (Sci2) Tool, CitNetExplorer и VantagePoint — доступные инструменты, принадлежащие ко второй группе. У этой группы программных пакетов есть одно неоспоримое преимущество: подавляющее большинство из них являются приложениями со свободным исходным кодом. Единственным исключением является Vantagepoint, работающий на коммерческой основе. Кроме того, большинство упомянутых выше инструментов предлагают визуализацию данных и функции отображения, за исключением программного обеспечения BibExcel.

Рисунок 1 – Схематическое изображение процесса выбора списка публикаций для анализа

Примечание – составлено авторами

В статье проведен описательный анализ выборки. Поскольку тема была относительно новой, самая ранняя статья в выборке была опубликована в 2001 году. Около 185 журналов опубликовали 303 статьи касательно связи образования и креативной экономики, а среднее количество цитирований на документ составляет 11.6, тогда как медианное количество цитирований в год на документ составляет 1.44 цитирования в год.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Статистика публикаций по странам. Аналитические инструменты Scopus позволяют анализировать научную литературу в странах на основе принадлежности авторов по территориальному признаку. На рисунке 2 видно, что распределение указывает на то, что ведущими странами в этой научной области являются Великобритания, Австралия, Индонезия и США. Креативные индустрии были впервые определены в Великобритании [16], как деятельность, основанная на личном таланте, для производства контента, услуг или продуктов, имеющих культурную ценность и занимающих важное место в развитии экономики. Наибольшее количество исследований по вопросу связи образования и креативной экономики осуществлено в Великобритании (116 научных трудов), за ней следует Австралия (82). Индонезия также является одной из самых продуктивных стран с 32 публикациями. Согласно рисунку 2 наблюдается тенденция, что чем выше уровень экономического развития страны, тем активнее проводятся исследования в области образования и креативной экономики.

Рисунок 2 – Количество исследовательских работ по исследованиям в области образования и креативной экономике в мире

Примечание – составлено авторами

Тенденции роста публикаций. На рисунке 3 показаны тенденции роста публикаций, иллюстрирующие, что литература, касающаяся исследований связи образования и креативной экономики, резко увеличилась после отчетов в 2013 году, когда ЮНКТАД [17] поставила творческие отрасли на первое место в научных и политических программах из-за их экономического вклада и перспектив роста. Учитывая периоды до и после 2013 года, наблюдается очевидный рост количества публикаций после 2013 года. Это свидетельствует о росте глобального интереса исследовательского сообщества к креативной экономике.

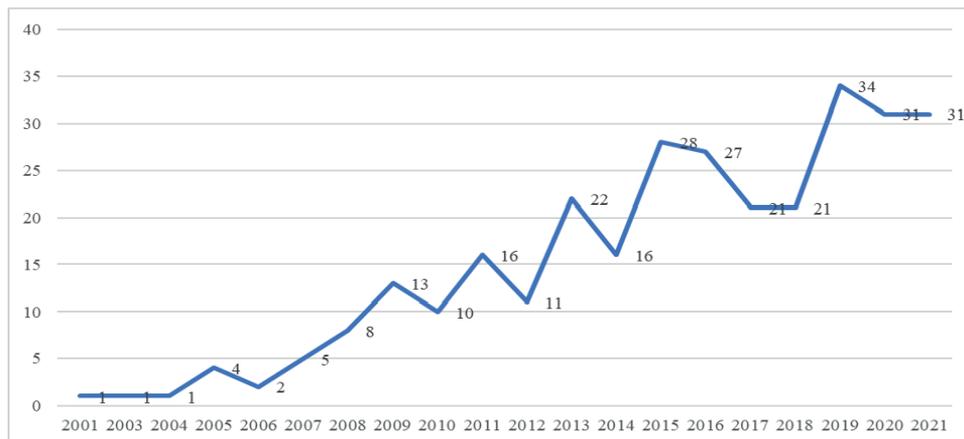

Рисунок 3 – Количество научных публикаций по образованию и креативной экономике за 2001-2021 гг.

Примечание – составлено авторами

Согласно источникам, которые занимаются систематическим обзором литературы по исследованию связи образования и креативной экономики, самой новой работой является С. Далле Ногаре и М. Мурзын-Куписиз [18], в которой исследован вклад музеев в инновационное развитие через их образовательную миссию.

На рисунке 4 представлена динамика медианного интервала цитирований статей в год до конца 2021 года. При тщательном изучении публикаций, начиная с 2001 года, было установлено, что работа «Looking for work in creative industries policy» [19] получила наибольшее количество цитирований — 207. В целом, анализ работ с более чем 50 цитированиями включал 13 статей, 6 из которых были опубликованы после 2010 года и имели 530 цитирований, что составило 15 % от общего числа цитирований.

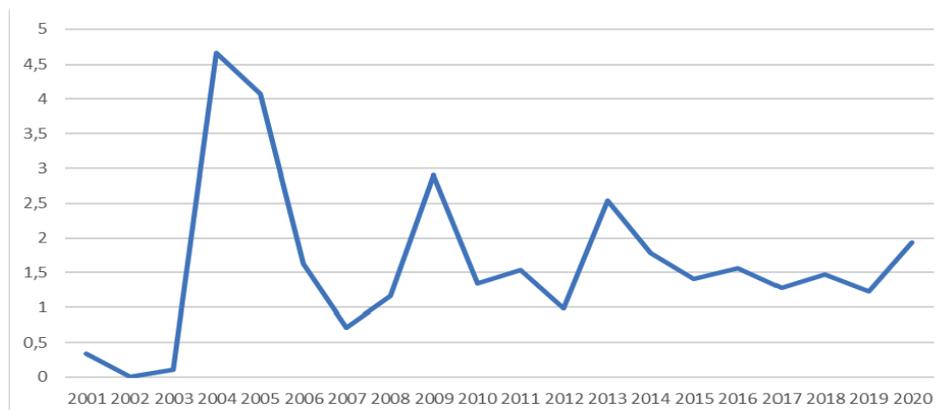

Рисунок 4 – Среднегодовое количество цитирований

Примечание – составлено авторами

На рисунке 5 показаны наиболее цитируемые статьи за трехлетний период.

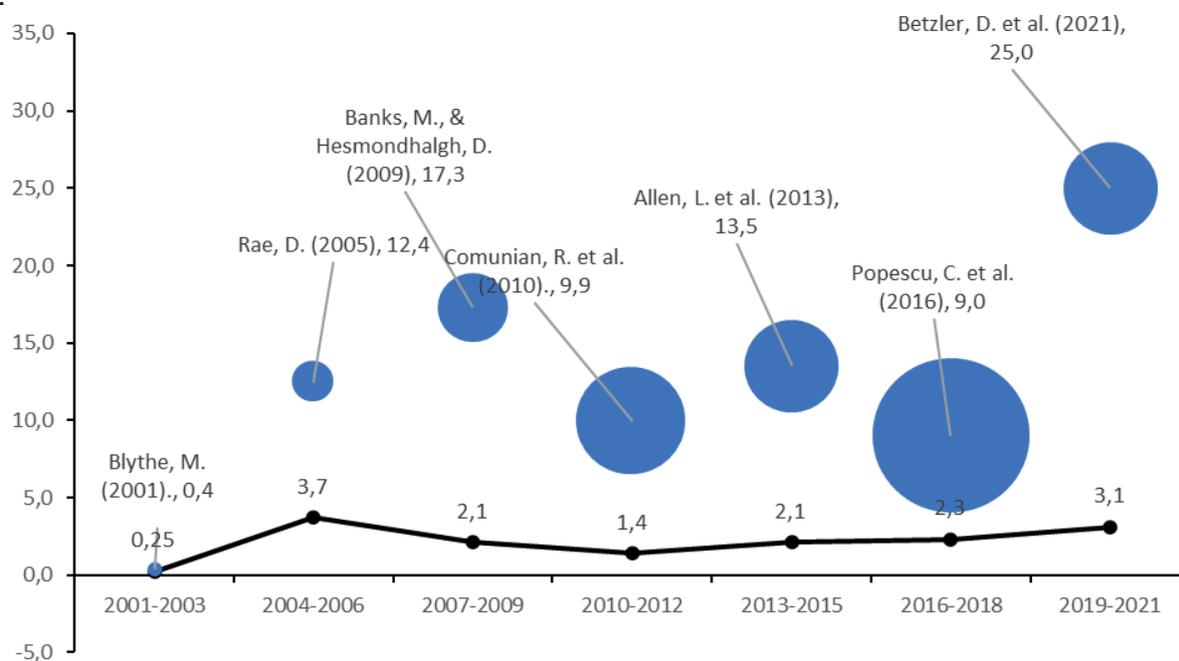

Рисунок 5 – Наиболее цитируемые статьи за 3-летний интервал

Примечание – Размер кружка представляет собой среднегодовое цитирование наиболее значимой статьи. Сплошная линия представляет среднегодовое количество цитирований на документ.

Примечание – составлено авторами

Объем круга и число в скобках означают общее количество цитирований, собранных до 2022 года. Это число указывает на то, что статья Д. Бетзлер и др. [20] стала самой цитируемой статьей в период с 2019 по 2021 годы с 25 цитированиями в год. В 2007-2009 годах работа М. Банкс и Д. Хесмондхалгх была самой влиятельной с 207 цитированиями и ежегодным цитированием 17.3. Важность такого анализа заключается в возможности выявления работ, признанных академическим сообществом, что имеет решающее значение для будущих исследований.

Наиболее влиятельные журналы. Несомненно, будущие исследования по теме должны определить наиболее значимые журналы, связанные с образованием и креативной экономикой. Это подтверждает исследование С. Брэдфорда [21], которое делит журналы на три зоны, в каждой из которых примерно равное количество научных статей по данной тематике. Закон Брэдфорда оценивает результаты поиска новых ссылок по определенной теме в научных журналах в зависимости от количества просмотров. Согласно закону Брэдфорда, если разделить журналы, освещающие определенные темы, на три примерно равные группы, то в каждой из этих групп будет примерно треть всех статей. Количество журналов в каждой группе изменится относительно $1: n: n^2$, где n — некоторое число, множитель Брэдфорда. На рисунке 6 показано, что в Зоне 1 есть 17 ведущих журналов, в которых опубликовано 34 статьи, что составляет 59 % от общего числа цитирований.

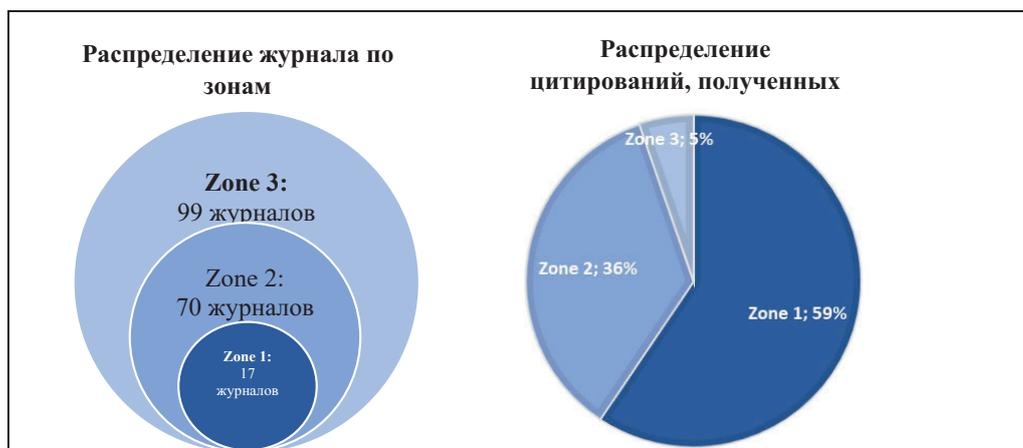

Рисунок 6 – Распределение журналов, где опубликованы статьи по исследованию связи образования и креативной экономики по закону Брэдфорда и доля цитирования каждой зоны

Примечание – составлено авторами

Дальнейший анализ журналов включает ранжирование по количеству цитирований и публикаций, который включает в себя 4 метода. Первый метод нацелен на выявление актуальности тематики исследования. На рисунке 7а показаны ведущие журналы по количеству публикаций. Актуальность тематики исследования оценивается по количеству актуальных статей, опубликованных в журнале. Таким образом, журнал *International Journal of Cultural Policy* занимает первое место в рейтинге по релевантности исследованиям связи образования и креативной экономики с 17 документами или 0.4 % всех статей из всей выборки, за ним следует журнал *Sustainability* с 9 статьями и третий *Cultural Trends*, опубликовавший 8 статей.

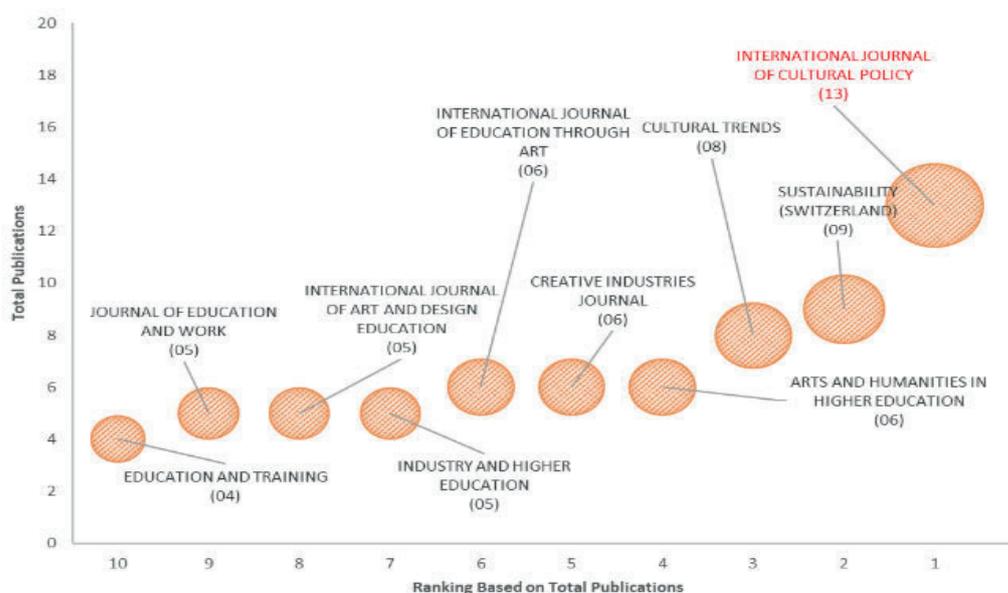

Рисунок 7а – Топ журналы по количеству публикаций по образованию и креативной экономике

Примечание – составлено авторами

Второй метод включает в себя ранжирование наиболее цитируемых журналов как в глобальном, так и в локальном масштабе, где глобально означает цитирование статей не только из выбранной выборки из 303 статей, но и по другой схожей теме (вне выборки), тогда как анализ локального цитирования включает в себя ранжирование журналов по цитированию из анализируемой выборки (303 статей). Самым цитируемым журналом по исследованию связи образования и креативной экономики является *International Journal of Cultural Policy* (всего 373 цитирования), за которым следуют *Journal of Small Business and Enterprise Development* (всего 273 цитирования; рисунок 7b).

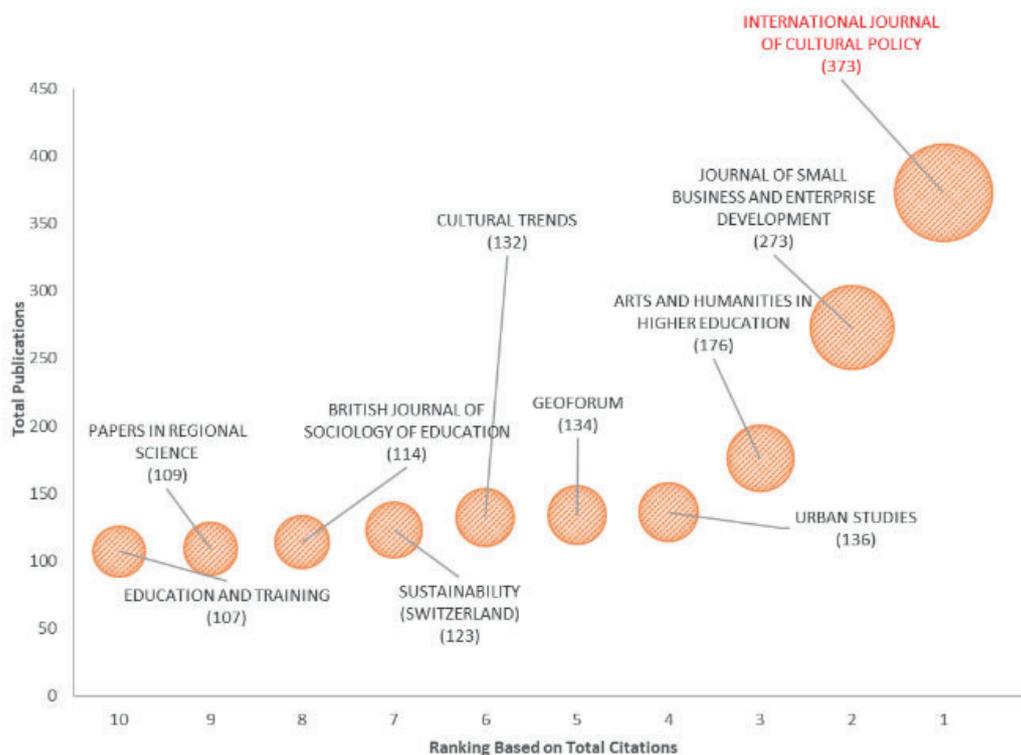

Рисунок 7b – Топ журналы на основе общего цитирования публикаций по образованию и креативной экономике в глобальной выборке
 Примечание –составлено авторами

Третий метод также включает в себя анализ наиболее цитируемых журналов в локальном масштабе, то есть внутри выборки, которая включает 303 публикации, включающих связь образования и креативной экономики. Наиболее цитируемый журнал внутри этой выборки также является *International Journal of Cultural Policy* (157 цитирований; рисунок 7c).

Учитывая, что креативная экономика затрагивает разные области, в том числе экономику, географию, искусство, политологию и государственную политику, соответствующие научные статьи публикуются в различных журналах. Данные в таблице 1 позволяют проанализировать значимость топ-20 журналов по следующим показателям: G-индекс (индекс научной продуктивности), H-индекс, M-индекс и количество публикаций, количество цитирований и сравнить влияние и вклад каждого журнала. H-index представляет собой количественную характеристику продуктивности ученого, журнала на основе количества публикаций и их цитирований. G-индекс также как и H-index, который при расчете учитывает наиболее цитируемые статьи в наборе данных. При этом G-index всегда равен или выше H-index. M-index отображает H-индекс за год с момента первой публикации. M-index по своей сути предполагает непрерывную исследовательскую деятельность с момента первой публикации.

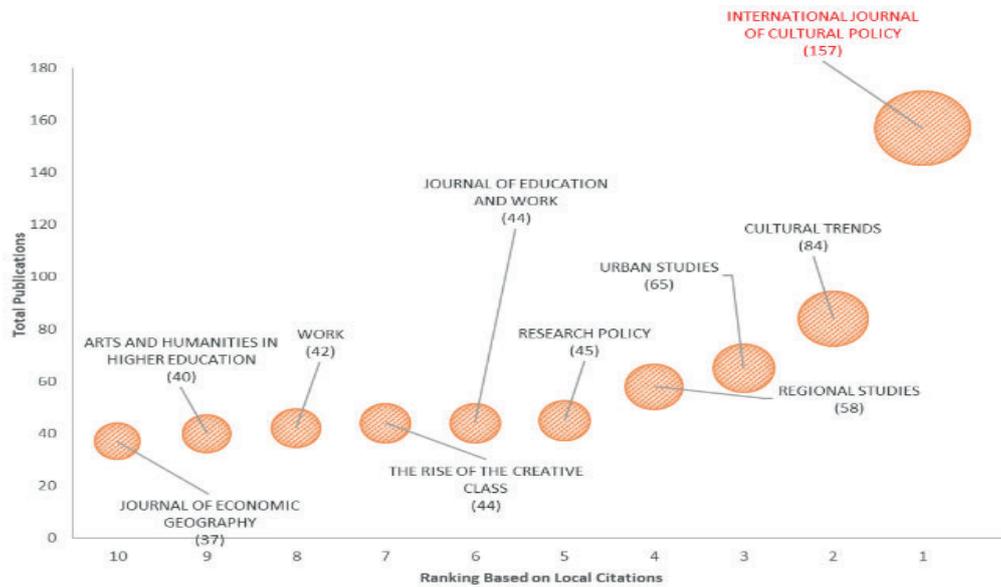

Рисунок 7с – Топ журналы на основе общего цитирования публикаций по образованию и креативной экономике в локальной выборке
 Примечание – составлено авторами

Четвертый метод ранжирования журналов показан на рисунке 7d. Этот метод ранжирует журналы на основе H-индекса. Рейтинг показывает, что самым влиятельным журналом по H-Index является *International Journal of Cultural Policy* с 13 статьями по образованию и креативной экономике, каждая из которых имеет не менее 9 ссылок.

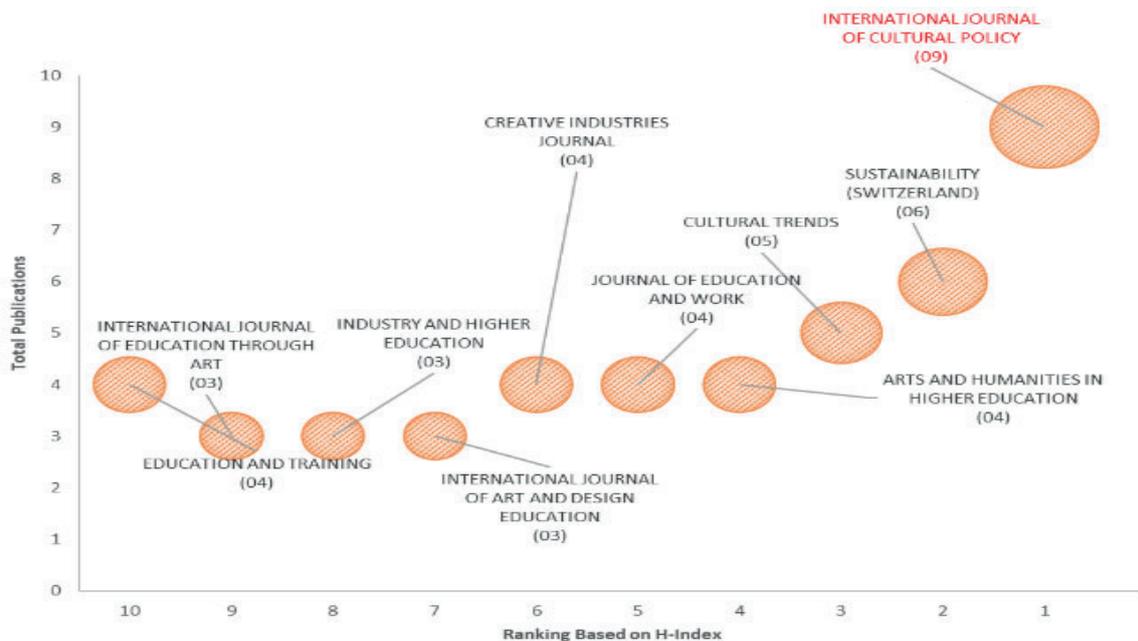

Рисунок 7d – Топ журналы согласно H-index по публикациям по образованию и креативной экономике
 Примечание – составлено авторами

Таблица 1 – Топ-20 журналов по следующим показателям: g-индекс, h-индекс, m-индекс и количество публикаций, количество цитирований

Название журнала	H-index	G-index	M-index	Общее количество цитирований	Количество публикаций	Дата начала публикационной активности
International journal of cultural policy	9	13	0,64	373	13	2009
Journal of small business and enterprise development	2	2	0,11	273	2	2005
Arts and humanities in higher education	4	6	0,25	176	6	2007
Urban studies	2	2	0,14	136	2	2009
Geoforum	3	3	0,21	134	3	2009
Cultural trends	5	8	0,42	132	8	2011
Sustainability (Switzerland)	6	9	0,86	123	9	2016
British journal of sociology of education	2	2	0,20	114	2	2013
Papers in regional science	1	1	0,08	109	1	2010
Education and training	4	4	0,24	107	4	2006
Education + training	1	1	0,05	84	1	2004
Personnel review	2	2	0,18	61	2	2012
Psychology of aesthetics, creativity, and the arts	1	1	0,13	59	1	2015
Thesis eleven	2	2	0,13	56	2	2008
Journal of education and work	4	5	0,50	51	5	2015
Higher education research and development	2	2	0,22	50	2	2014
Creativity and innovation management	1	1	0,10	49	1	2013
Creativity studies	3	3	0,43	43	3	2016
European planning studies	1	1	0,11	39	1	2014
International journal of art and design education	3	5	0,14	39	5	2001
Примечание – Составлено авторами						

По данным таблицы 1 *International Journal of Cultural Policy* является ведущим журналом как по H-index, по G-index так и по количеству цитирований. Тем не менее, *Journal of Small Business and Enterprise Development* занял первое место в общем рейтинге цитируемости (273 цитирования), что сделало его самым результативным журналом в своей области. Еще одна лидирующая позиция в m-index — у журнала *Sustainability*. Рейтинги H-Index, полученные последующими журналами, сильно отличаются от рейтингов, предложенных другими индикаторами, и ни один из пяти показателей не поддерживает их. В рейтинг H-index входят журналы, как правило, не входящие в список 20 ведущих журналов, такие как *Creativity Studies*, *Industry and Higher Education*, *International Journal of Art and Design Education*.

Первая публикация о связи образования и креативной экономики появилась в журнале *International Journal of Art and Design Education* в 2001 году. В документе рассматриваются важность творческих индустрий для образования в области искусства и дизайна. Однако в последующие годы было опубликовано всего несколько статей — 6 публикаций за три года. Позже в 2003-2004 годах было опубликовано 26 статей о связи образования и креативной экономики. Самая последняя публикация о креативной экономике называлась «Do Museums Foster Innovation Through Engagement With the Cultural

and Creative Industries?» [18] в *Journal of Cultural Economics*. В этой статье исследуется, вклад музеев в инновационное развитие через их образовательную миссию.

На рисунке 8 показан совокупный рост публикаций о связи образования и креативной экономики в пяти наиболее продуктивных журналах за 2001-2021 годы.

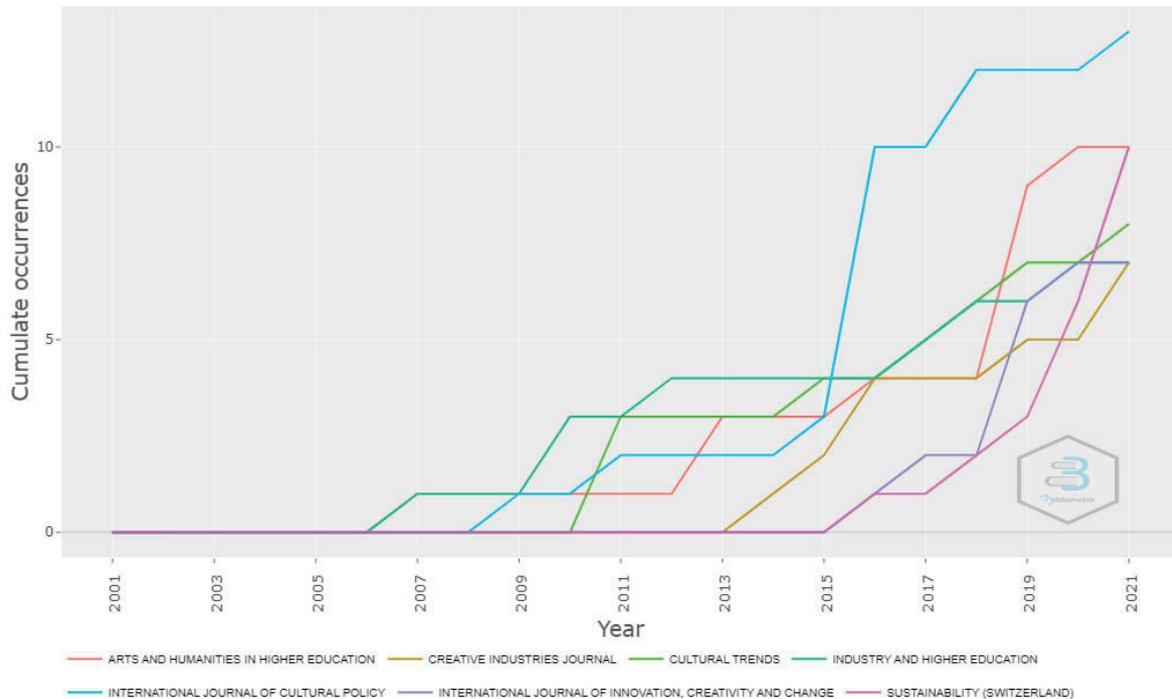

Рисунок 8 – Рост публикаций по 5 ведущим журналам (2001-2021 годы)

Примечание – составлено авторами

В зависимости от частоты публикаций журнал *International Journal of Cultural Policy* с 13 статьями, опубликованными с 2001 года, занял первое место. С другой стороны, *International Journal of Art and Design Education* впервые опубликовал статью о связи образования и креативной экономики.

Наиболее продуктивные авторы. Помимо журналов, крайне важно определить наиболее влиятельных и продуктивных исследователей, которые внесли заметный вклад в литературу о связи образования и креативной экономики. На рисунке 9а показан рейтинг авторов по общему количеству публикаций. Comunian R. (King's College London, UK) заняла первое место с 9 публикациями, а Daniel R. (College of Arts, Australia) и Faggian A. (Gran Sasso Science Institute, Italy) заняли второе и третье места с восемью и пятью публикациями каждый.

На рис. 9б показано ранжирование авторов по общему количеству цитирований с одинаковым количеством цитирований для всех соавторов в статье с несколькими авторами. Количество дробных публикаций регулирует производительность в зависимости от частотного распределения авторов. Согласно рейтингу, Daniel R. (College of Arts, Australia) занимает первое место. Ashton D. (Department of Film and Media Production, UK) и Bridgstock R. (Griffith University, Australia) занимают второе и третье места соответственно.

На рисунке 9с показано, что наиболее цитируемым автором является Rae D. (University of Lincoln, UK). Несмотря на то, что он опубликовал три научные работы на тему креативной экономики и образования, они получили 317 цитирований. Comunian R. (King's College London, UK) также попал в число наиболее цитируемых авторов.

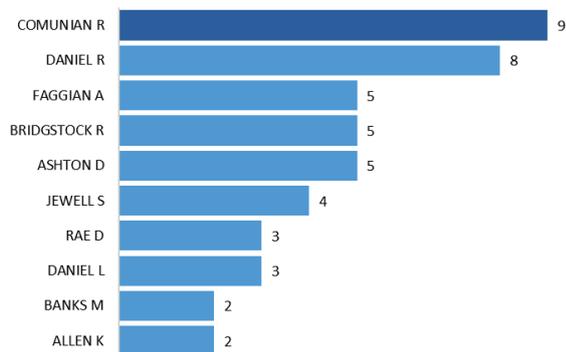

Рисунок 9а – Ранжирование, основанное на количестве публикаций
 Примечание – составлено авторами

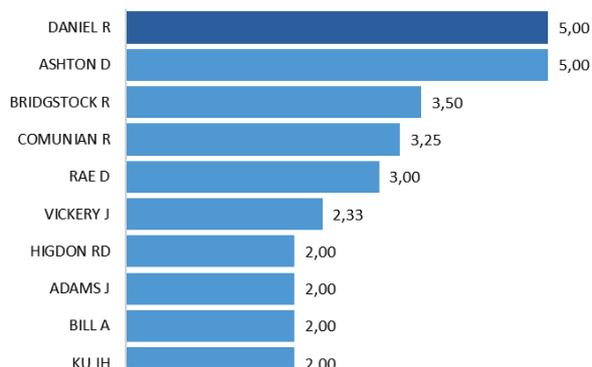

Рисунок 9б – Ранжирование, основанное на количестве дробных публикаций
 Примечание – составлено авторами

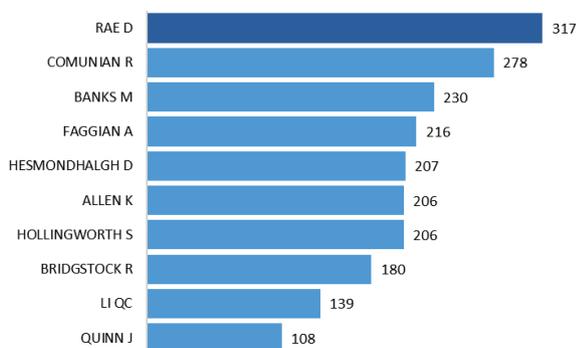

Рисунок 9с – Ранжирование, основанное на общем цитировании
 Примечание – составлено авторами

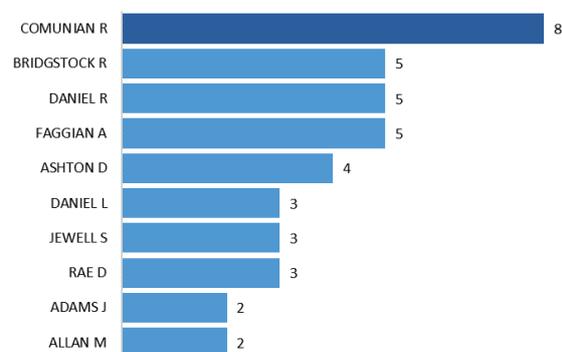

Рисунок 9д – Ранжирование на основе H-index
 Примечание – составлено авторами

На рисунке 9д показан H-индекс каждого автора. Поскольку многие ученые являются соавторами статей, ранги имеют тенденцию меняться. Следует отметить, что Comunian R. по-прежнему занимает первое место, за ним следуют Bridgstock R и Daniel R, заняв второе и третье места соответственно.

На рисунках 9а, б и д Daniel R. является наиболее часто публикуемым автором, связанным с креативной индустрией, с самым высоким индексом Хирша. Тем не менее, согласно рисунку 9с, Rae D. является наиболее цитируемым автором по сравнению с Comunian R., который имеет 278 цитирований.

Помимо журналов, несколько известных исследователей внесли значительный вклад в литературу, связанную с образованием и креативной экономикой. Чтобы определить наиболее выдающихся исследователей креативной экономики, составлен рейтинг 20 самых влиятельных авторов по общему количеству цитирований. В дополнение к общему количеству цитирований в таблице 2 приведены данные по g-index, h-index, m-index и количеству опубликованных статей для сравнения влияния и вклада каждого автора.

По общему количеству цитирований пятью наиболее влиятельными авторами являются Rae D., Comunian R., Banks M., Faggian A., Hesmondhalgh D., Comunian R. Это наиболее продуктивные авторы по количеству публикаций.

Таблица 2 – Топ-20 авторов по публикациям, связанным с образованием и креативной экономикой

Авторы	H-index	G-index	M-index	Общее количество цитирований	Количество публикаций	Дата начала публикационной активности
Rae D	3	3	0,158	317	3	2004
Comunian R	8	9	0,615	278	9	2010
Banks M	2	2	0,143	230	2	2009
Faggian A	5	5	0,385	216	5	2010
Hesmondhalgh D	1	1	0,071	207	1	2009
Allen K	2	2	0,2	206	2	2013
Hollingworth S	2	2	0,2	206	2	2013
Bridgstock R	5	5	0,5	180	5	2013
Li Qc	2	2	0,154	139	2	2010
Quinn J	1	1	0,1	108	1	2013
Rose A	1	1	0,1	108	1	2013
Bontje M	1	1	0,071	86	1	2009
Musterd S	1	1	0,071	86	1	2009
Jewell S	3	4	0,25	80	4	2011
Stokes D	1	1	0,056	74	1	2005
Wilson Nc	1	1	0,056	74	1	2005
Cunningham S	2	2	0,143	67	2	2009
Ashton D	4	5	0,333	64	5	2011
Bennett D	2	2	0,286	59	2	2016
Clements L	1	1	0,125	59	1	2015

Примечание – составлено авторами

Примечательно, что вопросы связи образования и креативной экономики авторы начали изучать сравнительно недавно, что свидетельствует об относительной новизне темы. Например, самый продуктивный автор R. Comunian начала писать статьи на эту тему в 2010 году и имеет ежегодное количество цитирований равное 23,1. R. Daniel напротив, начал публиковать работы в 2013 году и подготовил 8 работ с 4,8 цитированиями в год.

На рисунке 10 представлен анализ продуктивности авторов полезным инструментом является функция Лотки, которая оценивает коэффициенты закона Лотки для научной продуктивности (Лотка, 1926). Количество авторов, публикующих определенное минимальное количество статей, представляет собой фиксированное отношение к количеству авторов, публикующих одну статью. Это предположение подразумевает, что теоретический бета-коэффициент закона Лотки равен 2. Используя функцию Лотки, можно оценить бета-коэффициент библиографической коллекции и использовать статистический тест для оценки подобия этого эмпирического распределения теоретическому.

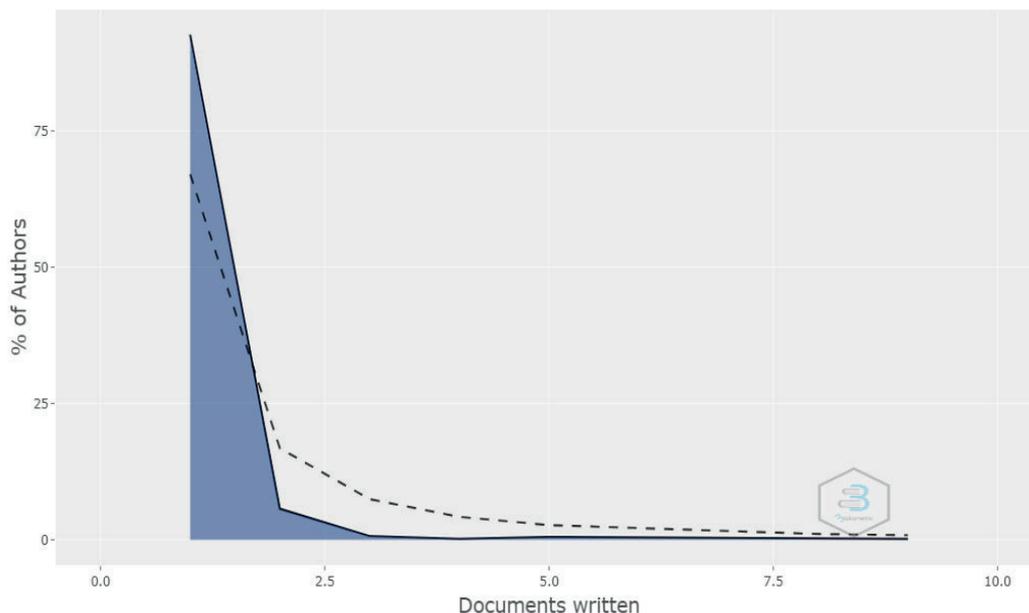

Рисунок 10 – Закон Лотки научной продуктивности авторов публикаций, связанных с образованием и креативной экономикой
 Примечание – составлено авторами

Еще одним важным аспектом с точки зрения имиджа страны является роль соответствующего автора. На рисунке 11 показаны 10 наиболее продуктивных стран по количеству публикаций, связанных с образованием и креативной экономикой. Таким образом, на диаграмме показаны 10 стран, в которых чаще всего осуществляются публикации о взаимосвязи образования и креативной экономики.

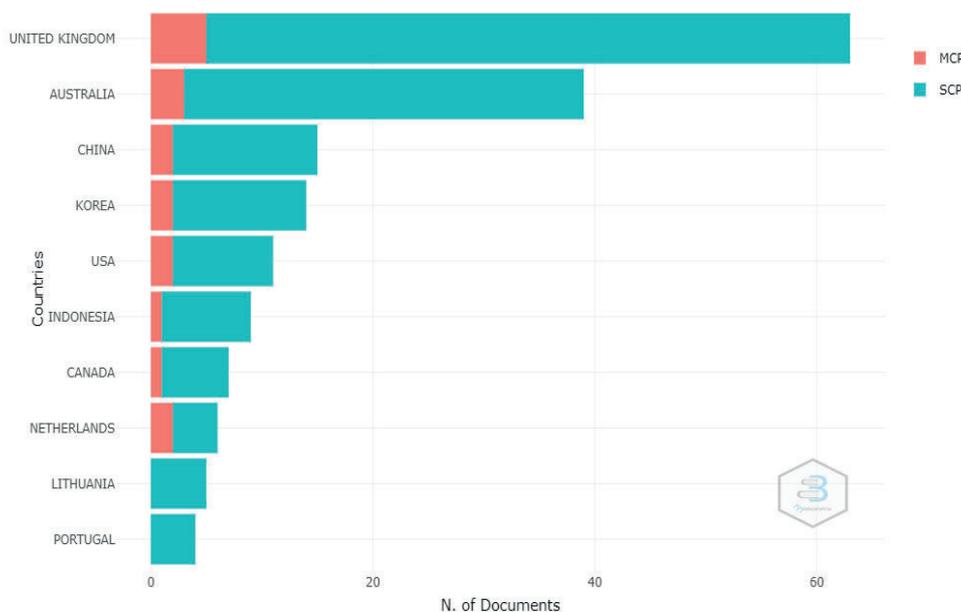

Рисунок 11 – Страна аффилиации автора-корреспондента по публикациям о взаимосвязи образования и креативной экономики
 Примечания – MCP = публикация в нескольких странах (соавторы находятся в разных странах); SCP = публикация в одной стране (все авторы принадлежат к одной и той же стране).
 Примечание – составлено авторами

Как ранее было отмечено, наибольшее количество публикаций сделано в Великобритании. В число стран с наибольшим количеством публикаций по указанной теме также входят: Австралия, Китай, Корея, США и Индонезия.

Области библиографического описания. Одной из обязательных характеристик опубликованной статьи является наличие ключевых слов, определяющих тему исследования. Чем точнее подобраны ключевые слова, тем выше вероятность того, что статья будет заметна для исследователей, изучающих ту же тему. На рисунке 12 показана взаимосвязь слов, содержащая ключевые слова, использованные авторами в 303 статьях, которые мы ввели в окончательную базу данных исследования.

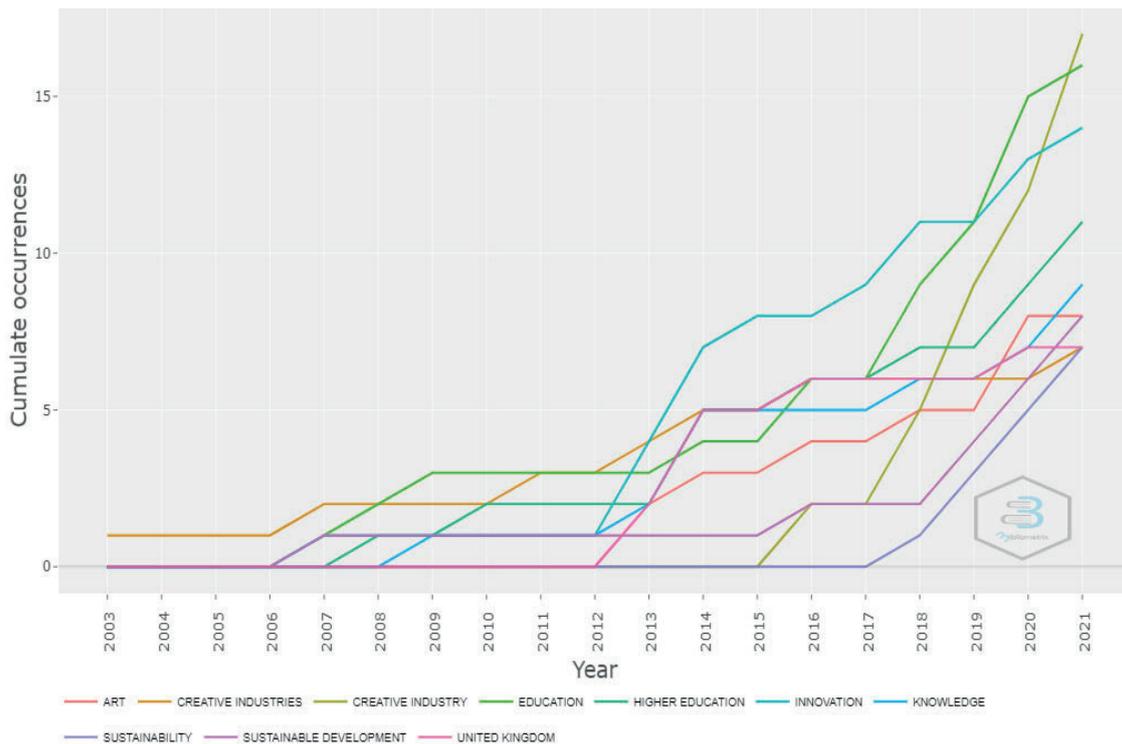

Рисунок 12 – Рост числа ключевых слов, предоставленных авторами публикаций о взаимосвязи образования и креативной экономики
Примечание – составлено авторами

Как видно из рисунка 12 в мировой литературе растёт число ключевых слов к статьям, предоставленных авторами публикаций о взаимосвязи образования и креативной экономики. Что говорит о росте интереса данной тематики среди исследователей.

Более крупные шрифты используются иногда для отображения наиболее часто используемых слов. Этими ключевыми словами являются «креативная экономика», «высшее образование» и «образование». Они являются важными переменными, применяемыми в тематических рамках. Слова «креативные индустрии», «инновации», «знания» также являются общими ключевыми словами. «Устойчивость» и «устойчивое развитие» были недавно добавлены в литературу с 2017 года.

Интеллектуальные структуры: анализ совместного цитирования. Рисунок 13 иллюстрирует анализ тематической эволюции, основанный на совместном сетевом анализе и кластеризации. Методология основана на предложении Sobo et al. [22].

В этой статье используется библиометрический подход, определенный Sobo et al., который основан на анализе слов и H-индексе. Этот подход устанавливает четыре этапа для обнаружения и визуализации концептуальных подобластей и тематической эволюции области исследования в продольной структуре.

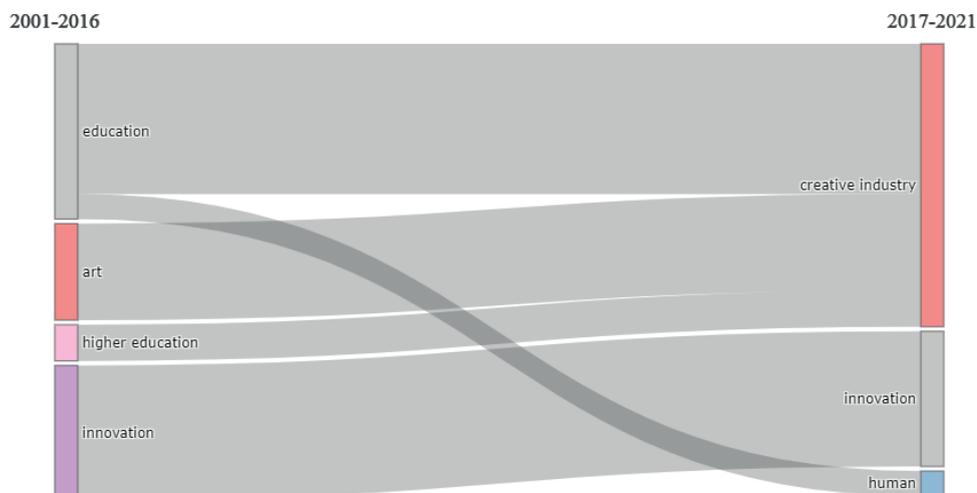

Рисунок 13 – Анализ тематической эволюции исследований взаимосвязи образования и креативной экономики, основанный на совместном сетевом анализе и кластеризации

Примечание – составлено авторами

В таблице 3 представлены 25 самых значимых публикаций, основанных на ежегодном цитировании креативной экономики.

Таблица 3 – Топ-25 самых значимых публикаций о взаимосвязи образования и креативной экономики по ежегодному количеству цитирований

Авторы	Название статьи	Название журнала	Год публикации	Количество цитирований	Количество цитирований в год	Нормированный показатель количества цитирований
Mark Banks & David Hesmondhalgh	Looking for work in creative industries policy	International Journal of Cultural Policy	2009	207	14,7857	5,4918
Rae D,	Entrepreneurial learning: a narrative-based conceptual model	Journal of Small Business and Enterprise Development	2005	199	11,0556	2,8736
Comunian, R., Faggian, A. and Li, Q.C.	Unrewarded careers in the creative class: The strange case of bohemian graduates.	Papers in Regional Science	2010	109	8,3846	6,7702
K. Allen, J. Quinn, S. Hollingworth & A. Rose	Becoming employable students and 'ideal' creative workers: exclusion and inequality in higher education work placements	British Journal of Sociology of Education	2013	108	10,8	4,7237
Bridgstock R.	Arts entrepreneurship and higher education	Arts and Humanities in Higher Education	2013	99	9,9	4,33
Allen K, Hollingworth S.	'Sticky Subjects' or 'Cosmopolitan Creatives'? Social Class, Place and Urban Young People's Aspirations for Work in the Knowledge Economy.	Urban Studies.	2013	98	9,8	4,2863
Marco Bontje, Sako Musterd,	Creative industries, creative class and competitiveness: Expert opinions critically appraised	Geoforum	2009	86	6,1429	2,2816
Rae, D.	Entrepreneurial learning: a practical model from the creative industries	Education + Training	2004	84	4,4211	1

Wilson, N.C. and Stokes, D.	Managing creativity and innovation: The challenge for cultural entrepreneurs	Journal of Small Business and Enterprise Development	2005	74	4,1111	1,0686
Sowden, P. T., Clements, L., Redlich, C., & Lewis, C.	Improvisation facilitates divergent thinking and creativity: Realizing a benefit of primary school arts education	<i>Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts</i>	2015	59	7,375	6,0073
Roberta Comunian, Alessandra Faggian & Sarah Jewell	Winning and losing in the creative industries: an analysis of creative graduates' career opportunities across creative disciplines	Cultural Trends	2011	57	4,75	3,3778
Mietzner, D. and Kamprath, M.	Competence Portfolio for Professionals in the Creative Industries	Creativity and Innovation Management	2013	49	4,9	2,1431
Georgina Barton & Mary Ryan	Multimodal approaches to reflective teaching and assessment in higher education	Higher Education Research & Development	2014	47	5,2222	3,2982
Carey, C. and Naudin, A.	Enterprise curriculum for creative industries students: An exploration of current attitudes and issues	Education + Training	2006	47	2,7647	1,8077
Popescu, C.C.; Bostan, I.; Robu, I.-B.; Maxim, A.; Diaconu, L.	An Analysis of the Determinants of Entrepreneurial Intentions among Students: A Romanian Case Study.	<i>Sustainability</i>	2016	45	6,4286	4,8024
Roberta Comunian, Calvin Taylor & David N. Smith	The Role of Universities in the Regional Creative Economies of the UK: Hidden Protagonists and the Challenge of Knowledge Transfer	European Planning Studies	2014	39	4,3333	2,7368
James F.Larson ^a JaeminPark ^b	From developmental to network state: Government restructuring and ICT-led innovation in Korea	Telecommunications Policy	2014	39	4,3333	2,7368
Ho KC.	The Neighbourhood in the Creative Economy: Policy, Practice and Place in Singapore.	Urban Studies	2009	38	2,7143	1,0082
Štefko, R., & Steffek, V.	Key issues in slow fashion: Current challenges and future perspectives	Sustainability	2018	37	7,4	6,2661
Ruth Bridgstock & Stuart Cunningham	Creative labour and graduate outcomes: implications for higher education and cultural policy	International Journal of Cultural Policy	2016	36	5,1429	3,8419
Peters MA.	Education, Creativity and the Economy of Passions: New Forms of Educational Capitalism	Thesis Eleven	2009	36	2,5714	0,9551
Seung RokPark, Doo YullChoi, PilkyHong	Club convergence and factors of digital divide across countries	Technological Forecasting and Social Change	2015	34	4,25	3,4618
Rae, D.	Action learning in new creative ventures	International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research	2012	34	3,0909	3,463
Hennekam, S. & Bennett, D.	Creative industries work across multiple contexts: common themes and challenges	Personnel Review	2017	32	5,3333	4,9778
Sandra Haukka	Education-to-work transitions of aspiring creatives	Cultural Trends	2011	32	2,6667	1,8963
Примечание – составлено авторами						

Результаты показывают, что *International Journal of Cultural Policy* и *Journal of Small Business and Enterprise Development* являются ведущими журналами в этой области. Самой цитируемой статьей в списке с 14,8 цитированиями в год стала статья «Looking for work in creative industries policy», опубликованная в *International Journal of Cultural Policy*. Несмотря на то, что статья была опубликована всего

12 лет назад, работа привлекла большое внимание исследователей, занимающихся этой темой. Обоснованием может быть то, что эта статья является одним из первых исследований в области образования и креативной экономики.

По общему количеству цитирований статья, занимающая второе место в приведенной выше таблице под названием «Entrepreneurial learning: a narrative-based conceptual model» (Rae, 2004). Всего было у неё 199 цитирований и 11,1 цитирований в год. Поскольку эта статья была опубликована раньше, времени на накопление цитирований было больше, чем у других работ, опубликованных позднее.

Обсуждение. Основная цель данной статьи состояла в том, чтобы провести обзор литературы, относящейся к изменениям в исследованиях связи образования и креативной экономики. Одновременно в настоящей работе были определены ведущие журналы, наиболее продуктивные авторы и наиболее значимые статьи по библиометрическим данным статей, точнее, среднегодовым показателям цитирования. В целом, 303 рецензируемых статей о взаимосвязи образования и креативной экономики были признаны уместными в базе данных Scopus с использованием полного списка ключевых слов. Кроме того, проведя тщательный SLR по теме взаимосвязи образования и креативной экономики, было возможно устранить существующие пробелы в текущей литературе в этой области.

Во-первых, исследование показало, что количество литературы о взаимосвязи креативной экономики и образования значительно выросло после выхода доклада ЮНКТАД о креативной экономике в 2013 году. После 2013 года публикации на эту тему достигли примерно 26 статьи в год, что может быть связано с растущим интересом к креативным индустриям. Во-вторых, это исследование показало, что *International Journal of Cultural Policy* является доминирующим журналом по количеству публикаций и по количеству цитируемости. Наиболее цитируемым автором является Rae D., который опубликовал за анализируемый период 3 публикации с общим количеством цитирований 317.

Настоящее исследование уникально во многих отношениях. Во-первых, количество статей, проанализированных в этом исследовании, составляет 303, что больше, чем во всех предыдущих обзорах литературы по теме связи образования и креативной экономики. Во-вторых, в процессе поиска использовался исчерпывающий список ключевых слов, выбранных на основе мнений экспертов и более ранней литературы. В-третьих, насколько известно авторам, это первый случай проведения обзора литературы на основе цитирования. В-четвертых, в этом исследовании были определены наиболее цитируемые авторы и ведущие журналы, чтобы определить важность изучения образования в креативной экономике для будущих исследователей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом исследование позволило добиться его целей и провести количественную оценку литературы в данной области. Стоит отметить, что есть несколько ограничений в исследовании, которые могут быть изучены в будущих работах. В данном исследовании использованы только цитирования из журналов, индексируемых в базе данных Scopus, но в качестве альтернативы можно использовать цитаты из Google Scholar или WoS для оценки надежности этих результатов. Использование цитирований в качестве меры качества можно рассматривать как дополнительное потенциальное ограничение. Однако можно утверждать, что общее цитирование также включает самоцитирование или совместное цитирование. Потому что совместное цитирование, а также сетевой анализ также недостаточно рассматриваются в обзоре литературы, что в будущем может быть пересмотрено. Аналогичным образом было бы полезно провести контент-анализ с использованием большей выборки релевантных статей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Howland J., Wright T., Boughan R., Roberts B. How Scholarly Is Google Scholar? A Comparison to Library Databases // *College & Research Libraries*. – 2009. – № 70. – P. 227–234. - DOI: <https://doi.org/10.5860/crl.70.3.227>.
2. Flew T., Cunningham S. Creative Industries After the First Decade of Debate // *The Information Society*. – 2010. – № 26. – DOI: <https://doi.org/10.1080/01972240903562753>.

3. Oliveira J. M. de Araujo B. C., Silva L. V. Panorama Da Economia Criativa No Brasil // Texto Para Discussão. – 2013. – № 1. – P. 54.
4. Nesta. Creativity Vs. Robots – 2015 [Электронный ресурс] // NESTA [web-сайт]. – 2015. – URL: https://media.nesta.org.uk/documents/creativity_vs_robots_wv.pdf (Дата обращения: 01.09.2022).
5. Davies D., Jindal-Snape D., Collier C., Digby R., Hay P., Howe A. Creative learning environments in education—A systematic literature review // *Thinking skills and creativity*. – 2013. – № 8. – P. 80-91.
6. Aguilera D., Ortiz-Revilla J. STEM vs. STEAM education and student creativity: A systematic literature review. *Education Sciences*. – 2021. – № 11(7). – P. 331.
7. Sharif R. The relations between acculturation and creativity and innovation in higher education: A systematic literature review // *Educational Research Review*. – 2019. – № 28. – 100287.
8. Ahmad N., Menegaki A. N., Al-Muharrami, S. Systematic literature review of tourism growth nexus: an overview of the literature and a content analysis of 100 most influential papers // *Journal of Economic Surveys*. – 2020. – № 34(5). – P. 1068–1110. – DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.1111/joes.12386>.
9. Falagas M., Pitsouni E., Malietzis G., Pappas G. Comparison of PubMed, Scopus, Web of Science, and Google Scholar: Strengths and weaknesses // *FASEB Journal : Official Publication of the Federation of American Societies for Experimental Biology*. – 2008. – № 22. – P. 338–342. – DOI: <https://doi.org/10.1096/fj.07-9492LSF>.
10. Andersen J. P., Nielsen M. W. Google Scholar and Web of Science: Examining gender differences in citation coverage across five scientific disciplines. // *Journal of Informetrics*. – 2018. – № 12(3). – P. 950–959. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joi.2018.07.010>.
11. Kulkarni A. V, Aziz B., Shams I., Busse J. W. Comparisons of citations in Web of Science, Scopus, and Google Scholar for articles published in general medical journals // *JAMA*. – 2009. – № 302(10). – P. 1092–1096. – DOI: <https://doi.org/10.1001/jama.2009.1307>.
12. Sainaghi R. The current state of academic research into peer-to-peer accommodation platforms // *International Journal of Hospitality Management*. – 2020. – № 89. – Article 102555. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2020.102555>.
13. Martín-Martín A., Orduña-Malea E., Harzing A. W., López-Cózar E. D. Can we use Google Scholar to identify highly-cited documents? // *Journal of informetrics*. – 2017. – № 11(1). – P. 152-163.
14. Corbet S., Lucey B., Urquhart A., Yarovaya L. Cryptocurrencies as a Financial Asset: A systematic analysis // *International Review of Financial Analysis*. – 2018. – № 62. – P. 182-199. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2018.09.003>.
15. Aria M., Cuccurullo C. bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis. // *Journal of Informetrics*. – 2017. – № 11(4). – P. 959-975. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joi.2017.08.007>.
16. Higgs P., Cunningham S. Creative industries mapping: Where have we come from and where are we going? // *Creative industries journal*. – 2008. – № 1(1). – P. 7-30.
17. De Beukelaer C. Creative industries in «developing» countries: Questioning country classifications in the UNCTAD creative economy reports // *Cultural Trends*. – 2014. – № 23(4). – P. 232-251.
18. Dalle Nogare C., Murzyn-Kupisz M. Do museums foster innovation through engagement with the cultural and creative industries? // *Journal of Cultural Economics*. – 2021. – № 45(4). – P. 671-704.
19. Banks M., Hesmondhalgh D. Looking for work in creative industries policy. *International journal of cultural policy*. – 2009. – № 15(4). – P. 415-430.
20. Betzler D., Loots E., Prokúpek M., Marques L., Grafenauer P. COVID-19 and the arts and cultural sectors: Investigating countries' contextual factors and early policy measures // *International journal of cultural policy*. – 2021. – № 27(6). – P. 796-814.
21. Alvarado R. U. Growth of Literature on Bradford's Law. // *Investigacion Bibliotecologica*. – 2016. – № 30(68). – P. 51–72. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ibbai.2016.06.003>.
22. Cobo M. J., López-Herrera A. G., Herrera-Viedma E., Herrera F. Science mapping software tools: Review, analysis, and cooperative study among tools // *Journal of the American Society for information Science and Technology*. – 2011. – № 62(7). – P. 1382-1402.

REFERENCES

1. Howland, J., Wright, T., Boughan, R. and Roberts, B. (2009). How Scholarly Is Google Scholar? A Comparison to Library Databases. *College & Research Libraries*, 70, 227–234. <https://doi.org/10.5860/crl.70.3.227>.
2. Flew, T. and Cunningham, S. (2010). Creative Industries After the First Decade of Debate. *The Information Society*, 26. <https://doi.org/10.1080/01972240903562753>
3. Oliveira, J. M. de, Araujo, B. C. and Silva, L. V. (2013). *Panorama Da Economia Criativa No Brasil. Texto Para Discussão*, 1, 54.
4. Nesta Creativity Vs. Robots 2015. (2015). Nesta. Retrieved September, 1, 2022, from https://media.nesta.org.uk/documents/creativity_vs._robots_wv.pdf.
5. Davies, D., Jindal-Snape, D., Collier, C., Digby, R., Hay, P. and Howe, A. (2013). Creative learning environments in education – A systematic literature review. *Thinking skills and creativity*, 8, 80-91.
6. Aguilera, D. and Ortiz-Revilla, J. (2021). STEM vs. STEAM education and student creativity: A systematic literature review. *Education Sciences*, 11(7), 331.
7. Sharif, R. (2019). The relations between acculturation and creativity and innovation in higher education: A systematic literature review. *Educational Research Review*, 28, 100287.
8. Ahmad, N., Menegaki, A. N. and Al-Muharrami, S. (2020). Systematic Literature Review Of Tourism Growth Nexus: An Overview Of The Literature And A Content Analysis Of 100 Most Influential Papers. *Journal of Economic Surveys*, 34(5), 1068-1110. <https://doi.org/https://doi.org/10.1111/joes.12386>.
9. Falagas, M., Pitsouni, E., Malietzis, G. and Pappas, G. (2008). Comparison of PubMed, Scopus, Web of Science, and Google Scholar: Strengths and weaknesses. *FASEB Journal : Official Publication of the Federation of American Societies for Experimental Biology*, 22, 338-342. <https://doi.org/10.1096/fj.07-9492LSF>.
10. Andersen, J. P. and Nielsen, M. W. (2018). Google Scholar and Web of Science: Examining gender differences in citation coverage across five scientific disciplines. *Journal of Informetrics*, 12(3), 950–959. <https://doi.org/10.1016/j.joi.2018.07.010>.
11. Kulkarni, A. V., Aziz, B., Shams, I. and Busse, J. W. (2009). Comparisons of citations in Web of Science, Scopus, and Google Scholar for articles published in general medical journals. *JAMA*, 302(10), 1092–1096. <https://doi.org/10.1001/jama.2009.1307>.
12. Sainaghi, R. (2020). The current state of academic research into peer-to-peer accommodation platforms. *International Journal of Hospitality Management*, 89, 102555. <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2020.102555>.
13. Martín-Martín, A., Orduña-Malea, E., Harzing, A. W. and López-Cózar, E. D. (2017). Can we use Google Scholar to identify highly-cited documents? *Journal of informetrics*, 11(1), 152-163.
14. Corbet, S., Lucey, B., Urquhart, A. and Yarovaya, L. (2018). Cryptocurrencies as a Financial Asset: A systematic analysis. *International Review of Financial Analysis*, 62, 182-199, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2018.09.003>.
15. Aria, M. and Cuccurullo, C. (2017). bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis. *Journal of Informetrics*, 11(4), 959–975. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joi.2017.08.007>.
16. Higgs, P. and Cunningham, S. (2008). Creative industries mapping: Where have we come from and where are we going? *Creative industries journal*, 1(1), 7-30.
17. De Beukelaer, C. (2014). Creative industries in «developing» countries: Questioning country classifications in the UNCTAD creative economy reports. *Cultural Trends*, 23(4), 232-251.
18. Dalle Nogare, C. and Murzyn-Kupisz, M. (2021). Do museums foster innovation through engagement with the cultural and creative industries? *Journal of Cultural Economics*, 45(4), 671-704.
19. Banks, M. and Hesmondhalgh, D. (2009). Looking for work in creative industries policy. *International journal of cultural policy*, 15(4), 415-430.
20. Betzler, D., Loots, E., Prokúpek, M., Marques, L. and Grafenauer, P. (2021). COVID-19 and the arts and cultural sectors: Investigating countries' contextual factors and early policy measures. *International journal of cultural policy*, 27(6), 796-814.

21. Alvarado, R. U. (2016). Growth of Literature on Bradford's Law. *Investigacion Bibliotecologica*, 30(68), 51-72. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ibbai.2016.06.003>.

22. Cobo, M. J., López-Herrera, A. G., Herrera-Viedma, E. and Herrera, F. (2011). Science mapping software tools: Review, analysis, and cooperative study among tools. *Journal of the American Society for information Science and Technology*, 62(7), 1382-1402.

EDUCATION AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF A CREATIVE ECONOMY: A SCIENTIFIC SYNTHESIS OF RESEARCH EVALUATION

A. Zhuparova^{1*}, A. Asilova¹, G. Isataeva²

¹Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the study. This study is devoted to the analysis and conduct of a systematic review of the literature on the relationship between education and the creative economy based on the citation of scientific papers in the international scientometric database. The aim of the study is to quantify the quality of the literature in the area under consideration by identifying the most relevant trends and gaps in the literature.

The research methodology was implemented through a literature review of scientific articles, for the following keywords: «education», «creative economy», «creative industries». The research methodology includes an analysis of the most influential authors, works and publications on the relationship between education and the creative industries. When identifying keywords, the analyzed database included 303 scientific articles of the Scopus database for 2001-2021, which were rated as the most relevant.

The originality of the study is confirmed and substantiated by a small number of scientific studies and articles that reveal the relationship between education and creative industries.

Research results. The results show that the International Journal of Cultural Policy is the leading journal in terms of publications and total citations. Rae D. is the most cited author (317 citations). The most cited paper in the research area is «Looking for work in creative industries policy» by Banks and Hesmondhalgh. The results of a systematic review can be used by other authors to conduct research in identified relevant areas.

Keywords: education, creative industries, bibliometric analysis, Scopus.

БІЛІМ ШЫҒАРМАШЫЛЫҚ ЭКОНОМИКАНЫ ДАМУ ФАКТОРЫ РЕТІНДЕ: ЗЕРТТЕУДІ БАҒАЛАУДЫҢ ҒЫЛЫМИ СИНТЕЗІ

A. C. Жупарова^{1*}, A. C. Асилова¹, Г. Б. Исатаева²

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік педагогикалық университеті,
Шымкент, Қазақстан Республикасы

АҢДАТПА

Зерттеу мақсаты. Бұл зерттеу халықаралық ғылыми өлшеу деректер базасында ғылыми еңбектерге сілтеме жасау негізінде білім беру мен креативті экономика арасындағы байланыс тақырыбындағы әдебиеттерге жүйелі шолу жасауға және талдауға арналған. Зерттеудің мақсаты – әдебиеттегі ең өзекті бағыттар мен кемшіліктерді анықтау арқылы зерттелініп отырған саладағы әдебиеттердің сапасын сандық бағалау.

Зерттеу әдістемесі келесі кілттік сөздер бойынша ғылыми мақалаларды әдеби шолу арқылы жүзеге асырылды: «education», «creative industries». Зерттеу әдіснамасы шығармашылық индустрияны

дамыту мәселелері бойынша ең беделді авторларды, жұмыстар мен басылымдарды талдауды қамтиды. Талданған базаға кілт сөздерді анықтау кезінде 2001-2021 жылдардағы Scopus деректер базасының ең өзекті деп бағаланған 303 ғылыми мақаласы кірді.

Зерттеудің бірегейлігі білім беру мен шығармашылық салалардың өзара байланысын ашатын ғылыми зерттеулер мен мақалалардың аз санымен расталады және негізделеді.

Зерттеу нәтижелері. Зерттеу нәтижелерінен «International Journal of Cultural Policy» журналы жарияланымдар саны мен дәйексөздердің жалпы саны бойынша жетекші журнал екендігі анықталды. Rae D. ең көп дәйексөздер алынатын автор (317 дәйексөз) екендігі және зерттеу саласындағы ең көп келтірілген мақала – Banks және Hesmondhalgh авторларының «Looking for work in creative industries policy» мақаласы. Жүйелі шолудың нәтижелерін басқа авторлар анықталған өзекті бағыттарда зерттеу жүргізу үшін қолдана алады.

Түйін сөздер: білім беру, креативті индустрия, библиометрикалық талдау, Scopus.

ОБ АВТОРАХ

Жупарова Азиза Сериковна – PhD, Ассоциированный профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: aziza.zhuparova@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-5787-760X*

Асилова Айжан Сарсеновна – кандидат экономических наук, и.о. доцента, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: aijan1910@mail.ru

Исатаева Гульжан Богенбаевна – кандидат экономических наук, старший преподаватель, Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, Шымкент, Республика Казахстан, e-mail: isataeva7@mail.ru

MPNТИ 06.51.77

JEL Classification: F510; F530; F550

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-2-93-105>

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

К. Б. Молдашев^{1*}, Г. Н. Махмеджанов²

¹Университет имени Сулеймана Демиреля, Каскелен, Республика Казахстан

²Central Asian Institute for Development Studies (CAIDS), Астана, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – критический анализ основных договоренностей в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и проблем их применения в условиях санкций, исследование влияния санкций на внешнюю торговлю Казахстана через призму стратегического торгового контроля (СТК), а также выработка рекомендаций по минимизации негативных последствий санкций для казахстанских предприятий.

Методология исследования – применяется анализ документов, включая договоренности и нормативно-правовую базу в рамках ЕАЭС, предыдущие исследования по теме, а также документацию по санкциям и позиций международных акторов. Анализ проводится по различным аспектам, включая международную торговлю товарами, техническое регулирование, миграцию, риски реэкспорта и проблемы логистики.

Оригинальность / ценность исследования. В научной литературе имеется множество исследований по влиянию международных санкций на отдельные страны, но не имеется исследований по косвенному влиянию санкций на партнеров подсанкционной страны, в рамках региональной организации с высокой степенью экономической интеграции.

Результаты исследования – Анализ показывает, что в условиях санкций, ЕАЭС не оправдывает ожидания Казахстана от этой региональной организации в плане экономических выгод, а также создаются риски для Казахстанских компаний, которые необходимо минимизировать с применением мер на государственном и внутрифирменном уровне.

Ключевые слова: санкции, ЕАЭС, стратегический торговый контроль, региональная интеграция, вторичные санкции.

Благодарность: Статья опубликована в рамках проекта, который реализуется за счет грантового финансирования 2022-2025 гг. Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан по теме ИРН АР14870610 «Влияние санкций в отношении России на Казахстан с учетом региональных интеграционных процессов».

ВВЕДЕНИЕ

Российско-украинский вооруженный конфликт, начавшийся с аннексии Крыма в 2014 году, привел к введению серии санкций со стороны Европейского Союза (ЕС), Соединенных Штатов Америки (США), и других стран (которые собирательно принято называть «коллективный Запад» или просто «Запад»), направленных против определенных секторов российской экономики и отдельных лиц. Санкции, введенные в 2014 и 2015 годах, были ограничены по масштабу и мало что сделали для предотвращения оказания поддержки сепаратистским режимам со стороны России. Так называемая «Специальная военная операция» России, которая привела к вводу войск и де-факто оккупации украинских территорий в феврале 2022 года, привела к более масштабным санкциям, включая традиционные санкции на торговлю товарами и услугами, а также адресные санкции в отношении физических лиц.

В контексте российско-украинского противостояния и антироссийских санкций Запада экономика Казахстана, как и всей Центральной Азии, сталкивается с серьезными вызовами, поскольку конфликтующие стороны используют экономическую взаимозависимость в качестве оружия против своих оппонентов.

Каким образом это влияет на экономику партнеров России в Центральной Азии (ЦА), в том числе Казахстана? Санкции формируются западными странами как в рамках существующих интеграционных организаций, так и на страновом уровне. К примеру, Европейский Союз вводит санкции, которые обязательны для всех членов ЕС. Другой исключительный кейс Швейцарии примечателен тем, что это конфедеративное государство впервые нарушило свой принцип нейтралитета, присоединившись к санкциям Запада. Характер взаимоотношений между развитым коллективным Западом, богатым технологиями, но нуждающимся в природных ресурсах, и развивающейся Центральной Азией, богатой природными ресурсами, но слабой в технологиях и социальных институтах, во многом объясняет контекст. Молодые независимые государства Центральной Азии хотят диверсифицировать свои поставки сырьевых ресурсов, в то же время требуя новые технологии в обмен на природные ресурсы. Однако западные развитые экономики, прежде чем передавать технологии, хотят быть уверены, что эти технологии не будут использованы не по назначению. Последнее особенно актуально в период горячей фазы вооруженного конфликта в Украине и подразумевает более тесные связи в области экономики и безопасности ЦА с коллективным Западом.

В отношении Республики Казахстан пока санкции не применялись, но в случае введения запрета на транзит через территорию России и ужесточения контроля за соблюдением санкционного режима, могут возникнуть трудности с импортом высокотехнологичных товаров и товаров двойного назначения, которые подпадают под режимы стратегического торгового контроля (СТК) (*В новом Законе Республики Казахстан «О контроле специфических товаров» от 28 декабря 2022 года № 172-VII ЗРК вместо СТК вводится понятие «Контроль специфических товаров».* Устоявшийся в английском языке-

ке термин «*Strategic Trade Control*» имеет более широкую смысловую формулировку. В данной статье используется дословный перевод английского термина на русский язык: «*Стратегический торговый контроль*»). Это также повлияет на логистические маршруты и другие косвенные последствия для ее экономики. Для казахстанских компаний важно избегать каких-либо рисков и использовать определенные маршруты и соблюдать правила по СТК в международных торговых операциях.

Кроме рисков попадания под вторичные санкции, развивающиеся события вокруг конфликта между Россией и Украиной ставят под вопрос перспективы дальнейшего участия Казахстана в ЕАЭС. Изначально, основными мотивами Казахстана в участии в ЕАЭС были использование транзитного потенциала Китай-Европа и привлечение иностранных инвестиций в индустриальное развитие с перспективой облегченного доступа к российскому рынку и рынку других стран партнеров [1]. Учитывая сложившиеся обстоятельства, включая изоляцию и спад экономики России и трудности с логистикой, Казахстан вряд ли достигнет ожидаемых целей в ближайшие годы, а может и десятилетия в зависимости от хода развития событий. По различным прогнозам, на 2023 год ожидается сокращение ВВП РФ от 0.3 % (МВФ) до 5.6 % (ОЭСР) и такая динамика может продлиться в долгосрочной перспективе [2]. Одним из самых существенных негативных факторов для развития Российской экономики будет ограниченный доступ к технологиям и эмиграция квалифицированных кадров, что безусловно скажется в долгосрочной перспективе.

Целью данной статьи является критический анализ основных договоренностей в рамках ЕАЭС и проблем их применения в условиях санкций, обсуждение влияния санкций на внешнюю торговлю Казахстана через призму СТК и вероятность вторичных санкций, а также выработка рекомендаций по минимизации негативных последствий санкций для казахстанских предприятий. Работа структурирована следующим образом: в следующей главе приводится краткий обзор литературы по влиянию санкций и методология исследования; далее приводится критический анализ договоренностей в рамках ЕАЭС и обсуждение влияния санкций; в заключении приводятся основные выводы.

Обзор литературы и методология исследования. Санкции, как инструмент влияния на политические решения, приобрели популярность после окончания холодной войны. Экономические санкции наиболее эффективны, если они вводятся на многосторонней основе международными институтами; вызывают значительные экономические издержки для подсанкционной экономики; направлены на союзников, а не на соперников; направлены на достижение умеренных политических целей, а не амбициозных, таких как смена режимов; и направлены на более демократические режимы [3]. Адресные санкции в отношении физических лиц или отдельных компаний менее эффективны, чем традиционные [3]. Однако традиционные и крупномасштабные санкции оказывают негативное влияние на системы здравоохранения и образования, тем самым наказывая не только небольшую группу людей, находящихся у власти, но и нанося ущерб большим слоям населения. Для того чтобы санкции были эффективными, они должны наносить большой экономический урон подсанкционной стране и необходимо участие международных институтов [4]. Согласно Varat et al. [4] санкции эффективны при следующих условиях, когда страны, вводящие санкции, предлагают пряники (стимулы); когда санкции не включают экспортные ограничения; когда цели менее амбициозны; и когда цель сильно зависит от торговли с отправителем.

Внутриполитические факторы и типы режимов также влияют на влияние санкций [5]. Санкции, нацеленные на демократии или персоналистские авторитарные режимы, работают лучше, чем санкции, нацеленные на военные или однопартийные авторитарные режимы. Авторитарные лидеры, опирающиеся на военных или сторонников в доминирующей партии, с меньшей вероятностью изменят курс политики из-за экономических санкций [6].

Растет также число исследований, посвященных последствиям санкций против России, введенных с 2014 года [5-10]. Опрос руководителей компаний в различных регионах России, проведенный в 2015 году, показал, что санкции оказали негативное влияние на бизнес-среду в целом, но не было региональных различий в их влиянии [7-12]. Западные санкции, введенные против России в 2014 году и в последующий период, включая адресные санкции в отношении физических лиц, ограничения на экспорт товаров военного назначения, имели незначительный эффект и были еще более подорваны огра-

ническим участием крупных экономик [10]. Они были бы более эффективными, если бы применялись раньше (например, в июле 2014 года) или при получении разведанных о передвижении российских войск на украинскую территорию и, если бы они были достаточно сильными, чтобы препятствовать дальнейшим действиям России [9].

В научной литературе по региональным организациям в основном рассматривается введение санкций внутри региона против члена организации для достижения определенных целей, чаще всего для продвижения демократических принципов [13; 14]. Региональные санкции широко обсуждаются в различных случаях, но не всегда осуществляются. Мандат региональных организаций по введению санкций увеличивается, но оспаривается [14].

В случае с санкциями, введенными против РФ, не идет речи о санкциях в рамках ЕАЭС, так Россия является самым крупным членом данной организации. В данной статье рассматривается влияние санкций на экономику Казахстана в контексте ЕАЭС. В качестве методологии применяется анализ документов, включая договоренности и нормативно-правовую базу в рамках ЕАЭС, предыдущие исследования по теме, а также документацию по санкциям и позиций международных акторов. Анализ проводится по различным аспектам, включая международную торговлю товарами, техническое регулирование, миграцию, риски реэкспорта и проблемы логистики.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Казахстан и ЕАЭС в условиях санкций.

Единый рынок и торговля товарами. В рамках соглашений был создан таможенный союз, подразумевающий единый таможенный тариф (ЕТТ ЕАЭС) при торговле с третьими странами. ЕТТ осложняет ведение самостоятельной внешнеторговой политики, что также влияет на индустриальное развитие и внутренние цены. До вступления в таможенный союз Казахстан вел более либеральную внешнеторговую политику, а после вступления произошло увеличение тарифов на импорт, а также Казахстан пошел по пути России в ведение нетарифных мер регулирования импорта. Например, автолюбителям пришлось столкнуться с введением утилизационного сбора, который в основном применяется для защиты автопрома в странах ЕАЭС.

На 1 мая этого года в Казахстане насчитывалось 40,4 тыс. зарубежных организаций, это на 49,4 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Из них малые предприятия – 39,9 тыс. (+50,8 %), средние – 329 (-6,2 %) и крупные – 243 (-8,6 %).

Больше всего в Казахстане компаний с российским участием - 17,9 тыс. (+ в два раза). С турецким – 3,8 тыс. (+13,7 %), узбекским – 2,4 тыс. (+48,2 %), кыргызским – 2,3 тыс. (+14,2 %), китайским – 1,9 тыс. (+30 %).

Чаще всего иностранцы выбирают для работы сферу торговли и ремонта авто, мотоциклов (15 тыс. компаний), строительство (3,6 тыс.) и профессиональную научную и техническую деятельность (3,4 тыс.) [15].

В условиях санкций, изоляции и возможном переходе России в режим военной экономики, другим странам-партнерам по ЕАЭС будет невыгодно следовать позиции РФ по внешнеторговой политике. Например, РФ уже не так выгодно повышать тарифы на импорт автомобилей ввиду остановки заводов компаний стран, поддерживающих санкционный режим. Возможно ситуация, что РФ будет настаивать на сохранении высоких тарифов на импорт автомобилей из «недружественных» стран и стремиться к введению более низких тарифов для автомобилей из Китая. При навязывании данной позиции, в Казахстане могут повыситься цены на импортные автомобили, кроме авто из Китая, которые также будут продаваться дороже ввиду отсутствия конкуренции, что значительно снизит выбор и негативно повлияет на соотношение цена-качество. В данном случае многое зависит от твердости позиции руководства страны и силы переговорной позиции Казахстана в ЕАЭС.

Надо признать, что в таможенный союз в рамках ЕАЭС, изначально не покрывал всю внешнюю торговлю стран ЕАЭС и существовали изъятия из ЕТТ. Изъятия из ЕТТ – это номенклатура товаров, по которым страны участники ЕАЭС не договорились внедрить единый тариф. Казахстан на 2022 год имеет около 4400 изъятий [16] из 19500 наименований, импортируемых страной или около 22.5 % от

общего количества наименований товаров. Это говорит о том, что у нас сильно различается внешне-торговая политика с некоторыми другими странами участниками ЕАЭС. При этом количество изъятий не снижается, а с учетом того, что Россия и Беларусь находятся под санкциями и будут перестраивать экономику в сторону импортозамещения, то скорее всего количество изъятий будет увеличиваться.

Технические регламенты и стандарты. В процессе дальнейшего углубления экономической интеграции в 2015 году страны ЕАЭС инициировали введение единых технических регламентов и стандартов ЕАЭС с целью обеспечения безопасности потребителей. Однако такого рода унификация может привести к повышению стоимости производства для казахстанских производителей из-за необходимости следовать требованиям, принятым на региональном уровне, например, с учетом климатических условий России. В некоторых случаях сильное лобби производителей из стран партнеров также может приводить к негативным последствиям для производителей Казахстана. В таких случаях очень важна связь между бизнесом и государственными органами, представляющими Казахстан в переговорных процессах. Несмотря на позитивные моменты, процесс создания единых технических регламентов и стандартов имеет свои проблемы, некоторые из которых перечислены выше.

С введением санкции против РФ, данный процесс осложняется тем, что российские производители уже должны работать в других условиях нежели производители стран партнеров по ЕАЭС. Например, ограниченный доступ РФ к технологиям, товарам двойного назначения и сервисам от высокоразвитых стран, наложивших санкций, потребует кардинального пересмотра многих технических регламентов, принятых до санкций. Одним из примеров служит снижение требований к безопасности автомобилей по инициативе российских автопроизводителей [17]. В целом такого рода инициативы могут возникать и в будущем со стороны РФ и вести к снижению стандартов в рамках ЕАЭС, что также может негативно сказаться на экспорте Казахстанской продукции в другие страны вне региона, а также могут возникнуть проблемы с безопасностью для потребителей.

Взаимное признание документов об образовании и условия труда. В рамках ЕАЭС имеется соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях [18]. Также, согласно договору ЕАЭС имеется возможность работы без получения разрешения и бесплатного обучения детей мигрантов в учреждениях школьного и дошкольного образования. Эти соглашения создают условия для свободного перемещения людей внутри регионального объединения и благоприятно влияют на трудовых мигрантов из стран участников ЕАЭС. Конечно, следует учитывать, что существуют исключения. Например, Соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях не распространяется на документы в таких важных сферах, как педагогика, юриспруденция, медицина и фармацевтика. Существуют различия в наименованиях и системах присуждения ученых степеней. Также не совсем урегулированы вопросы признания ученых званий [19].

Для стран участников ЕАЭС с высоким уровнем трудовой эмиграции в РФ, такого рода соглашения создавали более комфортные условия для мигрантов, что в свою очередь влекло к повышению притока денежных переводов в страны с нетто-оттоком. Но в ситуации ведения боевых действий на территории Украины, власти РФ не скрывают намерений по мобилизации мигрантов и открывают специальные пункты и обещают ускоренное получение гражданства. В такой же ситуации оказываются мигранты, недавно получившие российское гражданство [20]. Такое развитие событий значительно снижает привлекательность РФ для трудовой миграции и снижает ценность соглашений, достигнутых в рамках ЕАЭС.

Санкции и риски для казахстанских предприятий. Антироссийские отраслевые санкции оказывают негативное влияние на компании с международными экономическими интересами, которые сопряжены с транснациональными операциями и транзакциями. Ограничительные меры коллективного Запада для казахстанских предприятий условно можно разделить на санкции в отношении финансовых институтов и компаний, где акционерами являются определенный круг лиц из санкционного списка, и санкции в отношении определенных статей экспорта и импорта, в особенности товаров и услуг, а также технологий двойного назначения, которые могут применяться для производства оружия и другой продукции военного назначения.

В странах Запада функционирует довольно развитая нормативная правовая база, которая регулирует санкционные режимы, которая постоянно обновляется, особенно в последнее время [21]. Это касается непосредственно как списка физических и юридических лиц, в отношении которых действуют ограничения на их международные транзакции, так и перечня товаров и технологий, подлежащих режиму экспортного контроля. С целью предотвращения обхода существующего режима контроля, в том числе фактов несоблюдения санкционного режима и серых схем возможного обхода санкций, со стороны их инициаторов ведется постоянный мониторинг региональных инвестиций и торговых потоков. В этом смысле показателен кейс международного брокера Freedom Finance и его владельца, бизнесмена Тимура Турлова, которые попали под санкции Украины, несмотря на факт отказа бывшего российского миллиардера от гражданства РФ [22].

Казахстанские финансовые институты в первую очередь должны придерживаться основополагающих принципов соблюдения санкций. От этого во многом зависит насколько другие казахстанские предприятия, клиенты финансовых компаний, будут соблюдать санкционный режим в своей внешнеэкономической деятельности. Основой соблюдения санкций, как правило, является внутрифирменная система контроля (ВСК), составная часть корпоративного риск-менеджмента. ВСК должна охватывать широкий спектр возможных источников риска: юридические, экономические, политические, и т. д. Регулярно необходимо отслеживать тревожные сигналы, помогающие обнаружить уклонение от финансовых санкций, анализировать кейсы примеров уклонения от финансовых санкций, и т. д. В каждом финансовом учреждении должен быть свой внутренний регламент, определяющий алгоритм действий. Более того, финансовые институты должны поощрять своих клиентов, работающих в реальных отраслях экономики, внедрять подобные механизмы риск-менеджмента в своих компаниях.

Отраслевые санкции базируются на основополагающих принципах соблюдения требований экспортного контроля для товаров и технологий двойного назначения, где действующие санкции являются составным элементом. Тревожные сигналы обхода отраслевых санкций, включая экспортный контроль над товарами двойного назначения, вынуждают применять вторичные санкции в отношении нарушителей, как это делают США в случае с Ираном. На март 2023 года руководством ЕС, который является одним из основных торговых партнеров Казахстана, приняты десять пакетов санкций и уже обсуждается 11-й пакет санкций, где будут уже предусмотрены запрет на транзит грузов через территорию РФ, а также применение вторичных санкций в случае содействия обходу существующих антироссийских санкций [23]. Таким образом, характерные проблемы, связанные с реэкспортом и выбором логистических путей, будут все более актуальными.

Проблемы реэкспорта. С точки зрения предприятий санкции не только повышают политические риски, но и создают ряд возможностей для бизнеса. Склонность заработать на санкционных товарах порой сильно перевешивает мотивацию искать пути для минимизации рисков при ведении бизнеса в подсанкционных странах. У коммерческих предприятий существует множество тактических приемов обхода санкций через перенаправление товаров и роли различных участников в цепочке поставок (в том числе в транспортной отрасли и логистике).

После нескольких месяцев внедрения санкций, ЕС и США начали фокусироваться на вопросах комплаенса отечественных и зарубежных компаний в условиях риска применения вторичных санкций. Такие прецеденты уже были как в случае дела о сером реэкспорте зерна из России в Узбекистан через Казахстан [24], или применения санкций против узбекской компании Promcomplektlogistic [25]. Другой резонансный случай обхода антироссийских санкций был описан в совместном журналистском расследовании с «Важными историями», OCCRP и Der Spiegel о том, как устроены схемы поставок высокотехнологической продукции в Россию через «дружественные» компании, открытые россиянами в Китае, Казахстане, Кыргызстане, Армении [26].

Упомянутые кейсы показывают, что противоречие между санкциями ЕС и внутренним антимонопольным законодательством Республики Казахстан будет трактоваться Европейским Союзом односторонне в пользу первого. Также очевидно, что Россия все еще остается крупнейшим торговым партнером Казахстана и многие отечественные предприятия не имеют практически никакой стратегии выхода из токсичных рынков с минимальными потерями.

Проблемы логистики. Проблемы логистики можно рассмотреть на примере таких стратегических отраслей, как: нефтегазовый сектор и ядерная энергетика. В обоих случаях Казахстан, не имеющий выхода к морю, должен полагаться на маршруты поставок, контролируемые либо Российской Федерацией, либо Китайской Народной Республикой. Москва и Пекин часто используют эту зависимость, оправдывая свое присутствие в местном энергетическом секторе. Важным аспектом является то, что Казахстан является членом Содружества Независимых Государств (СНГ), а также образует вместе с Россией интеграционные организации, такие как: Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Евразийский таможенный союз (ЕАЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), где Россия претендует на доминирующую роль, и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), где Китай приобретает все большее значение.

Большую часть своих углеводородов Казахстан экспортирует западным партнерам через Каспийский трубопроводный консорциум (КТК), соединяющий казахские нефтяные месторождения американской ChevronTexaco и другие с российским черноморским портом Новороссийск, и в Китай – по трубопроводу Казахстан-Китай. Периодически возникающие пока недлительные перерывы в работе КТК, который обеспечивает 80 % казахстанского экспорта сырой нефти, каждый раз напоминают о серьезных рисках зависимости поставок от данного маршрута. Именно поэтому все более актуальным для Казахстана становятся альтернативные маршруты, такие как «Срединный коридор» и его часть, связывающая запад Казахстана через транскаспийский путь с европейскими рынками через Азербайджан, Грузию и Турцию. Однако такая инициатива требует значительных инвестиций в инфраструктуру и нескольких лет, прежде чем она сможет в значительной степени заменить маршрут КТК.

Экспорт ядерных энергетических ресурсов подпадает под международный экспортный контроль CBRN (химический, биологический, радиологический, ядерный) в отношении материалов двойного назначения и нематериальных технологий (часто называемый Стратегическим торговым контролем или STC) (В законодательстве Казахстана используется термин «контроль специфических товаров» согласно закону Республики Казахстан от 28 декабря 2022 года № 172-VII ЗРК «О контроле специфических товаров»). По данным Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), Казахстан обладает вторыми по величине доказанными запасами урана (969,2 тысяч тонн). Почти весь экспорт урановых руд Центральной Азии идет в Россию. Однако страны Центральной Азии пытаются развивать свой собственный потенциал в более высоких производственных цепочках ядерной энергетики. Правительства стран Центральной Азии в настоящее время выбирают партнера для строительства атомных электростанций (АЭС). Выбор между Россией, Китаем и Западом определит, к какой цепочке поставок должен присоединиться Казахстан.

Перспективы стратегических энергоресурсов должны постоянно подстраиваться под геополитические реалии, касающиеся международной торговли углеводородными и ядерно-энергетическими материалами, для основных заинтересованных сторон: Центральной Азии, коллективного Запада, России, и Китая. Таким образом, важно исследовать тему и определять оптимальную стратегию для Казахстана для обеспечения бесперебойных поставок энергоресурсов, как и других статей экспорта, из Центральной Азии на Запад в контексте существующих экономических санкций против России и продолжающихся интеграционных процессов, где названные интересанты являются ключевыми игроками. Такие исследования будут иметь большое практическое значение, поскольку действие санкций в отношении России может длиться достаточно долго. К тому же страны ЦА уже сейчас сталкиваются с рисками применения вторичных санкций. В этом контексте важно, чтобы аналитические материалы по данной теме содержали бы научно обоснованные стратегические рекомендации по минимизации риска применения санкций.

Обсуждение и заключение. Казахстан в лице первого президента Назарбаева был одним из инициаторов проекта Евразийской интеграции. Основным мотивом идеи создания Таможенного союза и ЕАЭС была потенциальная выгода для не имеющего выхода к морю Казахстана от региональной интеграции через возможность привлечения иностранных инвестиций, использования совместного транзитного потенциала, доступа к общему рынку ЕАЭС с более чем 180 миллионным населением.

Отсутствие таможенных ограничений от границы казахско-китайской границы до границ Беларуси и России с ЕС намного упрощала транзит грузов между Китаем в Европой с использованием железнодорожного сообщения и автомобильного транспорта. Свободное перемещение товаров и услуг, передвижение капитала внутри региона давали возможность привлечь иностранные инвестиции в производство товаров и услуг для их дальнейшей реализации на российском рынке и в других странах ЕАЭС. Рынок Казахстана с населением в 19 миллионов человек, конечно же, не давал такие возможности и не был столь привлекателен. Однако после начала российской военной кампании на международно-признанной территории Украины все эти перспективы, которые ожидал Казахстан от ЕАЭС, практически сошли на нет.

Основные негативные последствия для казахских предприятий связаны с разрывом сложившихся цепочек поставок, растущими ценами, и ограниченным доступом к технологиям. Потеря традиционных бизнес-партнеров вынуждает предприятия Казахстана искать в других странах вне ЕАЭС как новых поставщиков промежуточных товаров и материалов, так и новые рынки сбыта для своей конечной продукции, если она подпадает под антироссийские санкции. Ограничения по транзиту через воздушное пространство и территорию России, основного торгового партнера Казахстана по ЕАЭС, заставляют казахские компании использовать существующие альтернативные маршруты или разрабатывать новые в обход территории РФ. Последующее увеличение объемов транзита грузов через территорию Казахстана приводит к росту нагрузки на существующую транспортно-логистическую инфраструктуру, которая и без того нуждалась в расширении и модернизации. Ожидаемо, что текущие процессы ведут к более жесткой конкуренции на новых рынках как на национальном уровне, так и на уровне предприятий.

Существуют и определенные косвенные позитивные эффекты от антироссийских санкций. Ушедшие из РФ международные компании зачастую серьезно рассматривают перспективы возможной локализации в Казахстане. Принимая во внимание, что санкционный режим сохранится долгое время, у Казахстана есть возможность нарастить транспортно-логистическую инфраструктуру и достичь уровня высокой конкурентоспособности. Иными словами, Срединный коридор может стать привычным маршрутом на Евразийском пространстве, связывающим Китай и Европу. К примеру, казахстанские аэропорты имеют все возможности для достижения статуса хаба для грузовых авиакомпаний. В зависимости от темпа роста объемов грузовых перевозок в перспективе потребуется снижение стоимости на транспортно-логистические услуги, введение гибких скидок, дальнейшее развитие инфраструктуры, электронное фрахтования и др.

Вместе с тем активные боевые действия на Евразийском континенте приносят высокую неопределенность в социально-экономические процессы. В условиях, когда старая глобальная система безопасности рушится на глазах, а новая еще не сформировалась, невозможно выстраивать долгосрочные стратегические планы. Отсутствие стратегии в таких случаях принято регулярно подпитывать актуальной аналитикой. В этих условиях бизнес нуждается в путеводителе. Этим может стать разработка сценариев развития региональных и страновых трендов. Должен вестись постоянный анализ цепочек поставок и логистических маршрутов. В купе это может способствовать дальнейшей разработке и внедрению новых альтернативных маршрутов экспорта, что в конечном счете должно усилить переговорную позицию Казахстана.

Сценарии могут иметь специфические особенности для разных отраслей. В энергетической отрасли многое зависит от текущих трендов, научных достижений, и т. д. К примеру, углеводородные источники на сегодня занимают центральное место энергетическом балансе, но в среднесрочном будущем многие промышленно развитые страны переходят на альтернативные возобновляемые источники энергии. В то же время, несмотря на постоянную критику экологов по всему миру, атомная энергетика продолжает развиваться и увеличивать свой вклад в общий глобальный энергобаланс. В общественно-политическом пространстве Казахстана уже давно актуальна дискуссия о целесообразности строительства АЭС.

Весь мир сегодня наблюдает за Казахстаном и всей Центральной Азией. Это быстрорастущий рынок, с высоким ростом населения и хорошей динамикой развития бизнес активности, и региону необходимо

наращивать взаимоотношения с международными компаниями и снижать риски подпадания под санкций через пересмотр существующих региональных соглашений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kairat M. The political economy of Eurasian regionalism / Kairat Moldashev: phd. – University of Malaya, 2015. – 205 p.
2. Impact of sanctions on the Russian economy [Электронный ресурс] // European Council [website]. – 2023. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/impact-sanctions-russian-economy/> (Дата обращения: 15.03.2023).
3. Peksen D. When Do Imposed Economic Sanctions Work? A Critical Review of the Sanctions Effectiveness Literature // *Def. Peace Econ.* Routledge. – 2019. – № 30(6). – P. 635–647.
4. Bapat N. A. et al. Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data // *Int. Interact.* Routledge. – 2013. – № 39(1). – P. 79-98.
5. Allen S. H. The Determinants of Economic Sanctions Success and Failure // *Int. Interact.* Routledge. – 2005. – № 31(2). – P. 117-138.
6. Peksen D. Autocracies and Economic Sanctions: The Divergent Impact of Authoritarian Regime Type on Sanctions Success // *Def. Peace Econ.* Routledge. – 2019. – № 30(3). – P. 253-268.
7. Shida Y. Russian business under economic sanctions: is there evidence of regional heterogeneity? // *Post-Communist Econ.* Routledge. – 2020. – № 32(4). – P. 447–467.
8. Silva P. M., Selden Z. Economic interdependence and economic sanctions: a case study of European Union sanctions on Russia // *Camb. Rev. Int. Aff.* Routledge. – 2020. – № 33(2). – P. 229-251.
9. Christie E. H. The Design and Impact of Western Economic Sanctions against Russia // *RUSI J.* Routledge. – 2016. – № 161(3). – P. 52-64.
10. Davis C. M. The Ukraine conflict, economic–military power balances and economic sanctions // *Post-Communist Econ.* Routledge. – 2016. – № 28(2). – P. 167-198.
11. Ильдаровна Б. А., Рашитович А. Н. Влияние санкций на экономику России // *Russ. J. Econ. Law.* – 2015. – № 3(35). – С. 26-37.
12. Степановна П. Н., Олегович П. М. Санкции и их влияние на экономику России: 3–1 // *Большая Евразия Развитие Безопасность Сотрудничество. Россия, Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук», 2020. – № 3-1. – P. 214-219.*
13. Van Der Vleuten A., Hoffmann A. R. Explaining the Enforcement of Democracy by Regional Organizations: Comparing EU, Mercosur and SADC // *JCMS J. Common Mark. Stud.* – 2010. – № 48(3). – P. 737-758.
14. Hellquist E., Palestini S. Regional sanctions and the struggle for democracy: Introduction to the special issue // *Int. Polit. Sci. Rev.* – SAGE Publications Ltd, 2021. – № 42(4). – P. 437-450.
15. Шамсутдинова Ж. Распахнутая дверь: в Казахстане стало больше иностранных компаний. Инфографика // LS – информационное агентство – 2023. – URL: <https://lsm.kz/privlekatel-nyj-kazahstan-skol-ko-inostrannyh-kompanij-rabotaet-v-strane-infografika> (Дата обращения: 15.03.2023).
16. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2015 года № 59 «О перечне товаров, в отношении которых Республикой Казахстан в соответствии с обязательствами, принятыми в качестве условия присоединения к Всемирной торговой организации, применяются ставки ввозных таможенных пошлин, более низкие по сравнению со ставками пошлин Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, и размеров таких ставок пошлин» [Электронный ресурс] // Адилет [website]. – 2015. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H15EV000059> (Дата обращения: 15.03.2023).
17. Авто без ABS, подушек безопасности и кнопки SOS разрешили выпускать в Казахстане [Электронный ресурс] // Forbes.Kz [website]. – 2022. – URL: https://forbes.kz/auto/avtomobili_bez_abs_podushek_bezопасnosti_i_knopki_sos_razreshili_vyipuskat_v_kazahstane/ (Дата обращения: 15.03.2023).

18. Коньсхановна Ж. М. Анализ свободного осуществления трудовой деятельности в ЕАЭС // Вестник Института Законодательства И Правовой Информации Республики Казахстан. – Нур-Султан: РГП на ПХВ «Институт законодательства и правовой информации РК», 2020. – № 2(60). – Р. 228-235.
19. Постановление Правительства Республики Казахстан от 11 февраля 2013 года № 114 «О подписании Соглашения о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях в Евразийском экономическом сообществе» [Электронный ресурс] // Әділет [website]. – 2013. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000114#z7> (Дата обращения: 15.03.2023).
20. Как мигрантов из Центральной Азии в России пытаются отправить на войну [Электронный ресурс] // Cabar.Asia [website]. – 2022. – URL: https://longreads.cabar.asia/mobilization_ru (Дата обращения: 15.03.2023).
21. Jankowitsch-Prevor O. Controlling the Trade of Strategic Goods – Sanctions and Penalties. – European Studies Unit, Liège, Belgium, 2016. – 323 p.
22. Freedom Finance и миллиардер Турлов попали под санкции – заблокировано 3,5 млрд гривен [Электронный ресурс] // Kaztag.kz [website]. – 2022. – URL: <https://kaztag.kz/ru/news/freedom-finance-i-milliarder-turlov-popali-pod-sanktsii-zablokirovano-3-5-mlrd-griven> (Дата обращения: 15.03.2023).
23. Timeline – EU restrictive measures against Russia over Ukraine [Электронный ресурс] // European Council [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/history-restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/> (Дата обращения: 15.03.2023).
24. Дело о «сером» реэкспорте зерна из России в Узбекистан через Казахстан расследуют в Костанае [Электронный ресурс] // Kaztag.kz [website]. – 2023. – URL: <https://kaztag.kz/ru/news/delo-o-serom-reeksporte-zerna-iz-rossii-v-uzbekistan-cherez-kazakhstan-rassleduyut-v-kostanae> (Дата обращения: 15.03.2023).
25. Putz C. Uzbek Company Falls Afoul of Russia Sanctions [Электронный ресурс] // Diplomat [website]. – 2022. – URL: <https://thediplomat.com/2022/06/uzbek-company-falls-afoul-of-russia-sanctions/> (Дата обращения: 15.03.2023).
26. Сломать санкции. Как беспилотники и чипы идут в Россию через Казахстан [Электронный ресурс] // Аналитический интернет-журнал Власть [website]. – 2023. – URL: <https://vlast.kz/obsshestvo/55186-sломat-sankcii-kak-bespilotniki-i-cipy-idut-v-rossiu-cerez-kazahstan.html> (Дата обращения: 15.03.2023).

REFERENCES

1. Kairat, M. (2015). The political economy of Eurasian regionalism. University of Malaya, 205 p.
2. Impact of sanctions on the Russian economy. (2023). Website of the European Council. Retrieved March 15, 2023, from <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/impact-sanctions-russian-economy/>.
3. Peksen, D. (2019). When Do Imposed Economic Sanctions Work? A Critical Review of the Sanctions Effectiveness Literature. *Def. Peace Econ. Routledge*, 30(6), 635-647.
4. Bapat, N. A. et al. (2013). Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data. *Int. Interact. Routledge*, 39(1), 79-98.
5. Allen, S. H. (2005). The Determinants of Economic Sanctions Success and Failure. *Int. Interact. Routledge*, 31(2), 117-138.
6. Peksen, D. (2019). Autocracies and Economic Sanctions: The Divergent Impact of Authoritarian Regime Type on Sanctions Success. *Def. Peace Econ. Routledge*, 30(3), 253-268.
7. Shida, Y. (2020). Russian business under economic sanctions: is there evidence of regional heterogeneity? *Post-Communist Econ. Routledge*, 32(4), 447-467.
8. Silva, P. M. and Selden, Z. (2020). Economic interdependence and economic sanctions: a case study of European Union sanctions on Russia. *Camb. Rev. Int. Aff. Routledge*, 33(2), 229-251.
9. Christie, E. H. (2016). The Design and Impact of Western Economic Sanctions against Russia. *RUSI J. Routledge*, 161(3), 52-64.
10. Davis, C. M. (2016). The Ukraine conflict, economic–military power balances and economic sanctions. *Post-Communist Econ. Routledge*, 28(2), 167-198.
11. Il'darovna, B. A. and Rashitovich, A. N. (2015). Vliyanie sankcij na ekonomiku Rossii. *Russ. J. Econ. Law*, 3(35), 26-37.

12. Stepanovna, P. N. and Olegovich, P. M. (2020). Sankcii i ih vliyanie na ekonomiku Rossii. Bol'shaya Evraziya Razvitie Bezopasnost' Sotrudnichestvo. Rossiya, Moskva: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie nauki «Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam Rossijskoj akademii nauk», 3-1, 214-219.
13. Van Der Vleuten, A. and Hoffmann, A. R. (2010). Explaining the Enforcement of Democracy by Regional Organizations: Comparing EU, Mercosur and SADC. *JCMS J. Common Mark. Stud.*, 48(3), 737-758.
14. Hellquist, E. and Palestini, S. (2021). Regional sanctions and the struggle for democracy: Introduction to the special issue. *Int. Polit. Sci. Rev.*, SAGE Publications Ltd, 42(4), 437-450.
15. Shamsutdinova, Zh. (2023). Raspahnutaya dver': v Kazahstane stalo bol'she inostrannykh kompanij. Infografika. LS – information agency. Retrieved March 15, 2023, from <https://lsm.kz/privlekatel-nyj-kazahstan-skol-ko-inostrannykh-kompanij-rabotaet-v-strane-infografika> (In Russian).
16. Reshenie Soveta Evrazijskoj ekonomicheskoy komissii ot 14 oktyabrya 2015 goda № 59 «O perechne tovarov, v otnoshenii kotorykh Respublikoj Kazahstan v sootvetstvi s obyazatel'stvami, prinyatyimi v kachestve usloviya prisoedineniya k Vsemirnoj torgovoj organizacii, primenyayutsya stavki vvoznykh tamozhennykh poshlin, bolee nizkie po sravneniyu so stavkami poshlin Edinogo tamozhennogo tarifa Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza, i razmerov takih stavok poshlin». (2015). Adilet. Retrieved March 15, 2023, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H15EV000059> (In Russian).
17. Avto bez ABS, podushek bezopasnosti i knopki SOS razreshili vypuskat' v Kazahstane. (2022). Forbes. Kz. Retrieved March 15, 2023, from https://forbes.kz/auto/avtomobili_bez_abs_podushek_bezopasnosti_i_knopki_sos_razreshili_vyipuskat_v_kazahstane/ (In Russian).
18. Konyskhanovna, Zh. M. (2020). Analiz svobodnogo osushchestvleniya trudovoj deyatel'nosti v EAES. *Vestnik Instituta Zakonodatel'stva I Pravovoj Informacii Respubliki Kazahstan*, 2(60), 228-235.
19. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 11 fevralya 2013 goda № 114 «O podpisanii Soglasheniya o vzaimnom priznanii i ekvivalentnosti dokumentov ob obrazovanii, uchenykh stepenyah i uchenykh zvaniyakh v Evrazijskom ekonomicheskom soobshchestve». (2013). Adilet. Retrieved March 15, 2023, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000114#z7> (In Russian).
20. Kak migrantov iz Central'noj Azii v Rossii pytayutsya otpravit' na vojnu. (2022). Cabar.Asia. Retrieved March 15, 2023, from https://longreads.cabar.asia/mobilization_ru (In Russian).
21. Jankowitsch-Prevor, O. (2016). Controlling the Trade of Strategic Goods – Sanctions and Penalties. *European Studies Unit, Liège, Belgium*, 323 p.
22. Freedom Finance i milliarder Turlov popali pod sankcii – zablockirovano 3,5 mlrd griven. (2022). Kaztag.kz. Retrieved March 15, 2023, from <https://kaztag.kz/ru/news/freedom-finance-i-milliarder-turlov-popali-pod-sanktsii-zablokirovano-3-5-mlrd-griven> (In Russian).
23. Timeline – EU restrictive measures against Russia over Ukraine. (2023). European Council. Retrieved March 15, 2023, from <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/history-restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/>.
24. Delo o «serom» reeksporte zerna iz Rossii v Uzbekistan cherez Kazahstan rassleduyut v Kostanae. (2023). Kaztag.kz. Retrieved March 15, 2023, from <https://kaztag.kz/ru/news/delo-o-serom-reeksporte-zerna-iz-rossii-v-uzbekistan-cherez-kazahstan-rassleduyut-v-kostanae> (In Russian).
25. Putz, C. (2022). Uzbek Company Falls Afoul of Russia Sanctions. *Diplomat*. Retrieved March 15, 2023, from <https://thediplomat.com/2022/06/uzbek-company-falls-afoul-of-russia-sanctions/>.
26. Slomat' sankcii. Kak bespilotniki i chipy idut v Rossiyu cherez Kazahstan. (2023). Vlast. Retrieved March 15, 2023, from <https://vlast.kz/obsshestvo/55186-slomat-sankcii-kak-bespilotniki-i-cipy-idut-v-rossiu-cerez-kazahstan.html> (In Russian).

RETHINKING THE ROLE OF THE EURASIAN ECONOMIC
UNION IN THE CONDITIONS OF SANCTIONS

K. B. Moldashev^{1*}, G. N. Makhmejanov²

¹Suleyman Demirel University, Kaskelen, Republic of Kazakhstan

²Central Asian Institute for Development Studies (CAIDS), Astana, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the research is to critically analyze the main agreements within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the problems of their application under sanctions, to study the impact of sanctions on Kazakhstan's foreign trade through the prism of strategic trade control (STC), as well as to develop recommendations on minimizing the negative consequences of sanctions for Kazakhstani enterprises.

Research methodology – the analysis of documents is applied, including agreements and the regulatory framework within the EAEU, previous research on the topic, as well as documentation on sanctions and positions of international actors. The analysis is carried out on various aspects, including international trade in goods, technical regulation, migration, re-export risks and logistics problems.

Originality / value of the research. There are many studies in the scientific literature on the impact of international sanctions on individual countries, but there are no studies on the indirect impact of sanctions on the partners of a sub-sanctioned country, within a regional organization with a high degree of economic integration.

Findings. Analysis shows that under the conditions of sanctions, the EAEU does not meet Kazakhstan's expectations from this regional organization in terms of economic benefits, and risks are created for Kazakhstani companies that need to be minimized with the use of measures at the state and intra-company level.

Keywords: sanctions, EAEU, strategic trade control, regional integration, secondary sanctions.

Acknowledgments: The article was published as part of a project that is being implemented through grant funding for 2022-2025 of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan on the topic Grant No. AP14870610 «The impact of sanctions against Russia on Kazakhstan, taking into account regional integration processes».

САНКЦИЯЛАР ЖАҒДАЙЫНДА ЕУРАЗИЯЛЫҚ ЭКОНОМИКАЛЫҚ
ОДАҚТЫҢ РӨЛІН ҚАЙТА ҚАРАУ

К. Б. Молдашев^{1*}, Г. Н. Махмеджанов²

¹Сүлейман Демирел атындағы университет, Қаскелең, Қазақстан Республикасы

²Central Asian Institute for Development Studies (CAIDS), Астана, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты – Еуразиялық экономикалық одақ (ЕАЭО) шеңберіндегі негізгі уағдаластықтарды және оларды Санкциялар жағдайында қолдану проблемаларын сыни талдау, стратегиялық сауда бақылауы (ССБ) призмасы арқылы Қазақстанның сыртқы саудасына санкциялардың әсерін зерттеу, сондай-ақ қазақстандық кәсіпорындар үшін санкциялардың теріс салдарын барынша азайту жөнінде ұсынымдар әзірлеу.

Әдіснамасы – ЕАЭО шеңберіндегі уағдаластықтар мен нормативтік-құқықтық базаны, тақырып бойынша алдыңғы зерттеулерді, сондай-ақ халықаралық актерлердің санкциялары мен ұстанымдары бойынша құжаттаманы қоса алғанда, құжаттарды талдау қолданылады. Талдау халықаралық тауар сау-

дасы, Техникалық реттеу, көші-қон, кері экспорт тәуекелдері және логистика мәселелерін қоса алғанда, әртүрлі аспектілер бойынша жүргізіледі.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Ғылыми әдебиеттерде халықаралық санкциялардың жекелеген елдерге әсері туралы көптеген зерттеулер бар, бірақ экономикалық интеграцияның жоғары дәрежесі бар аймақтық ұйым шеңберінде санкциялардың санкцияларға тәуелді елдің серіктестеріне жанама әсері туралы зерттеулер жоқ.

Зерттеу нәтижелері. Талдау көрсеткендей, Санкциялар жағдайында ЕАЭО Қазақстанның осы өңірлік ұйымнан экономикалық пайда тұрғысынан күткенін ақтамайды, сондай-ақ қазақстандық компаниялар үшін мемлекеттік және Фирмаішілік деңгейде шараларды қолдана отырып барынша азайтылуы қажет тәуекелдер құрылады.

Түйін сөздер: санкциялар, ЕАЭО, стратегиялық сауда бақылауы, өңірлік интеграция, қайталама санкциялар.

Алғыс: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитетінің 2022-2025 жж. гранттық қаржыландыру есебінен іске асырылатын ЖТН: AP14870610 «Аймақтық интеграциялық процестерді ескере отырып, Ресейге қарсы санкциялардың Қазақстанға әсері» тақырыбы бойынша жоба шеңберінде жарияланды.

ОБ АВТОРАХ

Молдашев Кайрат Булатович – PhD, проректор, Университет имени Сулеймана Демиреля, Каскелен, Республика Казахстан, email: kairat.moldashev@narxoz.kz*

Махмеджанов Галым Набибуллаевич – PhD, научный директор, Central Asian Institute for Development Studies (CAIDS), Астана, Республика Казахстан, email: galym.makhmejanov@caids.kz.

MPHTI 06.52.13

JEL Classification: O43

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-2-105-117>

IMPACT OF ESG ON THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF BUSINESS

N. T. Adambekov¹, Zh. A. Adambekova², A. Filipowska^{3*}

¹International IT University, Almaty, The Republic of Kazakhstan

²Caspian University, Almaty, The Republic of Kazakhstan

³Poznań University of Economics and Business, Poznan, Republic of Poland

ABSTRACT

Purpose. The main goal in initiating this study was to explore the impact and exposure of these factors, through a review of significant research works by leading world scientists in this field.

Methodology. To conduct the study, there was used a scientometric methodology with a selection of the most cited studies in the ESG field in Science Direct, Scopus, and Web of Science databases, which provided the information basis for the research. General scientific methods (synthesis, induction, grouping) formed the basis of the research methodology carried out in the format of a literature review.

Originality / value of the research. The value of the research results is determined by the formulation of key research areas on ESG issues in the context of the application in the investment analysis methodology.

In particular, questions were raised about the importance of ESG principles in evaluating companies for their investment attractiveness.

Findings. As a result of the study, there were established groups of scientific research areas concerning the ESG impact on the development of corporate governance and assessment of companies' investment attractiveness. These recommendations are addressed both to analysts when developing reports for investors to make investment decisions, and to the companies themselves, which will be able to adjust their actions in achieving sustainable development goals, understanding the significance of the non-financial information they provide in investment analysis.

Keywords: ESG principles, corporate governance, investment analysis, non-financial indicators.

INTRODUCTION

The relevance of research. The development of modern business, its technologies, and tools take place at the same time with global changes not only in society but also in the environment. The deteriorating state of the environment, global warming, the growing economic gap between rich and poor countries are only part of the processes that caused the emergence and development of new tools and criteria for assessing both business and the level of government. While active geopolitical processes in the world community take place, the issue of socially responsible business, both in relation to the external and internal environment, is becoming increasingly relevant. The issue is not only the goal of preserving the planet for tomorrow's generations but also to solve the problem of the balanced use of natural and other resources, to solve the problem of income inequality, that could be caused by the different nature of the added value created by business entities.

Literature review. Due to the purpose of the study, and its significance, taking into account the lack of research on this issue by local scientists and researchers, mainly there were considered the works of such foreign authors as: T. Heiko, K. B. Rasmussen, A. Al-Hiyari, M. Alda, L. H. Pedersen, S. Fitzgibbons, L. Pomorski, X. Yuan, Zh. Li, J. Xu, L. Shang, M. H. Shakil, and others.

Key points. In the context of an unstable geopolitical situation, global climate change, a significant part of the stakeholders rethinks the impact of business on the world and society. The management of modern businesses reflects new trends in corporate governance, aimed at taking into account the cultural and national characteristics of the company's employees and consumers, and the population of the country in whose territory business activities are carried out. The variability of the environment, the social sphere, and the economy determine mutual changes and increasing levels of dependence and degree of impact on the business.

MAIN BODY

Applied research methods. In the process of making a managerial decision, the results of not only the analysis of financial and economic indicators are taken into account, but also the desire of business to meet the expectations of society in terms of environmental protection and saving natural resources, building tolerant social relations between people. A new approach to assessing and perceiving environmental issues, social aspects of interaction, and corporate management practices contribute to the emergence of new risks associated with ESG factors. This research is based on studying relevant current work on the stated problem and developing new approaches to its further study using system analysis and induction. ESG installation trends have their own specifics, both depending on the national mentality of the business and on the profile of the business itself. Along with it, the features of the influence of the external macro environment on the business and the size of the business itself also determine the specifics of the use of ESG. All these characteristics are reflected in the research of modern scientists. The study on the subject of significant conclusions for our study, reflected in the studied works, made it possible to emphasize the scientific prospects of the topic we are studying.

Achievement of the research goal. The ongoing studies in the works of Thimm, Heiko and Rasmussen, Karsten Boye are devoted to measuring the degree of environmental information disclosure on the websites of the world's largest companies from different points of view, studying the determinants of information disclosure, and clarifying the correlation of this information to a variety of environmental performance ratings. The data from the websites of companies, annual reports on sustainable development, financial indicators, and environmental assessments in the CDP Rating and Refinitiv ESG Scores [1] served as a base for their research.

In particular, researchers note different levels of reporting integration, different levels of data relevance by country, and different approaches to the degree of information disclosure. The study is based on data from over 340 manufacturing companies in China, Europe, Japan and the United States. The main tasks and research tools were: measuring the degree of environmental disclosure on their websites from different perspectives. The researchers tried to determine what influences the reasons for disclosure and the correlation between disclosure and environmental performance ratings. The database used by the scientists consisted of more than 80 items of website observations, including information on annual sustainability reports, financial performance and environmental scores in the CDP Rating and Refinitiv ESG Scores. The researchers noted a low level of information disclosure on websites in all regions and some differences in the degree of information disclosure. The lowest disclosure rate was observed on the Chinese websites. The best results were provided by European, Japanese and American companies. Based on the reports review, the researchers found that almost thirty percents of Chinese companies and more than fifty percents of European, Japanese and American companies provide up-to-date reports. They also found that integrated reporting is less used in the US, especially compared to European and Japanese companies. At the same time analysts show that among Refinitiv ESG metrics and one of the disclosure metrics used there is a weak or moderate correlation. Following correlation analysis provided no indication that a company's existence term and financial results should be taken into account as key determinants of environmental information disclosures on a website.

The Sustainable Development Goals (SDGs) [2] declared by the UN have now become widespread not only at the macro level of developed and developing economies but also at the business level, which includes environmental and social management measures in their information disclosure systems and sustainable management practices almost everywhere. With the onset of the Covid-19 pandemic, institutional investors are shifting their focus from making a profit to sustainable and ethical investing, ensuring a transition to responsible investing. This study is interesting for us because the authors are studying the issues of using ESG in making investment decisions [3]. They argued that firms that disclose ESG performance will, in most cases, outperform others by reducing risk and increasing cost efficiency. The research methodology is based on an approach to assess the relationship between ESG information disclosure and corporate financial performance (CFP) in the presence of sustainable value chains and foreign ownership in the company's asset structure.

The accumulated results of various scientific research in the field of ESG application, the impact of business's social responsibility on the development of labor resources, the impact of the business environment on the sustainable development of territories, the formation of an investment environment on the principles of socially responsible investment and the development of business networking for the purposes of balanced development of regions – all of that contributed to the formation of scientific approaches to the implementation of this study. At the same time, the level of corporate governance largely determines both the development potential of the company itself and its participation in regional development. As part of this study, we studied the publication of researchers from South Africa Al-Hiyari, Ahmad et al. [4]. The relevance of the study is determined by the fact that it raises problems, the sources of which are insufficient attention to the implementation of ESG principles in company management. The authors noted that corporations are involved in disputes due to violations, unhealthy competition, negligent behavior, and scandals that lead to huge financial and non-financial losses. At the same time, the emphasis is on studying the relationship between ESG effectiveness and corporate contradictions, as well as on the moderating effect of an ESG-competent board of directors on this relationship in relation to state-owned companies in South Africa. The study was conducted on the basis of data on almost 1000 ESG criteria from the Thomson Reuters Eikon database, for companies listed on the Johannesburg Stock Exchange (JSE) for the period 2010-2019. The scientists found that ESG performance practices are positively and significantly associated with corporate disputes. Researchers point to the presence of a risk that managers may use ESG practices as a «money laundering mechanism». This, in turn, fuels corporate conflicts rather than mitigating them. Readers' attention is drawn to the suggestion that having members with special ESG-related skills on boards of directors might dampen managers' attempts to opportunistically implement ESG practices, thereby reducing corporate disputes. In addition, our attention has been drawn to the fact that ESG is sometimes seen as a shield that managers use to cover up «irresponsible activity» in the ESG area. The study is about when top management wishful thinking and thereby arise corporate disagreements.

The author, Mercedes Alda, in her work, raises the question of whether the process of convergence of socially responsible investments (SRI) with the practice of portfolio investment is taking place and whether SRI funds retain their ethical essence [5]. In this study, based on the assessment of ESG stocks in the portfolios of SRI funds, the researchers assessed the ESG rating of companies in the list of traditional British and SRI pension funds. At the same time, they took into account investments in dubious (socially sensitive) firms (for example, those associated with tobacco, alcohol or gambling, and similar industries). The authors found that traditional funds tend to evaluate and acquire companies in which they invest SRI funds in order to integrate ESG criteria. This work is attractive for our project in terms of identifying the importance of ESG principles as guiding principles in investment analysis.

Another group of researchers proposed a theory in which the ESG assessment of each company's performance performs two tasks: (1) provides information about the company's fundamental performance indicators and (2) affects the preferences of investors [6]. The solving the problem of the investor's portfolio is determined by an ESG efficiency limits reflecting the highest achievable Sharpe ratio for each level of ESG. The respective portfolios are to be divided into four funds. Equilibrium asset prices are determined using an ESG-adjusted capital asset pricing model that shows when ESG increases or decreases expected returns. The conclusions presented in the article are applicable within the framework of our research in the format of taking into account the influence of behavioral expectations on the ranking criteria of both companies themselves and their potential investors.

A study by Chinese scientists examines the impact of ESG disclosure on financial misconduct in Chinese listed companies and tests the deterrent role of the intensity of internal and external oversight [7]. The researchers indexed the degree of ESG disclosure rather than the effectiveness of corporate social responsibility in terms of non-financial information disclosure. The significance of this study's results is determined by the fact that authors argue that ESG disclosure reduces the risks of corporate financial misconduct and helps mitigate information asymmetries. Along with it, the paper shows that under more favorable conditions of internal and external supervision, the deterrent effect of ESG disclosure in relation to financial misconduct is much stronger than under poor supervision conditions. This study expands the scope of scientific research on the effects of ESG. At the same time, we find the authors' choice of research subject interesting. In particular, the paper examines the impact of formal regulatory systems based on the use of regional market indices and the legal environment. Along with this, the researchers, using pilot low-carbon city policies as an exogenous regulatory impact, have argued that a better formal regulatory environment contributes to a deterrent effect. Within our study, the recommendation for an "accounting channel" is applicable, showing that disclosure of ESG can reduce opacity and increase the transparency of information to limit financial misconduct. This research reflects positive effects of ESG disclosure and the associated improvements in internal control, public oversight, and practical government regulation, suggesting that ESG disclosure complements efforts to crack down on financial misconduct. The authors were able to systematically analyze as well as the very application of ESG principles in business management, so their impact on improving this management and dependence on external factors.

Growing public and political attention to sustainability at the global level is forcing companies to improve their ESG performance to meet relevant stakeholder needs and ensure sustainable business success. A study performed by Spanish scientists on a sample of data from 4292 companies from Europe, East Asia, and North America presents conclusions about the impact of quality management systems (QMSs) and environmental management systems (EMSs) on the level of business management [8]. Their main idea is based on the fact that these systems serve as key business tools to achieve effective ESG applicability. Using descriptive and cluster analysis, the authors found that firms with QMSs and/or EMSs achieve statistically significantly higher ESG scores than firms without such management systems (MSs). In addition, their study noted that the simultaneous use of both types of MSs further improves environmental and social performance. At the same time, the management aspect is only affected by the implementation of EMSs. This approach, according to the authors, is innovative and allows expanding the scope of academic research. Especially interesting, in our opinion, is the research methodology based on stakeholder theory, which demonstrates to managers how the introduction of MSs can help to successfully transform stakeholders' concerns in sustainable devel-

opment into effective business practice. Significant and useful, in our opinion, are the recommendations of the authors to decision-makers regarding the strengths and weaknesses of QMS and EMS to solve specific ESG problems. The paper also shows how corporate sustainability (CSP) can be improved by facilitating the adoption of MS, thus emphasizing the importance of supporting and facilitating the dissemination of these systems.

A study by Greek scientists (C. Zopounidis, A. Garefalakis, C. Lemonakis, I. Passas) reveals the role of companies' public information quality in retaining investors and attracting new ones. This study indicates the influence of ESG on the disclosure of information about the non-financial side of the company's activities, which is an additional component in investment analysis, and indicates the need to reflect these trends in its methodology [9]. The researchers were guided by the application of the MCDA (multiple-criteria decision analysis) methodology «Assistance in making decisions on multiple criteria» using the PROMETHEE II method to formulate an alternative cumulative approach to the quality of ESG. At the same time, a comparison was made from industry and regional points of view in different periods of verification before and after the introduction of IFRS in order to ensure more complete disclosure of corporate information. The significance of this work for our study lies in the applied methodology, indicating the possibility of mitigating the risks of manipulating business information methods. This is achieved by combining the MCDA method with the ESG system, which allows the combination of qualitative and quantitative criteria in the evaluation of companies. At the same time, the significance of the study lies in the application of such an approach as taking into account the time period for the information presented, and regional and sectoral aspects.

Interesting, in our opinion, is a study by the World Bank's scientists, dedicated to assessing the experience of implementing the concept of CSV (Creation of Shared Value), which develops the principles of corporate social responsibility. The paper presents a case study of the multinational company Yuhan-Kimberly, which developed and implemented its CSV program in South Korea [10]. The rationale behind choosing this publication is that, on one hand, the case itself is implemented in economic conditions that have a specific country context, and on the other hand, the choice of this scientific work is justified by the attractiveness of the study's methodology. South Korea's rapidly aging society, with the highest rates of poverty and suicide among the elderly in the world, does not effectively restore the quality of the workforce, which affects the need to rethink corporate governance approaches. The Yuhan - Kimberly CSV initiative includes building a marketplace ecosystem for the aged care industry. The particular importance of further application is found in the methodology itself, based on the triangulation of company reporting and qualitative research methods. For preparing the conclusions of the study, the authors used annual reports on the company's sustainable development, news reports about the company, the results of a survey conducted by the company itself, and detailed interviews with employees and external stakeholders. The key conclusion reached by the researchers was that "CSV programs can be powerful strategies for developing relations to create mutual benefits both for society by providing sustainable and feasible solutions, and for organizations by increasing their competitive advantage". As part of our study, it is important to note the possibility of studying the influence of ESG principles on the formation of the investment opinion of the community through external sources of information and the adaptability of the findings.

The scientific validity of the idea of using non-financial indicators in investment analysis, broadcasted in ESG reporting, is also proved by a study on the impact of manipulative actions of managers in collateral transactions with shares in the form of repo and refinancing. Scientists studied the impact of the use of these operations on the change in environmental, social, and governance indicators (ESG) of companies for the period from 2015 to 2020 [11]. The resulting findings noted that the desire of corporate leaders to lengthen resources and increase working capital negatively affects environmental and social management criteria. At the same time, it was also noted that profit management measures weakly correlate with the efficiency of ESG, in the case when top management bonuses are associated only with the growth of financial indicators and are in no way connected with non-financial ones. This conclusion once again indicates the importance of non-financial indicators and reporting in making managerial decisions, especially in investment analysis. In addition, this study indicates the need to take into account new independent variables, such as the volume of repo and refinancing transactions and their impact on the company's ESG rating.

In a study by colleagues from China, devoted to assessing the impact of environmental protection, social responsibility, and corporate governance (ESG) indicators on the cost of equity (COE) of Chinese A-Share companies, this relationship was studied for listed companies [12]. The main emphasis in the methodology is determined by the fact that the choice of the object of study determined the specificity of the analyzed factors. The authors, based on 10-year data, argue that “ESG performance can significantly reduce the cost of equity of listed companies, which is sustainable even under heteroscedasticity, sequence correlation, and cross-sectional correlation are controlled respectively or simultaneously. The study established mediating effects that ESG can not only directly, but also indirectly reduce the cost of equity by reducing the market risk of enterprises and increasing the diversification of their equity capital”. These conclusions are attractive in point that they allow us to show both the importance of ESG in the methodology of investment analysis and their applicability in managing the cost of capital of a company through the secondary effect.

Studies on the relationship between environmental, social, and governance (ESG) principles and corporate financial performance (CFP) attract a lot of attention (about 50 citations within two months of publication) [13]. Emphasizing the significance of their study, the authors pointed out that the work revealed a causal relationship between each component of ESG and their combination with CFP, while previous studies have mainly focused on the net effect of ESG on CFP. Using configuration theory coupled with fuzzy-set Qualitative Comparison Analysis (fsQCA) based on Chinese energy company data from 2016 to 2020, the scientists recommended two configurations that generate high CFP and four that generate low CFP. At the same time, according to the study, it is the social component that is named the determining factor in achieving high CFP results. The significance of this work for our study is determined by the fact that when developing an investment analysis methodology based on the concept of non-financial indicators, it is possible to apply the method of establishing the combinational influence of ESG on assessing the investment attractiveness of a company.

The undoubted scientific potential has a study aimed at establishing the relationship between organizational competencies and the development of environmental, social, and governance (ESG) criteria in the industrial sector [14]. The attractiveness of this work is determined by the fact that it is a study in the “literature review” format, which makes it possible to identify this relationship based on qualitative research methods. The paper found that the sectoral organizational competencies highlighted in the development of the ESG are mainly based on the demonstration of corporate social responsibility (CSR), along with the emphasized importance of technical and commercial competencies in the industrial sector. The possibility of taking into account the results of this study is determined by the fact that, on the one hand, it gives a sufficient number of arguments in favor of the relevance of the issues under study. On the other hand, it should be noted that when taking into account the industry factor, the importance of the social component in the principles of ESG is proved by many researchers. Although for the industrial sector, it would be more logical to focus on the commitment of companies to the principles of the environmental component, since both the managerial and social components have developed and have accumulated evidence.

Research on corporate governance, environmental risk assessment, and social responsibility by businesses addresses various aspects of these issues. Thus, some studies emphasize the importance of ESG commitment to increase company brand awareness and improve its reputation [15]. Issues of environmental management, social development, and corporate governance have become important factors in making investment decisions, which are regularly used by responsible investors in the formation of their portfolios [16; 17]. As part of this study, it is proposed to apply this approach to assess the investment attractiveness of a company. The key point here is the fact that potential investors, as well as business participants, should be aware that when evaluating companies in which they invest, manage, or choose as partners (suppliers, buyers), they have to take into account companies’ impact on society and the environment. At the same time, this impact should be responsible and lead to a positive result [14]. The presentation of financial and annual reports in accordance with the ESG criteria has become an important confirmation of the quality of management not only for business entities but also for state and international management [3]. At the same time, the format of reporting depending on the field of activity definitely differs. Within the framework of this study, not only the relevance of this issue is established, but also the factors that can form the basis of independent variables in the formation of the investment analysis methodology.

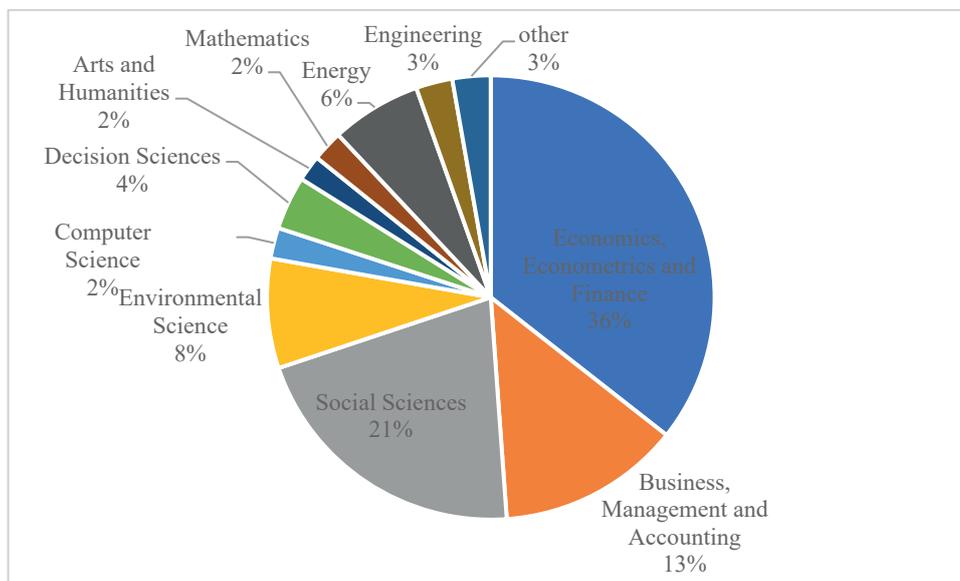

Figure 1 – Results of publications on the impact of ESG on the investment attractiveness of business in the context of research areas

Note – compiled by the author according to these sources [18]

The presented diagram shows the prevalence of publications in the areas of economic and financial profile, the share of which is 36 %, which is almost three times more than publications in the field of business, management and accounting. This indicates that the majority of researchers studying the impact of ESG on the investment attractiveness of a business are studying this issue in terms of financial and economic problems. In general, it should be noted that economic profile publications form the top three publication activity and form 70 % of all publications on ESG topics

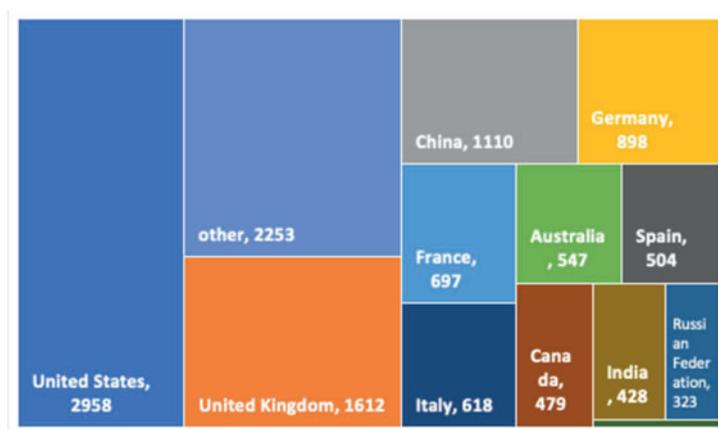

Figure 2 – Results of publications on the impact of ESG on the investment attractiveness of a business in the context of the authors' country of origin

Note – compiled by the author according to these sources [18]

An econometric assessment of publication activity aimed on assessment of ESG impact on the investment attractiveness of a business in the context of authors' country of origin shows that most of the studies are carried out by authors working in organizations and companies in the United States (31 %). The second place is occupied by publications of authors from Great Britain (17 %) and authors from China are closing the top three

list (11.7 %). This situation is evidence of the active implementation of ESG in companies and organizations in these countries, which allows the authors to study and evaluate trends and problems in implementing ESG principles in modern business.

CONCLUSION

Research results. The use of system analysis and the induction method made it possible, through the grouping method, to identify groups of scientific research areas on the ESG influence:

- 1) Studies on the reflection, completeness, and consistency of information that allow evaluating non-financial criteria for the development of companies for compliance with ESG principles
- 2) Research devoted to the study of the positive impact of ESG on the corporate governance of companies in general
- 3) Research reflecting the development of a culture of responsible/social investment, and the role of ESG in this process
- 4) Studies studying the impact of ESG on the reflection and interpretation of conclusions on changes in companies' financial indicators.

The identification and grouping of these scientific directions of research on the influence of ESG are offered by us as a basis for further research and will form the basis of our **practical advice and recommendations**.

Figure 1 shows four groups of research classifications, which show the belonging of each of the studies (by source number) to a specific group.

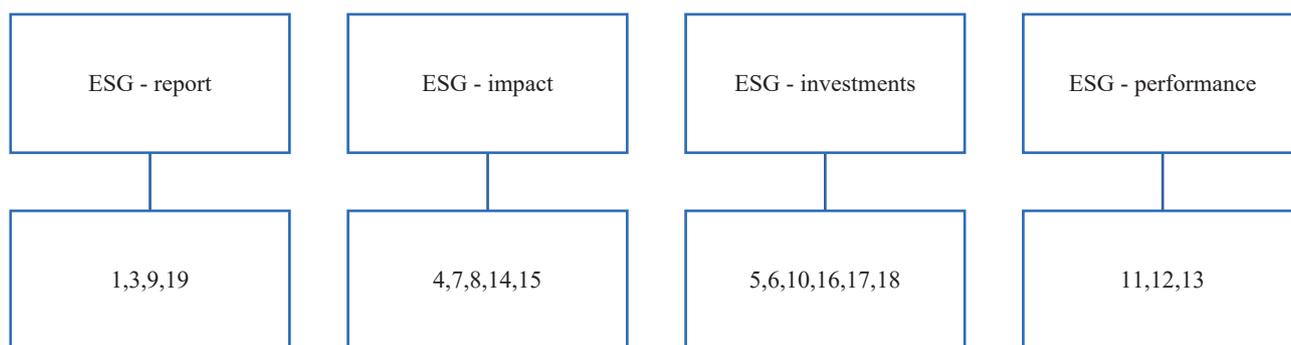

Figure 3 – Classification of studies on the impact of ESG

Note – compiled by the author according to these sources [1-17]

Using this classification is possible both to expand the range of research and to identify and clarify the factors that determine the commitment to ESG in the investment analysis process.

Discussion. Thus, the review of the most significant scientific works of leading international scientists for this study will allow us to identify some debatable issues that require further clarification:

1. Conducted research is dictated as a rule by the relevance of the issues under study. However, there arises the question: Is there a demand for published research? In which industry is the demand for scientific research determined by the profile of the research being conducted, and in which industry is the bulk of the research initiated by researchers, guided by general trends in public life?

2. Research shows that the role of ESG reporting is increasing. There arises another question: Is it possible that ESG reporting will replace financial reporting in the long term and become the main information source for decision-making in investment analysis?

3. The conducted studies have shown that the influence of ESG on the quality of corporate governance is increasing every year and its broader aspects are being considered. Is it possible to assume that the investment decisions made on the basis of financial reporting data may carry potential risks since they do not take into account ESG - influences?

4. The results of various studies have shown that the implementation of ESG principles contributes to the transformation of approaches to responsible investment. Does this fact indicate that while assessing the investment attractiveness of companies, potential investors can be guided not by the goals of generating income, but by the goal of commitment to environmental and social business results?

5. Of considerable interest are studies that have shown a special relationship between financial and non-financial indicators. In this context, is it possible to assume that the interpretation of financial performance (classic financial indicators) can be fully presented in the context of non-financial business valuation criteria?

These and other questions were raised as a result of the study and indicate the significance of the study, both from the standpoint of the development of economic science and from the standpoint of the development of the investment analysis methodology.

Practical suggestions and recommendations. Global trends in the world economy require the choice of a new foundation for economic transformation. The creation of conditions stimulating the widespread application of ESG principles will ensure a revision of approaches to corporate governance and serve as a trigger for achieving the goals of sustainable development of the national economy. Based on it, it is required an active study of tools and methods for building the principles of social responsibility both in relation to internal employees and external consumers and partners. Along with this, the ESG culture of business awareness itself requires popularization and development. Individual companies, showing social responsibility in many of their business processes, do not know how to and are not able to reflect this. Other companies, holding one small event, «pump» it as something of significant social significance. At the same time, both of them do not always understand that informing the community about the commitment to ESG principles allows interested parties to receive non-financial information about the company's activities. The expansion of ESG investments contributes to the growth of the potential for further investments in the economy. This leads to the creation of new jobs and an undeniable improvement in the quality of life of the population. All this, in turn, allows for creating conditions for the sustainable development of business, and as a result the economy as a whole, since it forms a social, environmental, and corporate culture in society.

REFERENCES

1. Heiko T., Rasmussen K. B. A multi-perspective exploration of the environmental website disclosure in global manufacturing // *Business Strategy and the Environment*. – 2022. – № 32(4). – P. 1719-1738. – DOI: 10.1002/bse.3214.
2. Sustainable Development Goals [Electronic resource] // United Nations [website]. – n. d. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (Accessed: March 1, 2023).
3. Saini N., Antil A., Gunasekaran A., Malik K. Environment-Social-Governance Disclosures nexus between Financial Performance: A Sustainable Value Chain Approach // *Resources Conservation and Recycling*. – 2022. – № 186. – Article 106571. – DOI: 10.1016/j.resconrec.2022.106571.
4. Al-Hiyari A., Mas'ud A., Kolsi M. C. Environmental, Social and Governance (ESG) Activity and Corporate Controversies in South Africa: The Interacting Role of a Skillful Board // *Studies in Systems, Decision and Control* – 2023. – № 216. – P. 335-346. – DOI: 10.1007/978-3-031-10212-7_29.
5. Alda M. The environmental, social, and governance (ESG) dimension of firms in which social responsible investment (SRI) and conventional pension funds invest: The mainstream SRI and the ESG inclusion // *Journal of Cleaner Production*. – 2021. – № 298. – Article 126812. – DOI: 10.1016/J.JCLEPRO.2021.126812
6. Pedersen L. H., Fitzgibbons S., Pomorski L. Responsible investing: The ESG-efficient frontier // *Journal of Financial Economics*. – 2021. – № 142(2). – P. 572-597. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2020.11.001>.
7. Yuan X., Li Zh., Xu J., Shang L. ESG disclosure and corporate financial irregularities – Evidence from Chinese listed firms // *Journal of Cleaner Production*. – 2022. – № 332. – Article 129992. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.129992>.
8. Ronalter L. M., Bernardo M., Romani J. M. Quality and environmental management systems as business tools to enhance ESG performance: a cross-regional empirical study // *Environment Development and Sustainability*. – 2022. – DOI: 10.1007/s10668-022-02425-0.

9. Zopounidis C., Garefalakis A., Lemonakis C., Passas I. Environmental, social and corporate governance framework for corporate disclosure: a multicriteria dimension analysis approach // *Management Decision*. – 2020. – № 58(11). – P. 2473-2496. – DOI: 10.1108/MD-10-2019-1341.
10. Lim J. R., Lee S. Y. Creating shared value (CSV) and mutually beneficial relationships to address societal issues and develop corporate competitive advantage: A case study of Yuhan-Kimberly and an aging population // *Public Relations Review*. – 2022. – № 48(4). – Article 102225. – DOI: 10.1016/j.pubrev.2022.102225.
11. Jang G. Y., Kang H. G., Kim W. Corporate executives' incentives and ESG performance // *Finance Research Letters*. – 2022. – № 49. – Article 103187. – DOI: 10.1016/j.frl.2022.103187.
12. Chen Y., Li T., Zeng Q., Zhu B. Effect of ESG performance on the cost of equity capital: Evidence from China // *International Review of Economics & Finance*. – 2023. – № 83. – P. 348-364. – DOI: 10.1016/j.iref.2022.09.001.
13. Liu P., Zhu B., Yang M., Chu X. ESG and financial performance: A qualitative comparative analysis in China's new energy companies // *Journal of Cleaner Production*. – 2022. – № 379(Part 1). – Article 134721. – DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.134721
14. Sierdowski M., Pilatt L. A., Rubbo P. Organizational Competencies in the Development of Environmental, Social, and Governance (ESG) Criteria in the Industrial Sector // *Sustainability*. – 2022. – № 14(20). – Article 13463. – DOI: 10.3390/su142013463.
15. Shakil M. H. Environmental, social and governance performance and financial risk: Moderating role of ESG controversies and board gender diversity // *Resources Policy*. – 2021. – № 72. – Article 102144. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2021.102144>.
16. Diale C. D., Kanakana-Katumba M. G., Maladzhi R. W. Environmental entrepreneurship as an innovation catalyst for social change: A systematic review as a basis for future research // *Advances in Science, Technology and Engineering Systems*. – 2021. – 6(1). – P. 393-400. – DOI: <https://doi.org/10.25046/aj060145>.
17. Sciarelli M., Cosimato S., Landi G. C., Iandolo F. (December 2020) Socially responsible investment strategies for the transition towards sustainable development: the importance of integrating and communicating ESG // *TQM Journal*. – 2020. – 33(7). – P. 39-56. – DOI: <https://doi.org/10.1108/TQM-08-2020-0180>.
18. Scopus-Elsevier Data Analysis Services [Electronic resource] // Elsevier [website]. – n. d. – URL: <https://www.elsevier.com/research-intelligence/scopus-data> (Accessed: March 1, 2023).

REFERENCES

1. Heiko, T. and Rasmussen, K. B. (2022). A multi-perspective exploration of the environmental website disclosure in global manufacturing. *Business Strategy and the Environment*, 32(4), 1719-1738, DOI:10.1002/bse.3214.
2. UN. (n. d.). Sustainable Development Goals. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>.
3. Saini, N., Antil, A., Gunasekaran, A. and Malik, K. (2022). Environment-Social-Governance Disclosures nexus between Financial Performance: A Sustainable Value Chain Approach. *Resources Conservation and Recycling*, 186, 106571, DOI: 10.1016/j.resconrec.2022.106571.
4. Al-Hiyari, A., Mas'ud, A. and Kolsi, M. C. (2023). Environmental, Social and Governance (ESG) Activity and Corporate Controversies in South Africa: The Interacting Role of a Skillful Board. *Studies in Systems, Decision and Control*, 216, 335-346, DOI: 10.1007/978-3-031-10212-7_29.
5. Alda, M. (2021). The environmental, social, and governance (ESG) dimension of firms in which social responsible investment (SRI) and conventional pension funds invest: The mainstream SRI and the ESG inclusion. *Journal of Cleaner Production*, 298, 126812, DOI: 10.1016/J.JCLEPRO.2021.126812.
6. Pedersen, L. H., Fitzgibbons, S. and Pomorski, L. (2021). Responsible investing: The ESG-efficient frontier. *Journal of Financial Economics*, 142(2), 572-597, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2020.11.001>.
7. Yuan, X., Li, Zh., Xu, J. and Shang, L. (2022). ESG disclosure and corporate financial irregularities – Evidence from Chinese listed firms. *Journal of Cleaner Production*, 332, 129992, <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.129992>.

8. Ronalter, L. M., Bernardo, M. and Romani, J. M. (2022). Quality and environmental management systems as business tools to enhance ESG performance: a cross-regional empirical study. *Environment Development and Sustainability*, DOI: 10.1007/s10668-022-02425-0.
9. Zopounidis, C., Garefalakis, A., Lemonakis, C. and Passas, I. (2020). Environmental, social and corporate governance framework for corporate disclosure: a multicriteria dimension analysis approach. *Management Decision*, 58(11), DOI: 10.1108/MD-10-2019-1341.
10. Lim, J. R. and Lee, S. Y. (2022). Creating shared value (CSV) and mutually beneficial relationships to address societal issues and develop corporate competitive advantage: A case study of Yuhan-Kimberly and an aging population. *Public Relations Review*, 48(4), DOI: 10.1016/j.pubrev.2022.102225.
11. Jang, G. Y., Kang, H. G. and Kim, W. (2022). Corporate executives' incentives and ESG performance. *Finance Research Letters*, 49, 103187, DOI: 10.1016/j.frl.2022.103187.
12. Chen, Y., Li, T., Zeng, Q. and Zhu, B. (2023). Effect of ESG performance on the cost of equity capital: Evidence from China. *International Review of Economics & Finance*, 83, 348-364, DOI: 10.1016/j.iref.2022.09.001.
13. Liu, P., Zhu, B., Yang, M. and Chu, X. (2022). ESG and financial performance: A qualitative comparative analysis in China's new energy companies. *Journal of Cleaner Production*, 379(Part 1), 134721, DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.134721.
14. Sierdovski, M., Pilatt, L. A. and Rubbo, P. (2022). Organizational Competencies in the Development of Environmental, Social, and Governance (ESG) Criteria in the Industrial Sector. *Sustainability*, 14(20), 13463, DOI: 10.3390/su142013463.
15. Shakil, M. H. (2021). Environmental, social and governance performance and financial risk: Moderating role of ESG controversies and board gender diversity. *Resources Policy*, 72, 102144, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2021.102144>.
16. Diale, C. D., Kanakana-Katumba, M. G. and Maladzhi R. W. (2021). Environmental entrepreneurship as an innovation catalyst for social change: A systematic review as a basis for future research. *Advances in Science, Technology and Engineering Systems*, 6(1), 393-400, DOI: <https://doi.org/10.25046/aj060145>.
17. Sciarelli, M., Cosimato, S., Landi, G. C. and Iandolo, F. (2020). Socially responsible investment strategies for the transition towards sustainable development: the importance of integrating and communicating ESG. *TQM Journal*, 33(7), 39-56, DOI: <https://doi.org/10.1108/TQM-08-2020-0180>.
18. Scopus-Elsevier Data Analysis Services. Elsevier. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.elsevier.com/research-intelligence/scopus-data>.

БИЗНЕСТІҢ ИНВЕСТИЦИЯЛЫҚ ТАРТЫМДЫҒЫНА ESG ӘСЕРІ

Н. Т. Адамбеков¹, Ж.А. Адамбекова², А. Филиповска^{3*}

¹Халықаралық ақпараттық технологиялар университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²Каспий университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

³Познан Экономика және Бизнес Университеті, Познань, Польша Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты. Бұл зерттеуді бастаудағы басты мақсат осы саладағы жетекші әлемдік ғалымдардың маңызды зерттеулеріне шолу жасау арқылы осы факторлардың әсері мен сезімталдығын зерттеу болды.

Әдіснамасы. Зерттеуді жүргізу үшін Science Direct, Scopus және Web of Science дерекқорларындағы ESG бағыты бойынша ең көп дәйексөз келтірілген зерттеулерді таңдап алып, ғылыми-тәжірибелік әдістеме пайдаланылды, ол зерттеуге ақпараттық негіз болды. Әдебиеттік шолу форматында жүргізілетін зерттеу әдістемесінің негізін танымның жалпы ғылыми әдістері (синтез, индукция, топтастыру) құрады.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Зерттеу нәтижелерінің құндылығы инвестициялық талдау әдістемесінде қолдану контекстінде ESG мәселелері бойынша негізгі зерттеу бағыттарын тұжырымдау арқылы анықталады. Атап айтқанда, компанияларды олардың инвестициялық тартымдылығы бойынша бағалауда ESG қағидаттарының маңыздылығы туралы сұрақтар көтерілді.

Зерттеу нәтижесінде ESG-тің корпоративтік басқаруды дамытуға әсері және компаниялардың инвестициялық тартымдылығын бағалау бойынша ғылыми зерттеу бағыттарының топтары құрылды. Бұл ұсынымдар инвесторларға инвестициялық шешімдер қабылдау үшін есептерді әзірлеу кезінде талдаушыларға да, сондай-ақ тұрақты даму мақсаттарына қол жеткізуде өз әрекеттерін реттей алатын, инвестициялауда ұсынатын қаржылық емес ақпараттың маңыздылығын түсіне алатын компаниялардың өздеріне арналған. талдау.

Түйін сөздер: ESG принциптері, корпоративтік басқару, инвестициялық талдау, қаржылық емес көрсеткіштер.

ВЛИЯНИЕ ESG НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ БИЗНЕСА

Н. Т. Адамбеков¹, Ж. А. Адамбекова², А. Филиповска^{3*}

¹Международный Университет Информационных Технологий, Алматы, Республика Казахстан

²Каспийский Университет, Алматы, Республика Казахстан

³Познаньский Университет Экономики и Бизнеса, Познань, Республика Польша

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Основная цель в иницировании данного исследования была направлена на то, чтобы изучить влияние и подверженность этим факторам, через обзор значимых исследований ведущих мировых ученых в данной области.

Методология. Для проведения исследования использована наукометрическая методология с выборкой наиболее цитируемых исследований по направлению ESG в базах данных Science Direct, Scopus и Web of Science, обеспечившая информационную основу исследования. Общенаучные методы познания (синтез, индукция, группировка) легли в основу методологии проведенного исследования выполненного в формате литературного обзора.

Оригинальность / ценность исследования. Ценность результатов исследования определяется постановкой ключевых направлений исследования по проблематике ESG в контексте применения в методологии инвестиционного анализа. В частности подняты вопросы о значимости ESG принципов при оценке компаний на предмет их инвестиционной привлекательности.

В результате исследования были установлены группы научных направлений исследования в вопросах влияния ESG на развитие корпоративного управления и оценку инвестиционной привлекательности компаний. Данные рекомендации адресованы как для аналитиков при разработке отчетов для принятия инвесторами инвестиционных решений, так и для самих компаний, которые смогут откорректировать свои действия при достижении целей устойчивого развития понимая значимость предоставляемой ими нефинансовой информации в инвестиционном анализе.

Ключевые слова: ESG принципы, корпоративное управление, инвестиционный анализ, нефинансовые показатели.

ABOUT THE AUTHORS

Nurbek Adambekov Tastanbekovich – MSc, senior lector of International IT University Economics and Business Department, Almaty, The Republic of Kazakhstan, e-mail: nuradamsdu@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4413-7204>

Zhuldyz Adambekova Alгатbekkyzy – MSc, vice-dean of Higher School of Economics and Management of Caspian University, Almaty, The Republic of Kazakhstan, e-mail: sscu9@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9325-5181>

Agata Filipowska – PhD, Poznań University of Economics and Business, Poznan, Republic of Poland, e-mail: agata.filipowska@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8425-1872>*

MPHTI 70.27.13

JEL Classification: Q53

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-2-117-128>

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕМБРАННОГО МЕТОДА ПОДГОТОВКИ ПИТЬЕВОЙ ВОДЫ

А. Азимов^{1*}, А. Камшыбаев¹, Н. Н. Исабаев¹

¹Южно-Казахстанский университет имени М. Ауезова, Шымкент, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Мембранные методы – обратный осмос и нанофильтрация – привлекают все большее внимание в контексте обеспечения населения качественной питьевой водой. Казахстан придает высокий приоритет этому вопросу, осознавая растущий дефицит водных ресурсов.

Цель исследования заключается в проведении анализа экономической эффективности применения мембранного метода для подготовки питьевой воды.

Методы исследования. Для достижения этой цели использовалась методология, основанная на оценке предлагаемых технологических решений с использованием показателей чистого дисконтированного дохода (ЧДД), индекса доходности (ИД) и внутренней нормы доходности (ВНД).

Оригинальность / ценность исследования. Исследование фокусируется на экономической эффективности мембранного метода подготовки питьевой воды. В настоящее время обеспечение населения качественной питьевой водой является одним из главных приоритетов многих стран, включая Казахстан, из-за растущего дефицита водных ресурсов. В данном исследовании предлагается методика оценки экономической эффективности мембранных методов, таких как обратный осмос и нанофильтрация, с использованием таких показателей, как ЧДД, ИД и ВНД. Это позволяет принять информированные решения о выборе наиболее выгодных инновационных проектов в области подготовки питьевой воды. Исследование представляет значимую ценность, поскольку оно предоставляет практические рекомендации и руководство для принятия решений в области подготовки питьевой воды, способствуя обеспечению населения качественной питьевой водой и оптимизации экономических затрат в Казахстане.

Результаты исследования. В работе рассмотрен комплекс вопросов, связанных с экономической оценкой и выбором инновационных проектов подготовки питьевой воды методами обратного осмоса и нанофильтрации посредством расчета чистого дисконтированного дохода (ЧДД), индекса доходности (ИД) и внутренней нормы доходности (ВНД). В исследовании произведен расчет окупаемости инвестиций с применением нанофильтрации для станций производительностью 300,6 тыс. м³/год. Авторами выявлено, что с учетом дисконтирования срок окупаемости проектов по предлагаемому методу составляет 5 лет.

Ключевые слова: питьевая вода, мембранная технология, обратный осмос, нанофильтрация, дисконтированный доход, индекс доходности, внутренняя норма доходности, срок окупаемости.

Благодарности: Данное исследование проведено за счет программно-целевого финансирования проекта № BR18574143 «Разработка и внедрение технологии очистки подземных вод и обеспечение населения и животных аграрного предприятия питьевой водой» по Заказу Комитета науки МНВО РК.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Одним из ключевых глобальных вызовов современности является дефицит водных ресурсов. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения и Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), «26 % населения планеты не имеют доступа к чистой питьевой воде» [1]. Для решения проблем обеспечения населения чистой питьевой водой в современных условиях правительствами стран предпринимаются различные меры, в том числе, в области инновационных решений по очистке воды.

Согласно данным Всемирной программы ЮНЕСКО по оценке водных ресурсов за 2023 год, «повсеместное распространение получила стратегия удовлетворения потребностей растущих городов в питьевой воде путем снабжения городских центров водой, предназначенной для сельского хозяйства» [2]. В этой связи возрастает необходимость развития новых технологий подготовки питьевой воды.

В Казахстане обеспечение населения питьевой водой является одним из ключевых приоритетов государственной политики. В 2021 году своем Послании народу Президент Республики Казахстан К. К. Токаев отметил: «К 2030 году нехватка воды в мире может достигнуть 40 %. Поэтому нам необходимо повысить водосбережение с помощью новейших технологий и цифровизации» [3]. Главой государства была поставлена задача в рамках Национального проекта развития регионов в течение пяти лет обеспечить 100 % городов и сел чистой питьевой водой.

При подготовке питьевой воды необходимо использование эффективных и экономически выгодных технологий. Как отмечают некоторые эксперты, «традиционные технологии, использующие напорные фильтры с загрузками из песка, угля и ионообменных смол достаточно «громоздки», требуют затрат при их эксплуатации (замене загрузок или их регенерации), образуют стоки при их промывке и регенерации» [4].

В настоящее время распространены технологии, позволяющие корректировать и доводить до питьевых норм состав воды, взятой из водоисточников, качество которых не соответствуют нормам для питья.

К таким технологиям ввиду ее высокой эффективности, низкой стоимости, компактности, простоте обслуживания, малым эксплуатационным затратам [5] относятся мембранные методы – обратный осмос и нанофильтрация.

В целом, нанофильтрационные и обратноосмотические установки аналогичны по конструкции и по эксплуатации, и различия этих методов заключаются только в применяемых мембранах. Нанофильтрационные и обратноосмотические мембраны, с порами, пропускающими молекулы воды, успешно удерживают растворенные вещества, включая органические и неорганические соединения, такие как ионы жесткости, железа, фториды, тяжелые металлы, хлорорганические и гуминовые вещества [6; 7].

Нанофильтрационные мембраны имеют больший размер пор по сравнению с мембранами обратного осмоса. Это позволяет частично пропускать в очищенную воду (в пермеат) одновалентные ионы натрия; хлориды, бикарбонаты.

В контексте изучения перспектив применения данной технологии непосредственно на местах, в селах, районах, городах необходимо проведение обоснования эколого-экономической эффективности мембранного метода подготовки питьевой воды.

Цель исследования – проанализировать экономическую эффективность мембранного метода подготовки питьевой воды.

Задачи исследования:

- определить формулы для расчета экономической эффективности применяемых технологий;
- произвести сбор исходных данных для расчетов по удельным капитальным затратам и составляющим эксплуатационных расходов;
- произвести и проанализировать расчеты по экономической эффективности технологии на основе собранных данных;

- сформировать выводы о степени эффективности применения мембранного метода подготовки питьевой воды.

Методы исследования. При проведении расчета экономической эффективности применения мембранного метода подготовки питьевой воды использована методика, предусматривающая оценку предлагаемых технологических решений по чистому дисконтированному доходу (ЧДД), индексу доходности (ИД) и внутренней норме доходности (ВНД).

Обзор литературы. Подбор наиболее подходящего метода обработки играет важную роль в достижении более чистого и экономически эффективного производства регенерированной воды, учитывая технические, экономические и экологические аспекты [8]. Исследование, проведенное Пей и коллегами [9], выделяет несколько факторов, которые следует учитывать при выборе технологии очистки сточных вод, таких как качество сточных вод, их количество, строительные и эксплуатационные расходы, сложность инженерного строительства, местные условия и наличие конфликтов. Важным фактором является также определение необходимого уровня обработки для достижения требуемого качества для повторного использования. Определение состава сточных вод и соответствующих критериев качества имеет первостепенное значение для каждого конкретного случая. Различные применения повторного использования требуют разных характеристик качества воды, что в свою очередь требует применения различных технологий очистки [10].

Мембранные технологии широко используются в качестве передовых методов очистки воды из-за их способности удаления нежелательных соединений из сточных вод до очень низких уровней концентрации и предлагаемых новых возможностей по сравнению с традиционными методами [11; 12]. Кроме мембранных методов, применяются и другие передовые технологии обработки, такие как электрохимические методы, включающие электроокисление, электровосстановление, электрокоагуляцию и электродиализ [13].

Однако, несмотря на значительные прогрессы, достигнутые с помощью этих технологий, по-прежнему существует проблема перехода от «перспективной технологии» к «практической технологии», как отмечают Лю и соавторы [14]. В этом контексте емкостная деионизация (CDI), вместе со своими вариантами, такими как мембранно-емкостная деионизация (MCDI) и емкостная деионизация с проточным электродом (FCDI), исследуются и показывают многообещающие результаты в области опреснения морской воды и повторного использования сточных вод [15].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Многие эксперты сходятся во мнении, что экономическая выгода нанофильтрации обусловлены применением мембраны с большим размером пор. Это придает процессу очистки воды следующие преимущества:

1. Проведение нанофильтрационной очистки проводится при более низких значениях рабочего давления по сравнению с обратным способом. Разница величины давления составляют в 2 раза. Соответственно, расходы электроэнергии, потребляемые насосом при нанофильтрации существенно сокращены.

2. При очистке воды обратным осмосом эти установки очищают воду до уровня норм «дистиллята», т. е. опресняет воду с очень низким содержанием. Современные стандарты качества очищенной воды предусматривают обязательное присутствие в питьевой воде определенных ионов, таких как кальций, магний, хлориды, фториды и другие. Поэтому принимаются меры по обогащению очищенной воды минералами.

3. Нанофильтрационные мембраны имеют больший размер пор по сравнению с мембранами обратного осмоса. Это позволяет частично пропускать в очищенную воду одновалентные ионы натрия; хлориды, бикарбонаты. Благодаря этому очищенная вода будет иметь определенный солевой состав и отпадает необходимость принятия мер по обогащению очищенной воды минералами.

4. Применение в нанофильтрации мембраны с большими размерами пор, по сравнению с мембранами обратного осмоса, обеспечивает процессу нанофильтрации большую производительность при равных значениях селективности.

В дополнение к данным аргументам необходим подробный анализ показателей эффективности рассматриваемого метода подготовки воды, который будет проведен при технико-экономическом обосновании (далее – ТЭО).

Технико-экономическое обоснование (ТЭО) играет ключевую роль в принятии решений о проектировании, строительстве и эксплуатации систем водоснабжения и водоотведения. Обзор существующего подхода к выбору наиболее выгодного варианта с минимальными затратами показывает, что «в нынешних условиях инвестирования проектов нет достаточных оснований для расчета величины приведенных затрат при постоянном коэффициенте срока окупаемости, который принимается равным 7-8 годам» [16].

На сегодняшний день эксперты в качестве оптимального срока окупаемости принимают срок в 2-3 года. Отмечается, что «необходимо включать в оценку чистый дисконтированный доход (ЧДД), индекс доходности (ИД) и внутреннюю норму доходности (ВНД)» [17]. Важно отметить, что ее применение целесообразно только при нормальных условиях функционирования водопроводно-канализационных предприятий, которая подразумевает отсутствие каких-либо задолженностей между поставщиком и потребителем воды. Кроме того, необходимо акцентировать внимание на сборе и обосновании исходных данных для расчетов по удельным капитальным затратам и составляющим эксплуатационных расходов.

На стадии ТЭО инвестиционного проекта по использованию мембранного метода подготовки питьевой воды, необходимо осуществлять расчет экономической эффективности анализируемых вариантов на основе прогнозных и расчетных цен. Согласно методике ТЭО, «прогнозная цена $P_{(t)}$ отпускаемой потребителю воды в конце ti периода определяется по формуле:

$$P_{ti} = P_{\delta} \cdot J_{ti} \quad (1)$$

где P_{δ} – базисная цена воды;

J_{ti} – коэффициент (индекс) изменения цен ресурсов соответствующей группы в конце ti года по отношению к начальному моменту расчета, в котором известны цены».

Базисная цена, по которой вода продается потребителям P_{δ} , а также цена воды на последующих этапах потребления P_p , определяется:

$$P_{\delta(i)} = S_{\delta(i)} + E_{\delta(i)} \cdot K_{\delta(i)} + \Delta\Pi_{\delta(i)} \quad (2)$$

где $S_{\delta(i)}$ – это полная себестоимость получения 1 м³ воды требуемого качества, которая учитывает текущие затраты на забор воды из источника, ее очистку, хранение, перекачку по водоводам и подачу через водопроводную сеть каждому потребителю в нужном объеме и с необходимым напором;

$E_{\delta(i)}$ – норма эффективности инвестиций (капитальных вложений);

$K_{\delta(i)}$ – суммарная величина инвестиций;

$\Delta\Pi_{\delta(i)}$ – прибыль от реализации 1 м³ воды потребителям.

Проведение сравнительного анализа нескольких вариантов развития инвестиционного проекта и выбор наиболее оптимального из них в условиях инфляции и дефицита ликвидных средств эксперты рекомендуют производить с использованием ЧДД, ИД, ВПД и минимального срока окупаемости вкладываемых инвестиций.

В данном контексте минимальный срок окупаемости рассматривается не как основной, а как дополнительный критерий. Он определяет минимальный временной интервал, начиная с которого интегральный эффект от реализации проекта становится положительным и перестает быть отрицательным.

Согласно [16], величина срока окупаемости T определяется:

$$\sum_{t=0}^T \frac{\mathcal{E}_t}{(1+E_d)^t} = \sum_{t=0}^T \frac{K_1}{(1+E_d)^t} \quad (3)$$

где $t_{(1,2,3,\dots,N)}$ – номер шага расчета (N - горизонт расчета);

T – срок окупаемости, год;

$\mathcal{E}_t = (R_t - \mathcal{Z}_t)$ – эффект, достигаемый на t -ом шаге;

R_t – результаты, достигаемые на t -ом шаге расчетного периода (доход от реализации воды потребителю за каждый год и другие поступления);

\mathcal{Z}_t – затраты, осуществляемые на t -ом шаге (эксплуатационные затраты за год);

K_1 – капиталовложения на t -ом шаге;

E_d – норма дисконта, установленная для t -го года.

Срок окупаемости – это период времени, в течение которого общие инвестиции компенсируются за счет чистого дохода, генерируемого проектом.

Капиталообразующие затраты можно определить, как сумму средств, необходимых для обеспечения объектов инвестиций оборудованием, а также расходы на дополнительные оборотные средства, необходимые для успешного начала производственной деятельности предприятия.

Такие затраты включают в себя:

- расходы на выполнение проектно-конструкторских работ;
- предэксплуатационные капитальные расходы;
- затраты на приобретение машин и оборудования;
- инвестиции в строительство инженерных сооружений;
- затраты на строительство вспомогательных сооружений;
- непредвиденные расходы.

Все инфраструктурные затраты, необходимые для проекта, рассматриваются как капитальные затраты и включаются в финансовый поток организации на протяжении всего периода реализации проекта.

Обычно инвестиционные затраты на приобретение механизмов и оборудования включают проведение испытаний и выпуск опытной партии, обучение основного персонала до начала производства, а также поставку запасных частей на период 1-2 лет. Капитальным затратам могут быть добавлены физические и ценовые непредвиденные расходы в размере 5-10%.

Рассмотрим подробнее различные виды капитальных и других единовременных затрат, а именно:

– Основные капитальные затраты – это затраты, связанные с оснащением объектов инвестиций необходимым оборудованием, строительством и инженерными сооружениями.

Стоимость замены частей в соответствии с требованиями технологического процесса также включается в основные капитальные затраты.

Основные капитальные затраты должны быть отражены в финансовом потоке в год фактического финансирования. Их ликвидационная стоимость определяется в конце проектного срока (стоимость износа).

– Допроизводственные капитальные затраты – это затраты, которые возникают до начала полноценной производственной деятельности и включают, например, расходы на проведение проектно-конструкторских работ и предэксплуатационные мероприятия.

Допроизводственные капитальные затраты включают: а) лицензии, патенты, торговые марки и другие права; б) получение разрешений; в) расходы на предварительные исследования; г) расходы на проведение и подготовку технико-экономического обоснования.

– Обратный капитал до выхода на проектную мощность – это средства, необходимые для обеспечения нормального функционирования предприятия до достижения запланированной производственной мощности. Это может включать расходы на закупку сырья и материалов, оплату труда, обеспечение рабочего капитала и т. д.

Оборотный капитал до достижения проектной мощности формируется для обеспечения запасами (сырьем, незавершенной продукцией, запасными частями) и наличными средствами (рассчитывается как процент от текущих затрат на сырье, зарплату, энерго- и водоснабжение).

Норма дисконта E_d ($E_1=0,2$), установленная для t -го года, применяется для приведения различных затрат, результатов и эффектов к их стоимости в начальном периоде. Она соответствует приемлемой для инвестора норме доходности капитала и связана с коэффициентом дисконтирования $d_t = 0,482$, который определяется следующим выражением:

$$d_t = 1 \div (1 + E_d)^t \quad (4)$$

Результаты расчета окупаемости инвестиций по применению нанофильтрации для станций производительностью 300,6 тыс. м³ /год приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Основные технико-экономические показатели

Инвестиции, млн. тенге.	
Капитальные вложение	20,146
Эксплуатационные затраты на:	
- мембранные элементы	0,2032
- замена или регенерация мембраны	0,159
- транспортирование обезвоженных осадков к месту использования	
- электроэнергию	0,053
- тепло	2,202
- подготовку воды для собственных нужд станций	0,186
- оплату труда	
- отчисление на социальные нужды (38,5%)	0,013
	0,274
	0,105
Суммарные эксплуатационные затраты	6,455
Плата за НДС	0,002
Амортизация основных фондов	1,817
Доходы от реализации воды потребителям	10,138
Затраты со статьи «Доходы»:	
Плата за превышение предельно допустимых сбросов (ПДС)	0,066
Плата за размещение отходов	0,001
ИТОГО – доходы	1,797
Налоги	0,63
Чистая прибыль	2,27
Примечание – составлено авторами	

Кроме традиционных затрат на очистку, в стоимость также включаются обязательные отчисления в соответствии с установленными законодательством нормами, такими как отчисления в пенсионный фонд, отчисления в государственные фонды занятости и медицинское страхование. Также учитывается износ нематериальных активов и платежи НДС загрязняющих веществ в воде после обезвоживания осадка и в промывной воде после фильтров, если такие воды сбрасываются в водоем.

Интегральные показатели эффективности. ЧДД (чистая дисконтированная доходность) представляет собой сумму текущих эффектов за весь расчетный период, приведенную к начальному моменту, или разницу между интегральным доходом и интегральными затратами:

$$ЧДД = \sum_{t=0}^T (R_t - Z_t^+) \frac{1}{(1+E)^t} - K_d \quad (5)$$

где Z_t^+ – затраты на t -ом шаге при условии, что в них не входят капиталовложения;
 K_d – сумма дисконтированных капиталовложений:

$$K_d = \sum_{t=0}^T K_t \frac{1}{(1+E)^t} \quad (6)$$

K_t – капиталовложения на t -ом шаге.

Если рассматриваемый вариант имеет положительное значение ЧДД при данной норме дисконта, то этот вариант считается эффективным и только тогда рассматривается возможность его принятия. Чем выше значение ЧДД, тем более эффективным является проектный вариант. В формуле (7) убыток обозначен знаком «+», а доход – знаком «-». ЧДД отражает разницу между суммой приведенных эффектов и приведенной к тому же моменту времени величиной капитальных вложений (K_d). Индекс доходности (ИД) представляет собой отношение суммы приведенных эффектов к величине капитальных вложений:

$$ИД = \frac{1}{K} \sum_{t=0}^T (R_t - Z_t^+) \frac{1}{(1+E)^t} \quad (7)$$

Индекс доходности (ИД) тесно связан с ЧДД. Если ЧДД положительный, то ИД будет больше 1 (ИД > 1).

При финансовом обосновании технологий анализируются поток и сальдо денежных средств. Реализация технологического проекта включает три основных типа деятельности: инвестиционную, операционную и финансовую. Если в определенном году остаток реальных денежных средств становится отрицательным, это указывает на то, что проект в данной форме не может быть реализован. В данном случае требуется либо увеличить прибыльную составляющую проекта, либо сократить расходы. На практике, при расчете экономической эффективности технологии, учитывается весь план реализации проекта (пример приведен в таблице 2).

Таблица 2 – Показатели, позволяющие учитывать весь план осуществления проекта

Показатель	Значение показателя				
	2018	2019	2020	2021	2022
Операционная деятельность	1,179	4,11	4,11	14,11	14,11
Продажи и другие поступления (реализация воды потребителю, прибыль и т.п.)	10,138	15,853	15,853	25,853	25,853
Затраты на мембранные элементы	1,032	1,032	1,032	1,032	1,032
Прочие издержки, включая энергозатраты	6,204	6,204	6,204	6,204	6,204
Налоги	0,735	3,127	3,127	3,127	3,127
Финансовая деятельность	20,88	-0,19	-0,35	-10,31	-10
Излишек средств	1,913	3,92	3,73	3,8	4,11
Суммарная потребность в средствах	0	0	0	0	0
Сальдо на конец года	1,913	5,833	9,563	13,363	17,473
Примечание – составлено авторами					

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведем расчеты для определения ЧДД и ИД для рассматриваемого метода технологии. Дисконтированный эффект, в котором из состава затрат исключены капиталовложения, обозначим как S . В соответствии с данными в таблице 1 для предлагаемого метода рассчитаем значения S_1 , ЧДД и ИД₁:

$$S = \sum_{t=1}^T \frac{P}{(1+E)^t} \quad (8)$$

$$K = \sum_{t=1}^T \frac{\Delta P}{(1+E)^t} \quad (9)$$

где P – прибыль от реализации воды потребителю;

ΔP – разность между притоком и оттоком средств от финансовой деятельности;

$$S_1 = \sum_{t=1}^5 \frac{P}{(1+E)^t} =$$

$$= 1,179 \cdot 0,741 + 4,11 \cdot 0,694 + 4,11 \cdot 0,579 + 14,11 \cdot 0,482 + 14,11 \cdot 0,402 = 18,578 \text{ млн.тг};$$

$$K_1 = -(20,146) \cdot 0,741 = 14,928 \text{ млн.тг};$$

$$ЧДД_1 = S_1 - K_1 = 3,65 \text{ млн.тг};$$

$$ИД_1 = \frac{S_1}{K_1} = \frac{18,578}{14,928} = 1,245$$

При учете дисконтирования предлагаемый метод имеет срок окупаемости T_1 в 5 лет. Внутренняя норма доходности (ВНД) – это норма дисконта $E_{ВН}$, при которой приведенные эффекты равны приведенным капиталовложениям. Она вычисляется из следующего уравнения:

$$\sum_{t=0}^T \frac{R_t - 3_t}{(1+E_{ВН})^t} = \sum_{t=0}^T \frac{K_t}{(1+E_{ВН})^t}; \quad (10)$$

$$\frac{1,179}{(1+E_{ВН})^1} + \frac{4,11}{(1+E_{ВН})^2} + \frac{4,11}{(1+E_{ВН})^3} + \frac{14,11}{(1+E_{ВН})^4} + \frac{14,11}{(1+E_{ВН})^5}$$

$$= \frac{20,146}{(1+E_{ВН})^1}$$

Решение уравнения дает: $E_{ВН} = \text{ВНД}_1 \rightarrow 24,9\%$.

Таким образом, оценка эффективности инвестиционных проектов систем водоснабжения (в частности, предлагаемой технологии) по внутренней норме доходности больше требуемой ставки дохода на вложенный капитал, высокоэффективен, и, соответственно, может быть принят инвестором для внедрения.

Это подтверждает тезис о том, что на сегодняшний день одной из технологий, позволяющей корректировать и доводить до питьевых норм состав воды, взятой из водоисточников, качество которых не соответствуют нормам для питья, ввиду ее высокой эффективности, низкой стоимости, компактности, простоте обслуживания, малым эксплуатационным затратам относятся мембранные методы – обратный осмос и нанофильтрация.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. State of the world's drinking-water: Executive summary. An urgent call to action to accelerate progress on ensuring safe drinking water for all [Электронный ресурс] // World Health Organization, World Bank, UNICEF [web-сайт]. – 23 января 2023. – URL: https://cdn.who.int/media/docs/default-source/wash-documents/water-safety-and-quality/state-of-drinking-water-report_ex-summary_english.pdf?sfvrsn=9cb7ca6d_4&download=true (Дата обращения: 12.03.2023).

2. Коннор Р., Милетто М. Всемирный доклад Организации Объединенных Наций о состоянии водных ресурсов, 2023 год. Партнерство и сотрудничество в поддержку водных ресурсов. – 2023. – 11 с.
3. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. Единство народа и системные реформы – прочная основа процветания страны [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [web-сайт]. – 2021. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-183048> (Дата обращения: 12.03.2023).
4. Первов А. Г., Козлова Ю. В., Андрианов А. П., Мотовилова Н. Б. Разработка технологии очистки поверхностных вод с помощью нанофильтрационных мембран // Мембраны. – 2006. – № 1(29). – С. 20-33.
5. Дытнерский Ю. И. Баромембранные процессы. — М.: Химия, 1986. – 272 с.
6. Мулдер М. Введение в мембранную технологию: пер. с англ. А.Ю. Леонтева, Г.П. Ямпольский / под редакцией Ю.П. Ямпольского, В.П. Дубяги. – М., 2001. – 350 с.
7. Pontie M. et al. Studies of halide ions mass transfer in nanofiltration -application to selective defluorination of blackisa drinking water // Desalination. – 2003. – № 157. – P. 127-134.
8. Micari M., Moser M., Cipollina A., Tamburini A., Micale G., Bertsch V. Towards the implementation of circular economy in the water softening industry: a technical, economic and environmental analysis // J. Clean. Prod. – 2020. – № 255. – Article 120291. – DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.120291.
9. Pei X., Song L. Technical research on environmental engineering of sewage treatment // IOP Conf. Ser. Earth Environ. Sci. – 2020. – № 440. – Article 042024. – DOI: 10.1088/1755-1315/440/4/042024.
10. Yang J., Monnot M., Ercolei L., Moulin P. Membrane-based processes used in municipal wastewater treatment for water reuse: state-of-the-art and performance analysis // Membranes (Basel). – 2020. – № 10. – P. 1-56. – DOI: 10.3390/membranes10060131.
11. Molinari R., Lavorato C., Argurio P. Application of hybrid membrane processes coupling separation and biological or chemical reaction in advanced wastewater treatment // Membranes (Basel). – 2020. – № 10. – P. 1-30. – DOI: 10.3390/membranes10100281.
12. Urriaga A. M., Pérez G., Ibañez R., Ortiz I. Removal of pharmaceuticals from a WWTP secondary effluent by ultrafiltration/reverse osmosis followed by electrochemical oxidation of the RO concentrate // Desalination. – 2013. – № 331. – P. 26-34. – DOI: 10.1016/j.desal.2013.10.010.
13. Pérez G., Gómez P., Ibañez R., Ortiz I., Urriaga A. M. Electrochemical disinfection of secondary wastewater treatment plant (WWTP) effluent // Water Sci. Technol. – 2010. – № 62. – P. 892-897. – DOI: 10.2166/wst.2010.328.
14. Liu J., Zhao M., Duan C., Yue P., Li T. Removal characteristics of dissolved organic matter and membrane fouling in ultrafiltration and reverse osmosis membrane combined processes treating the secondary effluent of wastewater treatment plant // Water Sci. Technol. – 2021. – № 83. – P. 689-700. – DOI: 10.2166/wst.2020.589.
15. Ye G., Yu Z., Li Y., Li L., Song L., Gu L., Cao X. Efficient treatment of brine wastewater through a flow-through technology integrating desalination and photocatalysis // Water Res. – 2019. – № 157. – P. 134-144. – DOI: 10.1016/j.watres.2019.03.058.
16. Волкова Е. С., Гисин В.Б. Меры возможности и внутренняя норма доходности инвестиционных проектов с нечетко определенными платежами // Вестник финансового университета. – 2014. – № 3. – С. 94-103.
17. Смоляк С. А. Оценка эффективности инвестиционных проектов в условиях риска и неопределенности (теория ожидаемого эффекта). – М.: Наука, 2012. – 158 с.

REFERENCES

1. State of the world's drinking-water: Executive summary. An urgent call to action to accelerate progress on ensuring safe drinking water for all. (January 3, 2023). World Health Organization, World Bank, UNICEF. Retrieved March 12, 2023, from https://cdn.who.int/media/docs/default-source/wash-documents/water-safety-and-quality/state-of-drinking-water-report_ex-summary_english.pdf?sfvrsn=9cb7ca6d_4&download=true.

2. Konnor, R. and Miletto, M. (2023). *Vsemirnyj doklad Organizacii Ob"edinennyh Nacij o sostoyanii vodnyh resursov, 2023 god. Partnerstvo i sotrudnichestvo v podderzhku vodnyh resursov*. 11 p. (In Russian).
3. *Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazahstana. Edinstvo naroda i sistemnye reformy – prochnaya osnova procvetaniya strany*. (2021). Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. Retrieved March 12, 2023, from <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-183048> (Data obrashcheniya: 12.03.2023).
4. Pervov, A. G., Kozlova, Yu. V., Andrianov, A. P. and Motovilova, N. B. (2006). *Razrabotka tekhnologii oчитki poverhnostnyh vod s pomoshch'yu nanofil'tracionnyh membrane*. *Membrany*, 1(29), 20-33 (In Russian).
5. Dytnerskij, Yu. I. (1986). *Baromembrannye processy*. Himiya, Moscow, 272 p. (In Russian).
6. Mulder, M. (2001). *Vvedenie v membrannuyu tekhnologiyu: transl. from Eng. A.Yu. Leonteva, G.P. Yampol'skij*. Moscow, 350 p. (In Russian).
7. Pontie, M. and et all. (2003). *Studies of halide ions mass transfer in nanofiltration -application to selective defluorination of blackisa drinking water*. *Desalination*, 157, 127-134.
8. Micari, M., Moser, M., Cipollina, A., Tamburini, A., Micale, G. and Bertsch, V. (2020). *Towards the implementation of circular economy in the water softening industry: a technical, economic and environmental analysis*. *J. Clean. Prod.*, 255, 120291, DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.120291.
9. Pei, X. and Song, L. (2020). *Technical research on environmental engineering of sewage treatment*. *IOP Conf. Ser. Earth Environ. Sci.*, 440, 042024, DOI: 10.1088/1755-1315/440/4/042024.
10. Yang, J., Monnot, M., Ercolei, L. and Moulin, P. (2020). *Membrane-based processes used in municipal wastewater treatment for water reuse: state-of-the-art and performance analysis*. *Membranes (Basel)*, 10, 1-56, DOI: 10.3390/membranes10060131.
11. Molinari, R., Lavorato, C. and Argurio, P. (2020). *Application of hybrid membrane processes coupling separation and biological or chemical reaction in advanced wastewater treatment*. *Membranes (Basel)*, 10, 1-30, DOI: 10.3390/membranes10100281.
12. Urriaga, A. M., Pérez, G., Ibañez, R. and Ortiz, I. (2013). *Removal of pharmaceuticals from a WWTP secondary effluent by ultrafiltration/reverse osmosis followed by electrochemical oxidation of the RO concentrate*. *Desalination*, 331, 26-34, DOI: 10.1016/j.desal.2013.10.010.
13. Pérez, G., Gómez, P., Ibañez, R., Ortiz, I. and Urriaga, A. M. (2010). *Electrochemical disinfection of secondary wastewater treatment plant (WWTP) effluent*. *Water Sci. Technol.*, 62, 892-897, DOI: 10.2166/wst.2010.328.
14. Liu, J., Zhao, M., Duan, C., Yue, P. and Li, T. (2021). *Removal characteristics of dissolved organic matter and membrane fouling in ultrafiltration and reverse osmosis membrane combined processes treating the secondary effluent of wastewater treatment plant*. *Water Sci. Technol.*, 83, 689-700, DOI: 10.2166/wst.2020.589.
15. Ye, G., Yu, Z., Li, Y., Li, L., Song, L., Gu, L. and Cao, X. (2019). *Efficient treatment of brine wastewater through a flow-through technology integrating desalination and photocatalysis*. *Water Res.*, 157, 134-144, DOI: 10.1016/j.watres.2019.03.058.
16. Volkova, E. S. and Gisin, V. B. (2014). *Mery vozmozhnosti i vnutrennyaya norma dohodnosti investicionnyh proektov s nechetko opredennymi platezhami*. *Vestnik finansovogo universiteta*, 3, 94-103 (In Russian).
17. Smolyak, S. A. (2012). *Ocenka effektivnosti investicionnyh proektov v usloviyah riska i neopredelennosti (teoriya ozhidaemogo effekta)*. M.: Nauka. 158 p. (In Russian).

**EVALUATION OF THE ECONOMIC EFFICIENCY OF THE MEMBRANE
METHOD FOR DRINKING WATER PREPARATION**

A. Azimov^{1*}, A. Kamshybayev¹, N. N. Isabayev¹

¹Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Membrane methods – reverse osmosis and nanofiltration – are attracting more and more attention in the context of providing the population with high-quality drinking water. Kazakhstan attaches high priority to this issue, realizing the growing scarcity of water resources.

The purpose of the study is to analyze the economic efficiency of the use of the membrane method for the preparation of drinking water.

Methodology. To achieve this goal, a methodology was used based on the evaluation of proposed technological solutions using net present value (NPV), yield index (IR) and internal rate of return (IRR).

Originality / value of the research. The study focuses on the economic efficiency of the membrane method of drinking water treatment. Currently, providing the population with high-quality drinking water is one of the main priorities of many countries, including Kazakhstan, due to the growing shortage of water resources. This study proposes a methodology for evaluating the cost-effectiveness of membrane methods such as reverse osmosis and nanofiltration using indicators such as NPV, ID and GNI. This allows you to make informed decisions about the selection of the most profitable innovative projects in the field of drinking water treatment. The study is of significant value because it provides practical recommendations and guidance for decision-making in the field of drinking water treatment, contributing to the provision of high-quality drinking water to the population and optimization of economic costs in Kazakhstan.

Findings. The paper considers a set of issues related to the economic assessment and selection of innovative projects for the preparation of drinking water by reverse osmosis and nanofiltration by calculating the net present value (NPV), the return index (IR) and the internal rate of return (IRR). The study calculated the return on investment using nanofiltration for stations with a capacity of 300.6 thousand m³/year. The authors found that, taking into account discounting, the payback period for projects according to the proposed method is 5 years.

Keywords: drinking water, membrane technology, reverse osmosis, nanofiltration, discounted income, return index, internal rate of return, payback period.

Acknowledgments: This study was carried out at the expense of program-targeted funding of project No. BR18574143 «Development and implementation of groundwater treatment technology and providing the population and animals of the agricultural enterprise with drinking water» by order of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

**АУЫЗ СУДЫ ДАЙЫНДАУДЫҢ МЕМБРАНАЛЫҚ ӘДІСІНІҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ
ТИІМДІЛІГІН БАҒАЛАУ**

А. АЗИМОВ^{1*}, А. КАМШЫБАЕВ¹, Н. Н. ИСАБАЕВ¹

¹М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Шымкент, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Халықты сапалы ауыз сумен қамтамасыз ету тұрғысында мембраналық әдістерге (кері осмос және нанофилтрация) қызығушылық артуда. Су ресурстары тапшылығының артып келе жатқанын түсіне отырып, Қазақстан үшін бұл мәселе маңызды басымдықтардың бірі болып табылады.

Зерттеудің мақсаты – ауыз суды дайындау үшін мембраналық әдісті қолданудың экономикалық тиімділігіне талдау жасау.

Әдіснамасы. Осы мақсатқа жету үшін таза дисконтталған кіріс (NPV), кірістілік индексі (IR) және ішкі кірістілік нормасы (IRR) көрсеткіштерін қолдана отырып, ұсынылған технологиялық шешімдерді бағалауға негізделген әдістеме қолданылды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Зерттеу ауыз суды дайындаудың мембраналық әдісінің экономикалық тиімділігіне бағытталған. Қазіргі уақытта халықты сапалы ауыз сумен қамтамасыз ету Су ресурстарының тапшылығының өсуіне байланысты көптеген елдердің, соның ішінде Қазақстанның басты басымдықтарының бірі болып табылады. Бұл зерттеу NPV, ID және GNI сияқты көрсеткіштерді қолдана отырып, кері осмос және нанофльтрация сияқты мембраналық әдістердің экономикалық тиімділігін бағалау әдісін ұсынады. Бұл ауыз суды дайындау саласындағы ең тиімді инновациялық жобаларды таңдау туралы ақпараттандырылған шешімдер қабылдауға мүмкіндік береді. Зерттеу маңызды құндылық болып табылады, өйткені ол халықты сапалы ауыз сумен қамтамасыз етуге және Қазақстандағы экономикалық шығындарды оңтайландыруға ықпал ете отырып, ауыз суды дайындау саласында шешімдер қабылдау үшін практикалық ұсыныстар мен басшылық береді.

Зерттеу нәтижелері. Жұмыста таза дисконтталған кірісті (NPV), кірістілік индексі (IR) және кірістіліктің ішкі нормасын (IRR) есептеу арқылы кері осмос және нанофльтрация әдістерімен ауыз суды дайындаудың инновациялық жобаларын экономикалық бағалауға және таңдауға байланысты мәселелер кешені қаралды. Зерттеуде өнімділігі жылына 300,6 мың м³ станциялар үшін нанофльтрацияны қолдана отырып, инвестициялардың қайтарымдылығын есептеу жүргізілді. Авторлар дисконттауды ескере отырып, ұсынылған әдіс бойынша жобалардың өтелу мерзімі 5 жыл екенін анықтады.

Түйін сөздер: ауыз су, мембраналық технология, кері осмос, нанофльтрация, дисконтталған кіріс, кірістілік индексі, ішкі кірістілік коэффициенті, өтелу мерзімі.

Алғыс: Бұл зерттеу ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің тапсырысы бойынша «Жер асты суларын тазарту технологиясын әзірлеп енгізу және тұрғындар мен ауыл шаруашылығы кәсіпорнының жануарларын ауыз сумен қамтамасыз ету» № BR18574143 жобасын бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру есебінен жүргізілді.

ОБ АВТОРАХ

Азимов Абдугани Муталович – PhD, Южно-Казахстанский университет имени М. Ауезова, Шымкент, Республика Казахстан, email: Azimov-78@mail.ru*

Камшыбаев Ахметали – кандидат технических наук, доцент Южно-Казахстанский университет имени М. Ауезова, Шымкент, Республика Казахстан, email: dani.akhmetali@mail.ru

Исабаев Нурпеис Нургалиулы – старший преподаватель Южно-Казахстанский университет имени М. Ауезова, Шымкент, Республика Казахстан, email: i_n.n@mail.ru

MPHTI: 06.73.65

JEL Classification: G21

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-2-129-140>

THE IMPACT OF FINANCIAL LITERACY AMONG KAZAKHSTANI STUDENTS ON VOLUME OF MICRO LOANS

M. M. Mukan¹, G. Malik¹, M. A. Mukametkaliyeva^{1*}

¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research is to show how insufficient financial literacy negatively affects not only the personal well-being of the population, but also the economy as a whole.

Methodology. Research work covers annual reports for 5 years from 2017 until 2021. Research uses primary and secondary data; authors conduct a survey and collect data from the official databases. Research is based on the survey of the OECD and is mixed done. Quantitative method of research is conducted by using R program. The qualitative method is conducted by a questionnaire among students of all regions of Kazakhstan (at least 100 participants).

Originality / value of the research: This research analyzes Kazakhstani students' level of financial literacy, as well as its effect on increasing number of micro loans. Also, there is no impact from the university's background: students financially illiterate or literate at the same level.

Findings. Amount of financially literate students is 45 % of all students who took part in a survey. Financial literacy index among students for 2022 is – 46,1. Both correlation and regression analyses show that the financial illiteracy positively affects the fast growth of microfinance organizations.

Conclusion: Financial literacy does not mean minimizing the use of consumer credit, but leads to more attentive analysis of loan takers from the side of credit organizations. The government should control MFOs by requiring more personal information about cash flows from students. It was also found that specialty and faculty do not affect main financial factors, as behavior, knowledge and attitude to finance. On the other hand, research shows that students should be financial literate from their academic studies, as this will influence not only their future financial situation but also the country's economy as a whole.

Keywords: students of Kazakhstan, financial literacy, financial behavior, financial attitude, financial crisis, microfinance organizations (MFO), overdue microcredits.

INTRODUCTION

As indicated by the OECD, financial proficiency is a blend of mindfulness, information, abilities, perspectives and ways of behaving that are important to go with the right financial choices and accomplish monetary prosperity [1]. Financial literacy is important. No matter what age a person is, financial literacy is very vital at any stage of his/her life. For example, young people need to control their personal financial resources; they also create different ideas, develop them and accumulate sources. The next level, middle-aged people already think about their future and retirement. Finally, retired people manage their accumulated funds. It means that at any life stage, people usually should manage, control, save and accumulate their savings. This is achieved more by financially literate people, rather than illiterate. So, financial literacy is getting more and more relevant nowadays.

However, after all, financial literacy is not some axioms or such prescriptions that you remember and act as you do. Financial literacy is an ability to respond adequately to the information that comes in. That is, to understand this information and make some decisions for yourself that will lead him to success rather than defeat [2]. Financial literacy nowadays is a very common term in identifying how the person can manage his/her financial resources. There are many surveys, which were conducted to identify if there is a «shortage» of

the financial literacy degree or not. If we take the earliest work of Lusardi and Mitchell, they found that there is a very small number of people over fifty years old, who can definitely analyze simple financial terms [3]. The later study of these authors also supported their previous result that about thirty percent of people, who have a college education, are financially literate and can calculate simple financial cases [4]. The study of Susan J. Crain provided analysis in terms of more than 400 universities and revealed that only some of them includes the subject of «Financial Literacy» as a compulsory one, while others consider it as an elective one. However, there are still some administration of universities who still think that the course of the financial literacy does not fulfill the main academic program. Such universities are against of including them as neither compulsory nor elective and suggest that this subject can be taught outside of the universities, as additional seminars or master classes [5].

Literature review. Moreover, there are a lot of studies of financial literacy of students and their ability to use the credit cards. For example, the study of Cliff A. Robb examines the relation of the financial literacy of students and their management of the credit cards. His outcomes shows that undergraduates could utilize those cards given the adverse results (both prompt and long term) related with credit wrong management. Explicit ways of behaving picked have been related with more prominent expenses of acquiring and adverse monetary outcomes before [6]. Other authors suggest that poor financial literacy and usage of the credit cards leads to leaving undergraduates covered in the debts before graduation, frequently with barely any chance of taking care of the obligation before high charges and interest rates [7]. Furthermore, there is a research found additional external factors influencing the students' financial literacy and their debts. These factors include parents' behavior to finance, gender and fear of credit cards [8].

All of these studies were held among students, using a wide sample of universities. The works, which are described above support the actuality of our article that the financial literacy is a very important factor even for students, or people who are under 21 years old. In Kazakhstan, there are also widespread credit cards, and specifically for students' micro financial organizations issue instant credit cards, which have higher interest rate and the cash limit is slightly lower than the market average. In this case, work experience and credit history are not assessed, the only condition is reaching the age of majority [9].

Nowadays, there are several methods to measure financial literacy. According to the research of the OECD, Kazakhstan takes only 13 points out of 21 literacy scores. Specifically, the financial literacy level was very low, just 3 out of 10. In Kazakhstan only, 30 percent reached the minimum score for financial attitude. People engaged in entrepreneurship and migrants are more literate than average people [10]. According to the Standard & Poor's survey, only 40 percent of adults are financially literate all over the world [11].

Additionally, the chairperson of the Agency for Regulation and Development of the Financial Market, Madina Abylkasymova, said that in March-June, every third customer of the bank (1.8 million Kazakhstanis) overdue loan repayments [12]. When it comes to local surveys, Sholpan Gaisina conducted surveys in rural areas of Kazakhstan. According to the survey, about 32 % of respondents estimated their level for 3; 26 % for 4 and 11 % for 5, while more than 6 % reported that they do not have any knowledge in finance. People living in rural areas do not have normal access to digital technology and educational knowledge that is why the level of literacy is low [13]. People who do not use a computer will have lower financial knowledge than those who did [1].

As per the European Bank for Reconstruction and Development (EBRD), the percentage of the «unbanked populace» in Kazakhstan in 2014 was around 40 %, the fundamental reasons being «excessively costly», «absence of cash», and «absence of trust» [14]. It is not the only research, which shows that one of the reasons why people are financially literate is that they do not trust financial institutions. An important attitude that slows the development of financial activity of the population is the distrust of the population of financial institutions [2].

It is important to notice that long-term financial strategies also indicate financial literacy, and their absence indicates its lack. The next problem, conducted by research is that people in Kazakhstan are not focused on the future. About 25 % of people in Kazakhstan focused more on now than the future [15].

At the same time, people have distrust of legal financial institutions, but trust in scammers with financial pyramids, microfinance organizations. Microfinance organizations allow everyone to take loan; however, people cannot properly use this opportunity and later on cannot handle the loans they take. According to the deputies, the low level of financial literacy, coupled with the desire to earn quickly, often push Kazakhstanis

to such actions [16]. Students are not the targeted group of micro financial organization, but even though these organizations are the only one that can give a loan for them. That is why the importance of this article is highlighted by the fact that there is a need to identify and measure the financial literacy of the students in Kazakhstan for further specific measures implementation. Clearly, the decisions of financial management of undergraduates make in universities impact what is going on after it. What's more, their financial circumstance during their education process can influence their academic behavior [17].

In 2020, all non-state-controlled creditors (pawnshops, credit partnerships, online lenders) unified with microfinance organizations (MFOs). MFOs have been under the supervision of the National Bank since 2016, and the Agency for Regulation and Development of the Financial Market. Net profit of MFOs for the first nine months of 2020 compared to the same period of 2019 remained almost at the same level – 18.5 billion tenge. At the same time, Erbol Omarkhanov noted that during the quarantine, the demand of the population for microloans provided online increased [18].

A high level of financial literacy makes it possible to use consumer credit more effectively, to prevent overdue debts [19]. In comparison with banks, microfinance organizations do not control properly to whom they are allowing loans, which is also financially illiterate. Borrowers, who later cannot handle their loans, put them in a bad position. However, this decision is financially illiterate from both sides.

One of the main events of 2020 in the microcredit sector was the unification of earlier. It was also proven that using services of micro financial organizations causes a shadow economy that has a bad influence on the country's economy and jeopardizes governmental affairs. Based on research conducted in Brazil, it was found the effects of monetary education on casual borrowing, like advances from close individuals and moneylenders [20].

All above-mentioned data is considered in our research. Research is conducted by measuring financial literacy among students. As it was indicated before, students are the specific group that should properly manage their financial resources for further development. The survey is based on OECD guidebook of how to score financial literacy. Survey also consists of three sections: knowledge, attitude and behavior [21]. Provided literature review shows that, the issue of «student and debt» is a very popular nowadays. However, in Kazakhstan there is a lack of research of this topic. As we know, banks usually require an ideal credit history, official employment, work experience, a stable income, and sometimes guarantors with collateral. Strict requirements do not allow everyone to pass through the filter. Students are considered as a potential group of clients of the microcredit organizations. The main requirement of such organizations for the implementation of material support for young unemployed people is their age (above 18 years old). Moreover, there are a lot of arguments among the researches in relation of the student's belongings to the faculty. Previous studies demonstrate that there are no distinctions in the degree of financial education in financial and non-financial undergraduates. Their outcome shows that financial matters undergraduate does not ensure they have higher personal financial literacy [22]. While, others' outcomes demonstrate that undergraduates with a business major are more monetarily proficient than undergraduates who have other majors [23].

Research will prove that low levels of financial literacy increases demand for microcredits, which has a negative effect on countries' economy.

MAIN PART

Methodology. According to the OECD, public reviews show that youngsters have among the negligible levels of financial capability. This is reflected by their general weakness to pick the right financial products and regularly a lack of concern for undertaking sound preparation of the monetary assets. Indeed, even since the beginning, children need to be assisted with picking either unique profession or training choices. That is why interaction from parents is a very important thing, as they make a fundamental decision in their children's lives [1]. Nevertheless, how parents can teach their children to save money and manage it effectively if they are also illiterate in a financial way?

The research have both: primary and secondary data. All secondary data was taken from the internet sources. Research work covers annual reports for 5 years (from 2017 until 2021). Financial literacy index by OECD, statistics about MFO (micro financial organizations) are main variables of research [18; 21]. Independent variables are number of microcredits and overdue microloans, while financial literacy is a dependent variable. Research is a mixed: quantitative method of research conducted by using R program (for data analysis) and

Microsoft Excel (for data collection). The qualitative method is conducted by making a survey among students of all regions of Kazakhstan and includes at least 100 participants.

Amount of loans (microcredits) – is an overall number of taken loans during the period from 2017 to 2021. With the help of this indicator, we can see the dynamics and the behavior of microcredits.

Net profit (loss) of MFOs – shows the real profit of the company after all deductions such as tax. By knowing net profit, we can see the effectiveness of MFO activities during the reporting period.

Assets of MFOs – a piece of the balance sheet mirroring the creation and worth of the MFOs' property on a specific date; a bunch of property claimed by an entrepreneur (in our case MFOs). With this indicator, we can eliminate the business value of the company and see how much the company owns.

Loans received, overdue credits – micro loans with overdue debts over 90 days. For the research, it is vital to see the difference between received and overdue loans.

Financial literacy index - is calculated as an average between the value of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) indicator (based on the 2015 methodology) and self-conducted survey. The last OECD survey was in 2017. Creating a new index is relevant for the research. Because it has a strong effect on the growth of microcredits.

The volume and structure of the sample totaled 102 students in age between 17-21 of all regions of Kazakhstan (72,55 % were students of economic and finance specializations, 27,45 % of other specializations (IT, tourism and hospitality, engineering, state and municipal administration, oil and gas business, logistics, law and sport). Gender results: 36 % of participants were female and 63 % male, 1 % decided not answer. Data collection was carried out by self-filling out online questionnaires in google forms. Students independently and anonymously filled out questionnaires in the presence of interviewers and a teacher. The questionnaire is based on financial literacy surveys of the OECD. It provided a survey for people in different countries (ages from 18 to 79), however in their research the agency tried to eliminate elderly, homemakers, students or the unemployed, based on fact that it would be bound to take part than would be the situation in a really irregular determination and the outcomes likely could be one-sided [21]. Our contribution to the previous research is that we measure financial literacy for students, because we suggest that students are considered as a vulnerable class and have a further impact on the economy through financial planning from the early age.

Sample and Data analysis. The research has three main parts. Firstly, we identify the knowledge of finance, then the behavior and attitude to the financial resources. Maximum points of each reply were taken from the OECD research.

1. Financial knowledge score. In this section, basic financial knowledge of students is analyzed. Maximum points – 12 (Table 1).

Table 1 – Financial knowledge section

Issue	Number of the question	Discourse	Points														
Definition knowledge of financial terms	Q-1.1	Students need to choose the terms familiar to them. There are stocks, bonds, mortgage, deposit, credit, insurance, pension plan, credit cards, debit cards.	For each term 1 point. Maximum is – 9. Only 43 % of responders got 9 points. Responders Amount of chosen answers <table border="1" style="margin-left: auto; margin-right: auto;"> <thead> <tr> <th>Responders</th> <th>Amount of chosen answers</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>13,73 %</td> <td>8</td> </tr> <tr> <td>5,88 %</td> <td>7</td> </tr> <tr> <td>5,88 %</td> <td>6</td> </tr> <tr> <td>0,98 %</td> <td>6</td> </tr> <tr> <td>1,96 %</td> <td>1</td> </tr> <tr> <td>2,94 %</td> <td>4</td> </tr> </tbody> </table>	Responders	Amount of chosen answers	13,73 %	8	5,88 %	7	5,88 %	6	0,98 %	6	1,96 %	1	2,94 %	4
Responders	Amount of chosen answers																
13,73 %	8																
5,88 %	7																
5,88 %	6																
0,98 %	6																
1,96 %	1																
2,94 %	4																

Time value of money	Q-1.2	Students need to suppose that they have several amounts of money on their and assume how it will change under certain interest rate and answer how much would they have in their account in 5 years.	Right answer is – more than \$ 102. For the right answer 1 point, in all other cases 0. 80 % of responder gave right answer. 11 students found it difficult to answer for that question and 5 students answered wrong.
Interest rate. Inflation	Q-1.3	Students need to assume how inflation rate effects on their savings account, if inflation rate more than interest rate.	Right answer – less than today. For right answer 1 point, in all other cases 0. 59 % of students answered correctly.
Mortgage	Q-1.4	True/ false question to analyze how students deals with mortgage understanding. They need to compare monthly payments of two different mortgages.	Right answer – TRUE. For right answer 1 point, in other cases 0. 53 % of students answered right.
Note – compiled by the author, based on OECD/INFE 2015 financial literacy score [21]			

2. Financial behavior score. In this section, students’ financial habits are analyzed. From this section, we can see how students manage their cash flows in their daily life (Table 2).

Table 2 – Financial behavior section

Issue	Number of the question	Discourse	Points
Monitoring of own cash flows	Q-2.1	The question is “Do you record your cashflows and outflows?” In survey. All answers: <ul style="list-style-type: none"> • yes, I constantly keep records and record all receipts and expenses • I keep records roughly, I know overall the amount of cash I possessed and how much was spent in a month • don't keep records, I don't have any idea of the amount of cash I possessed and how much was spent in a month • I do not keep records, because • I do not have my own personal financial resources • I do not keep records; I think it is impractical • I find it difficult to answer 	Right answer is – yes, I constantly keep records and record all receipts and expenses. For that, answer 1 point, in other cases 0. Only 14, 71 % answered correctly.
Trustworthy sources	Q-2.2	Question is aimed to see to whom students trust when they face issues with understanding financial terms and topics. The question is “Who would YOU contact first if they needed to know something about financial services”. Question has multiple choices.	Right answer is - independent financial advisor; Friends working in the financial sector. For right answer 1 point, in all other cases 0. 22,55 % chose right answer. Mostly students prefer to take advises from their parents and friend, as well as from internet.

Trustworthy sources, interest in financial literacy	Q-2.3	This question aimed to see interest in financial literacy and what sources they use. The question is “What information sources do you use to obtain information on financial literacy?” The answers: <ul style="list-style-type: none"> • mass media periodicals • TV • Internet, social networks • specialized periodicals about the world of finance • special literature about finance • advice from friends and acquaintances • do not use any of the above. 	Right answer is - specialized sources about the world of finance; Special literature about finance. For right answer 1 point, in all other cases 0. 46,08 % of students gave right answer.
Note – compiled by the author, based on OECD/INFE 2015 financial literacy score [21]			

3. Financial attitude score. General attitude to the financial world, especially to financial literacy. Maximum points – 2 (Table 3).

Table 3 – Financial attitude section

Issue	Number of the question	Discourse	Points
Self-assessment	Q-3.1	Do you consider yourself a financially literate person? Give an assessment of your knowledge and skills on a 5-point scale.	Students need assess their knowledge and skills on a scale of 1-5, where 1 is very bad and 5 is very good. Students who choose 5 gets 1 point, in other cases 0. 11,76 % students consider themselves as financially literate.
Necessity of financial literacy	Q-3.2	What students think about financial literacy courses at school?	Students need to rate of necessity on a scale of 1-5, where 1 is not necessary and 5 is very necessary. Students who choose 5 gets 1 point, in other cases 0. 76,47 % of students think it is necessary to add financial literacy at school.
Note – compiled by the author, based on OECD/INFE 2015 financial literacy score [21]			

4. Overall financial proficiency (literacy) score. The overall financial proficiency score is the amount of the three past segments (knowledge of finance (12), behavior to finance (3) and attitude to finance (2)). The maximum points are 17. Number of responders – 102. Amount of financially literate students is 45 % of all students participated in survey. According to our calculations, financial literacy index among students for 2022 is – 46, 1.

5. *Correlation and multiple linear regression analysis.* The analysis includes correlation and multiple linear regression. Here, we prove our suggestion that the students’ financial literacy affects the development of the MFOs that further leads to the borrower debt, NPL and gradually to the low country’s investment attractiveness. The independent variables are the amount of loans (microcredits), net profit of MFO, assets, loans received and overdue microloans. Dependent variable is the financial literacy index. For 2017 index by OECD (31,1) and for other years self-conducted index was used.

By using data that is provided in Table 4, correlation analysis was conducted. Overall correlation was between financial literacy index and indicators provided in Table 4 and the score is moderate-positive, which is

good and proves the research hypothesis.

Table 4 – Correlation analysis

Indicator	Pearson correlation	Conclusions
Amount of loans (microcredits)	0.5443049	Moderate-positive
Net profit of MFO	0.4981095	Moderate-positive
Assets	0.536213	Moderate-positive
Loans received	0.5989485	Moderate-positive
Overdue microcredits	0.4787879	Moderate-positive
Note – compiled by the author		

To be more certain linear regression analysis was also conducted (Table 5). It was based on two hypotheses. Null hypothesis says that a financial literacy score has no effect on growth of micro financial organizations. Alternative hypothesis states that dependent variables and independent variables have strong relationships. The formula used in research for the multiple linear regression is:

$$Y_{finlitinde} = b1npMFO + b2assets + b3loans + b4overdueloans + b5amountMC + E \quad (1)$$

where,

$Y_{finlitindex}$ – financial literacy index

$b1npMFO$ – net profit of MFO;

$b2 assets$ – MFO assets;

$b3 loans$ – issued loans;

$b4 overdue loans$ – non-performing loans (over 90 days);

$b5 amountMC$ – amount of loans (microcredits)

E – error.

Table 5 – Regression analysis

Coefficients:				
Variables	Estimate	St. Error	t-value	Pr(> t)
(Intercept)	48.3787731	9.8968019	4.888	0.00452 **
Net.profit.of.MFO	0.0011274	0.0005777	1.951	0.10847
Assets	-0.0006187	0.0002281	-2.713	0.04212 *
Loans.received	0.0007521	0.0002366	3.179	0.02456 *
Overdue.microcredits	0.0008247	0.0004903	1.682	0.15338
Amount.of. microcredits	-0.0003223	0.0002301	-1.401	0.23386
Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1				
Residual standard error: 3.823 on 5 degrees of freedom (1 observation deleted due to missingness)				
Multiple R- squared: 0.797		Adjusted R-squared: 0.6346		
F- statistic: 4.908 on 4 and 5 DF		p-value: 0.05556		
Note – compiled by the author				

Results. According to our results, p-value is 0,05, which means that alternative hypotheses can be accepted. As a combination for p-value, the F statistics of analysis are also significant. The standard error is used to mea-

sure the statistical accuracy of the estimation. Standard error equals 3.823, which is not that much, meaning that the lower standard error the more representative your data is. Both r-squared: multiple and adjusted more than 0,5, which shows that variance of financial literacy index explained by the statistical data of microfinance organizations. R-squared scores do not differ too much ($=0,1$), so we can ignore it.

To conclude all above mentioned, both correlation and regression analyses show that the financial illiteracy positively affects the fast growth of microfinance organizations. In other words, financially illiterate students usually take loans from such organizations, in spite of the fact that they do not have permanent income. There is a proportional relationship between the level of financial literacy and the number of overdue microcredits (the correlation coefficient is about -0.5). At the same time, financial literacy does not mean minimizing the use of consumer credit, but leads to more attentive analysis of loan takers from the side credit organizations. It is found that specialty and faculty do not affect financial behavior, financial knowledge and financial attitude. Financial literacy remains low even among students from economical faculties, which shows us that specialty does not play a role when it comes to financial literacy.

IMPLICATION AND CONCLUSION

The conducted research shows statistically significant links between financial literacy and the level of credit activity. In our opinion, MFOs should borrow funds that a student can handle by requiring more personal information about cash flows. Moreover, as we identified that the sphere of the education does not influence on the financial literacy, there should be launched a course of the financial literacy on the compulsory academic level. As, a university studies play a very important role on the formation of personality. Further, people will be more careful with their financial sources and be attentive to the financial planning process, which gradually will lead to the low non-performing loans. Overdue credits usually show that people cannot allow many things for cash and take loans for the consumer needs. This is a main indicator of a country's stagnation. Through many internal and external factors, financial literacy affects economic growth.

Conducted index can be used in further research. Results from surveys also can be useful for researchers aimed to learn the student's mindset. Generally, this research is different from others, as it is analyzing Kazakhstani students' level of financial literacy, as well as its effect on increase of microcredits.

Limitations and Directions for Future Research. Research has some limitations, but provides some opportunities for further research. Overall number of responders – 102. In further research, it will be better to consider more respondents from all regions and different educational backgrounds.

REFERENCES

1. OECD. Levels of Financial Literacy in Eurasia // OECD International Network on Financial Education (OECD/INFE). – 2018. – 66 p.
2. Кузина О. Везде по миру основная проблема с финансовой грамотностью [Electronic resource] // Forbes.ru [website]. – 2016. – URL: <https://www.forbes.ru/novosti/ekonomika/332515-olga-kuzina-vezde-po-miru-osnovnaya-problema-s-finansovoi-gramotnostyu> (Accessed: 20.02.2022).
3. Lusardi A. Financial literacy and financial education: Review and policy implications // NFI Policy Brief. – 2006. – № 2006-PB. – P. 11.
4. Lusardi A., Mitchell O. S. Baby boomer retirement security: The roles of planning, financial literacy, and housing wealth // Journal of monetary Economics. – 2007. – № 54(1). – P. 205-224.
5. Crain S. J. Are universities improving student financial literacy? A study of general education curriculum // Journal of Financial Education. – 2013. – № 39(1/2). – P. 1-18.
6. Robb C. A. Financial knowledge and credit card behavior of college students // Journal of family and economic issues. – 2011. – № 32(4). – P. 690-698.
7. Ludlum M. et al. Financial Literacy and Credit Cards: A Multi-Campus Survey // International Journal of Business and Social Science. – 2012. – № 7(3). – P. 25-33.
8. Hancock A. M., Jorgensen B. L., Swanson M. S. College students and credit card use: The role of parents, work experience, financial knowledge, and credit card attitudes // Journal of family and economic issues. – 2013. – № 34(4). – P. 369-381.

9. MyBuh.kz [Electronic resource] // Онлайн бухгалтерия №1 в Казахстане [web-portal]. – URL: <https://finreg.kz/?docid=3322&switch=russian> (Accessed: 17.03.2022).
10. OECD. Policy Handbook on Financial Education for Young People in the Commonwealth of Independent States (CIS). – 2019. – 130 p.
11. S&P. S&P Global Financial Literacy Survey. Participating Countries [Electronic resource] // Global Financial Literacy Excellence Center (GFLEC) [website]. – 2016. – URL: <https://gflec.org/wp-content/uploads/2016/02/Gallup-country-list-with-score.pdf> (Accessed: 20.02.2022).
12. Калмурат А. Кредит, чтобы погасить кредит. Казахстанцы задолжали банкам больше, чем смогут оплатить [Electronic resource] // Радио Азаттық [website]. – 2020. – URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-number-of-loans-increase-whose-fault-is-that/30969186.html> (Accessed: 20.02.2022).
13. Gaisina S. Financial literacy in rural areas of Kazakhstan – determinants and characteristics // 13th European IFSA Symposium. – Chania, 2018. – P. 1-18.
14. Kapparov K. Financial inclusion and financial financial literacy in Kazakhstan // ADBI Working Paper Series. – 2018. – № 876. – 21 p.
15. Логинова О. Финансовая грамотность в Казахстане: фантомная идея или необходимость? [Electronic resource] // Vlast.kz [web-portal]. – 2019. – URL: <https://vlast.kz/jekonomika/34113-finansovaa-gramotnost-v-kazahstane-fantomnaa-idea-ili-neobhodimost.html> (Accessed: 21.02.2022).
16. Логинова О. Финансовая грамотность в Казахстане: фантомная идея или необходимость? [Electronic resource] // Vlast.kz [web-portal]. – 2019. – URL: <https://vlast.kz/jekonomika/34113-finansovaa-gramotnost-v-kazahstane-fantomnaa-idea-ili-neobhodimost.html> (Accessed: 21.02.2022).
17. Ibrahim D. I. D., Harun R., Isa Z. M. A study on financial literacy of Malaysian degree students // Cross-cultural communication. – 2010. – № 5(4). – P. 51-59.
18. Текущее состояние микрофинансовых организаций Республики Казахстана 2-17-2021 [Electronic resource] // Агентство Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка [web-portal]. – 2017-2021. – URL: <https://finreg.kz/?docid=3322&switch=russian> (Accessed: 17.03.2022).
19. Financial education in Kazakhstan [Electronic resource] // OECD [website]. – 2017. – URL: <https://www.oecd.org/financial/education/globalpartnerships/cis/financial-education-in-kazakhstan.htm> (Accessed: 21.02.2022).
20. Santos D. B., Mendes-da-Silva W., Gonzalez L. Lower financial literacy induces use of informal loans // Revista de Administração de Empresas. – 2018. – № 58(1). – P. 1-31.
21. OECD. Guide to creating financial literacy scores and financial inclusion indicators using data from OECD/INFE 2015 financial literacy survey [Electronic resource] // OECD [web-portal]. – 2016. – URL: <https://www.oecd.org/finance/financial-education/Guide-2015-Analysis-Fin-Lit-Scores.pdf> (Accessed: 01.03.2022).
22. Rafinda A., Gal T. Financial Literacy of Economics and non-Economics Student // SHS Web of Conferences. – EDP Sciences, 2020. – № 86. – Article 01018.
23. Chen H., Volpe R. P. An analysis of personal financial literacy among college students // Financial services review. – 1998. – № 7(2). – P. 107-128.

REFERENCES

1. OECD. (2018). *Levels of Financial Literacy in Eurasia*. OECD International Network on Financial Education (OECD/INFE). 66 p.
2. Kuzina, O. (2016). Vezde po miru osnovnaya problema s finansovoj gramotnost'yu. *Forbes.ru*. Retrieved February 20, 2022, from <https://www.forbes.ru/novosti/ekonomika/332515-olga-kuzina-vezde-po-miru-osnovnaya-problema-s-finansovoi-gramotnostyu> (In Russian).
3. Lusardi, A. (2006). Financial literacy and financial education: Review and policy implications. *NFI Policy Brief, 2006-PB*, 11.
4. Lusardi, A. and Mitchell, O. S. (2007). Baby boomer retirement security: The roles of planning, financial literacy, and housing wealth. *Journal of monetary Economics*, 54(1), 205-224.

5. Crain, S. J. (2013). Are universities improving student financial literacy? A study of general education curriculum. *Journal of Financial Education*, 39(1/2), 1-18.
6. Robb, C. A. (2011). Financial knowledge and credit card behavior of college students. *Journal of family and economic issues*, 32(4), 690-698.
7. Ludlum, M. et al. (2012). Financial Literacy and Credit Cards: A Multi-Campus Survey. *International Journal of Business and Social Science*, 7(3), 25-33.
8. Hancock, A. M., Jorgensen, B. L. and Swanson, M. S. (2013). College students and credit card use: The role of parents, work experience, financial knowledge, and credit card attitudes. *Journal of family and economic issues*, 34(4), 369-381.
9. MyBuh.kz. (n. d.). *Onlajn buhgalteriya №1 v Kazahstane*. Retrieved March 17, 2022, from <https://finreg.kz/?docid=3322&switch=russian> (In Russian).
10. OECD. (2019). *Policy Handbook on Financial Education for Young People in the Commonwealth of Independent States (CIS)*. 130 p.
11. S&P. (2016). S&P Global Financial Literacy Survey. Participating Countries. *Global Financial Literacy Excellence Center (GFLEC)*. Retrieved February 20, 2022, from <https://gflec.org/wp-content/uploads/2016/02/Gallup-country-list-with-score.pdf>.
12. Kalmurat, A. (2020). Kredit, chtoby pogasit' kredit. Kazahstancy zadolzjali bankam bol'she, chem smogut oplatit'. *Radio Azattyk*. Retrieved February 20, 2022, from <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-number-of-loans-increase-whose-fault-is-that/30969186.html> (In Russian).
13. Gaisina, S. (2018). Financial literacy in rural areas of Kazakhstan – determinants and characteristics. *13th European IFSA Symposium*. Chania, 1-18.
14. Kapparov, K. (2018). Financial inclusion and financial financial literacy in Kazakhstan. *ADB Working Paper Series*, 876, 21 p.
15. Loginova, O. (2019). Finansovaya gramotnost' v Kazahstane: fantomnaya ideya ili neobhodimost'? *Vlast.kz*. Retrieved February 21, 2022, from <https://vlast.kz/jekonomika/34113-finansovaa-gramotnost-v-kazahstane-fantomnaa-idea-ili-neobhodimost.html> (In Russian).
16. Loginova, O. (2019). Finansovaya gramotnost' v Kazahstane: fantomnaya ideya ili neobhodimost'? *Vlast.kz*. Retrieved February 21, 2022, from <https://vlast.kz/jekonomika/34113-finansovaa-gramotnost-v-kazahstane-fantomnaa-idea-ili-neobhodimost.html> (In Russian).
17. Ibrahim, D. I. D., Harun, R. and Isa, Z. M. (2010). A study on financial literacy of Malaysian degree students. *Cross-cultural communication*, 5(4), 51-59.
18. Tekushchee sostoyanie mikrofinansovykh organizacij Respubliki Kazahstana 2-17-2021. (2017-2021). *Agentstvo Respubliki Kazahstan po regulirovaniyu i razvitiyu finansovogo rynka*. Retrieved March 17, 2022, from <https://finreg.kz/?docid=3322&switch=russian> (In Russian).
19. Financial education in Kazakhstan. (2017). *OECD website*. Retrieved February 21, 2022, from <https://www.oecd.org/financial/education/globalpartnerships/cis/financial-education-in-kazakhstan.htm>.
20. Santos, D. B., Mendes-da-Silva, W. and Gonzalez, L. (2018). Lower financial literacy induces use of informal loans. *Revista de Administração de Empresas*, 58(1), 1-31.
21. OECD. (2016). Guide to creating financial literacy scores and financial inclusion indicators using data from OECD/INFE 2015 financial literacy survey. *OECD*. Retrieved March 1, 2022, from <https://www.oecd.org/finance/financial-education/Guide-2015-Analysis-Fin-Lit-Scores.pdf>.
22. Rafinda, A. and Gal, T. (2020). Financial Literacy of Economics and non-Economics Student. SHS Web of Conferences. *EDP Sciences*, 86, 01018.
23. Chen, H. and Volpe, R. P. (1998). An analysis of personal financial literacy among college students. *Financial services review*, 7(2), 107-128.

ҚАЗАҚСТАНДЫҚ СТУДЕНТТЕР АРАСЫНДАҒЫ ҚАРЖЫЛЫҚ САУАТТЫЛЫҚТЫҢ МИКРОКРЕДИТТЕР КӨЛЕМІНЕ ӘСЕРІ

М. М. Мұқан¹, Г. Малик¹, М. А. Мукаметкалиева^{1*}

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты – қаржылық сауаттылықтың төмен деңгейі халықтың жеке басының әл-ауқатына ғана емес, жалпы экономикаға қалай кері әсер ететінін көрсету.

Әдіснамасы. Зерттеу жұмысы 2017-2021 жылдар аралығындағы 5 жылдық есептерді қамтиды. ЭЫДҰ қаржылық сауаттылық индексі, МҚҰ (микро қаржы ұйымдары) туралы статистикалық деректер зерттеудің айнымалдары алынды. Тәуелсіз айнымалылар ретінде микрокредиттер мен мерзімі өткен микрокредиттер саны, ал тәуелді айнымалылар ретінде – қаржылық сауаттылық индексі таңдалды. Зерттеудің сандық әдісі R және Microsoft Excel қолдану арқылы жүргізілді. Сапалы әдіс Қазақстан студенттері арасында сауалнама жүргізу арқылы жүргізілді және оған кемінде 100 қатысушы кірді.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Бұл зерттеу қазақстандық студенттердің қаржылық сауаттылық деңгейін, сонымен қатар оның шағын несиелер санын арттыруға әсерін талдайды. Сондай-ақ, университеттің дайындық бағытының әсері жоқ; студенттердің қаржылық сауатсыздығы немесе сауаттылығы бірдей деңгейде.

Зерттеу нәтижелері. Қаржылық сауатты студенттер саны сауалнамаға қатысқан барлық студенттердің 45 % құрайды. Оқушылардың қаржылық сауаттылығының индексі 2022 жылға 46,1. Корреляциялық және регрессиялық талдаулар қаржылық сауатсыздық микроқаржы ұйымдарының қарқынды өсуіне оң әсер ететінін көрсетеді.

Түйін сөздер: Қазақстан студенттері, қаржылық сауаттылық, қаржылық дағдарыс, қаржылық мінез-құлқ, қаржылық көзқарас, микроқаржы ұйымдары (МҚҰ), мерзімі өткен микрокредиттер.

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ СРЕДИ КАЗАХСТАНСКИХ СТУДЕНТОВ НА ОБЪЕМ МИКРОКРЕДИТОВ

М. М. Мұқан¹, Г. Малик¹, М. А. Мукаметкалиева^{1*}

¹Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования показать, как низкий уровень финансовой грамотности негативно влияет не только на личном благосостоянии населения, но и на экономике в целом.

Методология. Исследовательская работа охватывает годовые отчеты за 5 лет с 2017 по 2021 год. В исследованиях используются первичные и вторичные данные; авторы проводят опрос и собирают данные из официальных баз данных. Исследование основано на опросе ОЭСР и носит смешанный характер. Количественный метод исследования проводится с помощью программы R. Качественный метод проводится путем анкетирования студентов всех регионов Казахстана (не менее 100 участников).

Оригинальность / ценность исследования. В данном исследовании анализируется уровень финансовой грамотности казахстанских студентов, а также его влияние на увеличение количества микрокредитов. Также нет влияния направления подготовки вуза: студенты финансово неграмотны или грамотны на одном и том же уровне.

Результаты исследования. Количество финансово грамотных студентов составляет 45 % от всех студентов, принявших участие в опросе. Индекс финансовой грамотности студентов на 2022 год

составляет – 46,1. Как корреляционный, так и регрессионный анализ показывают, что финансовая неграмотность положительно влияет на быстрый рост микрофинансовых организаций.

Ключевые слова: студенты Казахстана, финансовая грамотность, финансовый кризис, финансовое поведение, финансовое отношение, микрофинансовые организации (МФО), просроченные микрокредиты.

ABOUT THE AUTHORS

Mukan Moldir Maratkyzy – master of economic sciences, senior teacher, Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: moldir.mukan@narxoz.kz

Malik Gaukhar – junior researcher, student, Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: gaukhar.malik@narxoz.kz

Mukametkalieva Makhabbat Auhanovna – master of economic sciences, senior teacher, Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: makhabbat.mukhametkalieva@narxoz.kz*

MPHTI 06.73.07

JEL Classification: G00; G18

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-2-140-152>

ФИНАНСОВАЯ ИНКЛЮЗИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И КАЗАХСТАНСКИЙ КЕЙС

С. А. Святгов¹, Д. Ю. Бендюк^{1*}

¹Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Целью исследования является изучение международного опыта внедрения финансовой инклюзии, идентификация текущей ситуации с ее уровнем в Казахстане, адаптация хорошо рекомендовавших себя в других странах форм и методов вовлечения населения в финансовые сервисы, определение приоритетных для страны направлений научных исследований в этой области.

Методология исследования реализована путем изучения научной литературы в этой области, имеющегося международного опыта и практики внедрения финансовой инклюзии, участия государственных органов в разных странах в этом процессе. В работе использованы методы сравнительного и системного анализа. В рамках исследования выявлены как общие тренды, так особенности внедрения финансовой инклюзии в условиях Казахстана.

Оригинальность / ценность исследования подтверждается отсутствием комплексных научных исследований, анализирующих эти процессы в Казахстане, показана текущая ситуация по уровню доступности финансовых сервисов и имеющимся здесь проблемам, а также возможности практической адаптации позитивного международного опыта.

Результаты исследования показывают реальную ситуацию с доступностью финансовых сервисов в стране и определяют необходимые меры по повышению уровня вовлеченности населения, в том числе совершенствование действующего законодательства, а также разработку заинтересованными сторонами Национальной программы по внедрению финансовой инклюзии.

Полученные выводы и рекомендации могут быть полезны при проведении новых исследований в приоритетных научных направлениях, определенных в статье.

Ключевые слова: финансовая инклюзия, финансовая доступность, финансовая стабильность, бедность, неравенство, инклюзивный рост, банковская инклюзия, финтех, блокчейн, криптовалюты, мобильные банковские приложения.

ВВЕДЕНИЕ

Расширение доступности финансовых услуг, как свидетельствуют проведенные в разных странах исследования, является существенным резервом укрепления финансовой стабильности и повышения эффективности национальных экономик.

Многие западные исследователи приводят эмпирические доказательства, подтверждающие положительную корреляцию между уровнем финансовой доступности и достижением инклюзивного роста. Исходя из этого, расширение доступа к финансовым услугам рассматривается как эффективный путь для улучшения жизни социально уязвимых слоев населения. Экономический рост обеспечивается через устранение финансовой изоляции больших групп населения, которые ранее не были вовлечены в финансовые сервисы. Это позволяет последним получать доходы, создавать дополнительные рабочие места, правильно управлять имеющимися денежными потоками, инвестировать полученные средства в новые финансовые продукты, повышая тем самым устойчивость к экономическим спадам и улучшая свой жизненный уровень. Данный процесс в западной научной литературе и официальных документах международных организаций получил название «*финансовая инклюзия*».

По данным проведенного в 2021 году Мировым банком (World bank) обзора Global Financial Inclusion Index (Global Findex) более 2 млрд. взрослого населения в мире не имели счета в финансовых организациях. По этим же данным из 3,1 млрд. взрослых, уже имевших счета, 97 % их находились в официальных финансовых институтах (преимущественно в банках) [1].

Масштаб влияния финансовой инклюзии на инклюзивный рост и снижение бедности зависит от уровня экономического развития страны и регионов, степени институциональной зрелости, наличия соответствующего законодательства и адекватного регулирования и т. д. Имеющиеся эмпирические доказательства свидетельствуют о том, что финансовая инклюзия влияет как на повышение уровня занятости и экономического роста, так и на снижение бедности и неравенства, улучшение здоровья и образования населения [2]. Вместе с тем можно наблюдать разную степень влияния различных видов финансовой инклюзии на инклюзивный рост. Так, доступ к банковским кредитам и финансовым рынкам, имеют более сильное влияние на экономический рост, чем другие виды.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обзор литературы. В научной литературе постсоветских стран для описания финансовой инклюзии широко используются два тесно взаимосвязанных между собой термина: **доступность** финансовых услуг и **вовлеченность** населения в эти сервисы. Проводится различие между **возможностью** доступа к финансовым сервисам, таким как банковские счета, кредиты, страхование, инвестиции и т. д., с одной стороны, и **реальным** (фактическим) **использованием** этих возможностей, с другой стороны. Иными словами, вовлеченность характеризует уровень фактического использования населением финансовых сервисов. Такое разделение между имеющимися условиями (потенциалом) и реальным их использованием имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, особенно при разработке механизма углубления финансовой инклюзии в конкретных социально-экономических условиях.

Теоретические и практические вопросы финансовой инклюзии остаются предметом активного изучения и обсуждения, в том числе на уровне различных международных финансовых организаций (Всемирный Банк, Организация экономического сотрудничества и развития, Международный валютный фонд, Азиатский банк развития и др.).

В настоящее время большинство исследований и отчетов посвящено анализу этих процессов на примере развивающихся экономик. Это во многом связано с тем фактом, что для указанных стран финансовая инклюзия является важнейшим и существенным фактором экономического роста и средством решения многих социальных проблем. Анализируемые страны значительно отличаются друг от друга как по размерам и уровню развития своих экономик, так и по важности и актуальности для своих

стран, стоящих перед ними задач в этом направлении. Вместе с тем, при решении данной задачи они сталкиваются с одинаковыми проблемами, большинство из которых характерно и для Казахстана.

Высокую международную значимость проблемы финансовой инклюзии подчеркивает и тот факт, что Всемирный банк начиная с 2011 года начал публиковать Отчеты, в которых анализирует доступность и использование финансовых услуг в разных странах мира, а также роль финтех в развитии финансовой инклюзии. Отчеты основываются на данных, собранных в рамках Global Findex Survey, который проводится Всемирным банком в более чем 140 странах [3].

Проведенный анализ содержания многочисленных международных публикаций показывает, что единого общепринятого определения понятия «финансовая инклюзия» нет.

Так, аналитическим центром «Center for Financial Inclusion» (CFI) дано следующее определение финансовой доступности «...положение в котором каждый, кто может его использовать, имеет доступ к полному набору качественных услуг по доступным ценам, предоставляемых рядом поставщиков на конкурентном рынке, удобным способом и с уважением к человеческому достоинству клиентов» [4].

Группа Всемирного банка рассматривает финансовую инклюзию как «...доступность физическим и юридическим лицам полезных и недорогостоящих финансовых продуктов, и услуг, которые отвечают их потребностям – транзакций, платежей, сбережений, кредитов и страхования – предоставляемым ответственным и устойчивым способом». Исходя из данного определения основными элементами финансовой доступности являются: продукты (платежи, сбережения, страхование, кредитование), характеристики (ценовая доступность, физическая доступность, удобство, качество (включая защиту потребителей)) и каналы (точки доступа, инфраструктура, институты, клиенты) [5].

Международная организация «Альянс за финансовую инклюзию» (Alliance for Financial Inclusion (AFI)), объединяющая центральные банки и финансовые регуляторы более чем 90 стран мира, выделяет четыре важных аспекта финансовой инклюзии: физическая доступность (**Access**), качество финансовых услуг (**Quality**), непосредственное пользование услугами (**Usage**), благосостояние клиентов (**Welfare**) [6].

Организация экономического сотрудничества (ОЭСР) определяет финансовую доступность как «... процесс содействия недорогостоящему, своевременному и адекватному доступу к регулируемым финансовым продуктам и услугам, и расширению их использования всеми сегментами общества посредством реализации адаптированных существующих и инновационных подходов, включая финансовую осведомленность и образование, с целью поддержания финансового благополучия, а также экономической и социальной интеграции» [7].

Как видно из приведенных выше определений, многие международные организации используют хотя и разные, но схожие дефиниции, суть которых заключается в том, что каждый человек должен иметь возможность реализовать на практике свое право пользоваться финансовыми продуктами и услугами, необходимыми для полноценного участия в современном обществе и обеспечения достойного уровня и качества жизни. Такой подход предполагает необходимость включения в этот процесс всех групп и категорий населения, в том числе и тех, которые по разным причинам ранее не имели доступа к финансовым услугам (сельское население, женщины-домохозяйки, пенсионеры, студенты, мигранты и т. д.).

Поэтому наиболее общее определение финансовой инклюзии сводится к определению его как процесса создания необходимых условий и обеспечения широкого доступа граждан и компаний к различным финансовым продуктам и услугам, которые помогают повышать свой уровень и качество жизни и участвовать в экономической жизни страны.

Результаты и обсуждения. Анализ наиболее значимых международных публикаций по данной проблеме позволил нам сделать следующие обобщения и выводы:

Цель финансовой инклюзии – повышение экономической активности и социальной стабильности, снижение неравенства и бедности путем обеспечения равных возможностей доступа к финансовым услугам и продуктам для разных категорий населения и бизнеса, которые по разным причинам ранее не были охвачены финансовым сервисом.

Объект воздействия: население и предприниматели, которые не имеют постоянного и устойчивого доступа к финансовым услугам. Это - люди с низким уровнем дохода, безработные, индивидуальные предприниматели и малые предприятия, мигранты, маломобильные лица, пенсионеры, население отдаленных сельских районов и другие уязвимые группы населения.

Отдельная категория населения, которая недостаточно вовлечена в активную экономическую жизнь – инвалиды. По оценкам Всемирного банка от 5 до 7 % ВВП ежегодно теряется из-за экономического отчуждения людей с ограниченными возможностями [8]. По состоянию на начало 2022 года в Казахстане насчитывалось около 700 тысяч человек с инвалидностью, из них почти 420 тыс. человек в трудоспособном возрасте.

Средства и методы достижения цели: открытие и ведение банковских счетов, проведение различных платежей, выдача кредитов, инвестирование в финансовые инструменты, страхование и др.

Основные барьеры, мешающие росту финансовой инклюзии: низкий уровень финансовой грамотности вместе с недостаточной информированностью, высокие финансовые затраты на открытие и ведение банковских счетов, сложные бюрократические процедуры и т. д.

Технологические инновации и финансовая инклюзия: Использование новых технологий, таких как мобильные приложения и цифровые платежные системы, способствуют увеличению уровня финансовой инклюзии, развитию конкуренции между финансовыми институтами за клиентов. Большой потенциал развития заложен в блокчейн-технологиях и криптовалютах.

Социальный эффект финансовой инклюзии: создание дополнительных рабочих мест, расширение доступа к услугам здравоохранения, образования и другим социальным услугам, выравнивание уровня доходов различных групп населения, преодоление бедности.

Государство и финансовая инклюзия: расширение и углубление финансовой инклюзии является одной из важнейших задач национальных правительств, частью общей национальной стратегии экономического развития, а во многих случаях отдельной национальной программой, объединяющей и направляющей усилия всех стейкхолдеров – неправительственных организаций, различных ассоциаций, муниципальных союзов и объединений, финансовых институтов.

Исследования, проведенные в разных странах, показывают, что основным драйвером внедрения финансовой инклюзии являются банки [9].

Вместе с тем традиционное банковское обслуживание связано с довольно высокими издержками для таргетируемой группы населения с их низким уровнем доходов и их нерегулярностью. Поэтому предоставление финансовых услуг таким клиентам могут стать экономически выгодными для банков только в случае использования простых бизнес-моделей, тесного сотрудничества с правительством, местными властями, различными сообществами и неправительственными организациями. Наиболее эффективным инструментом удешевления здесь является использование цифровых технологий. Все это сопряжено с необходимостью обучения потенциальных клиентов финансовой грамотности и навыкам использования цифровых технологий.

В разных регионах мира, особенно в быстро растущих экономиках, накоплен разнообразный опыт внедрения финансовой инклюзии. Изучение этого опыта, адаптация применяемых там наиболее эффективных стратегий в конкретных местных условиях является актуальным направлением расширения доступности финансовых услуг в Казахстане.

Для Казахстана критически важным долгое время оставались факторы, связанные с развитостью финансовой, транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, физическим наличием филиалов, отделений и точек продаж финансовых институтов в отдаленных сельских населенных пунктах. Отсутствие во многих населенных пунктах филиалов и отделений коммерческих банков было основным препятствием для существенного прогресса в этом направлении. Представление о современной территориальной локализации бизнеса и точек продаж коммерческих банков дает таблица 1.

Таблица 1 – Основные показатели территориального размещения бизнеса, банкоматов и POS терминалов на 01.04.2023 г.

Показатели				
	Количество POS - терминалов (шт.)	Количество банкоматов (шт.)	Количество предпринимателей (ед.)	Количество торговых точек (шт.)
Итого по Казахстану, в т.ч.	867 685	12 436	649 571	850 804
Акмолинская обл.	29 042	400	21 503	27 200
Актюбинская обл.	42 157	612	33 371	41 288
Алматинская обл.	61 293	531	58 264	81 576
Атырауская обл.	33 390	592	24 922	32 161
Восточно-Казахстанская обл.	49 544	930	36 585	45 284
Жамбылская обл.	29 737	530	27 295	29 585
Западно-Казахстанская обл.	30 792	441	22 538	28 507
Карагандинская обл.	62 603	1 086	43 797	56 085
Костанайская обл.	41 071	485	26 089	36 676
Кызылординская обл.	21 513	404	23 162	23 958
Мангистауская обл.	37 268	601	28 627	37 477
Павлодарская обл.	39 966	587	24 477	34 772
Северо-Казахстанская обл.	18 997	341	12 004	16 610
Туркестанская обл.	22 665	431	32 350	25 975
г. Алматы	183 932	2 267	110 842	175 068
г. Шымкент	46 993	749	39 716	51 563
г. Астана	116 722	1 449	84 029	107 019
Примечание – данные из источника [10]				

Как видно из данных таблицы, на три мегаполиса страны (Алматы, Астана, Шымкент) приходится 40 % POS-терминалов и 36 % всех банкоматов. А учитывая то, что в областях банкоматы и POS-терминалы преимущественно находятся в областных центрах и крупных городах, то доступ сельского населения к имеющимся точкам продаж финансовых услуг сильно затруднен.

По мере ускорения цифровизации традиционно высокие входные барьеры на региональные финансовые рынки во всем мире стали исчезать. Сегодня ведущие коммерческие банки в развивающихся странах демонстрируют разнообразные формы взаимодействия с клиентами в отдаленных сельских районах через установку банкоматов, различных платежных киосков, услуги партнерских организаций (мелких и средних банков, микрокредитных и микрофинансовых организаций), различных агентов. Но основным средством и каналом продвижения финансовых услуг в отдаленных районах становится мобильный банкинг.

В Казахстане монопольную позицию на рынке банковских услуг в сельской местности и небольших городах раньше занимал Народный банк Казахстана с многочисленной филиальной сетью, доставшейся в наследство от Сберегательного банка Казахской ССР. С повсеместным внедрением новых информационных технологий ситуация в корне изменилась.

Пандемия COVID-19 с жесткими ограничениями на передвижение увеличили спрос на дистанционное получение финансовых услуг. Использование мобильного банкинга позволило новым игрокам (банкам) преодолеть высокие входные барьеры на территории и создать конкуренцию традиционному монополисту в этой сфере. В современных условиях главным препятствием для коммерческих банков в расширения доли на региональных рынках является только уровень охвата территории страны высокоскоростным и устойчивым доступом к интернету в сельской местности.

В последние годы в Казахстане значительно расширилось использование мобильных сетей для оказания услуг фиксированного доступа, причем число потребительских подключений увеличивалось в среднем на 30 % в год и к концу 2021 года достигло 19 млн. [11]. Растущая пропускная способность мобильных сетей 4G сделала возможным появление сервисов, которые становятся все более популярными за счет спроса на сельских территориях, где проводная связь отсутствует или недостаточно развита.

Таргетируемая клиентская группа для вовлечения в финансовые сервисы существенно отличаются от традиционных клиентов банков. Как правило, у них небольшие суммы на счетах, отсутствует опыт работы с банками, низкая финансовая грамотность и степень доверия к формальным финансовым институтам. К этому следует добавить проблемы с пониманием и освоением новых цифровых технологий и сервисов. Все это порождает сложности в отношениях банка с такой категорией клиентов. И, как следствие, ведет к трудностям их привлечения для открытия текущих счетов, предоставления других услуг банка, расширению их спектра. В результате всего этого даже уже открытые счета остаются неподвижными в течение продолжительного времени. По данным Global Findex около 20 % уже открытых счетов в странах с развивающейся экономикой остаются неподвижными в течение года [1]. Аналогичная ситуация складывается и в Казахстане.

В результате пандемии COVID-19 коренным образом изменилась и ситуация с использованием наличных денег. Введение жестких ограничений на передвижение ускорило переход на безналичные расчеты. В связи с этим существенно сократилось использование наличных денег в обращении. Значительный вклад в повсеместное использование безналичных расчетов в Казахстане во время пандемии внес Каспи банк с его популярным и ставшим очень востребованным в условиях социального дистанцирования мобильным приложением Kaspi.kz и картой Kaspi Gold.

Согласно официальной статистике Национального Банка Республики Казахстан, за 2022 год в стране было совершено более 8,5 млрд. безналичных операций на общий объем в более чем 103 трлн. тенге.

Согласно тем же данным, с 2008 года среднегодовой темп прироста количества безналичных операций составил более чем 60 % (Рисунок 1) [12].

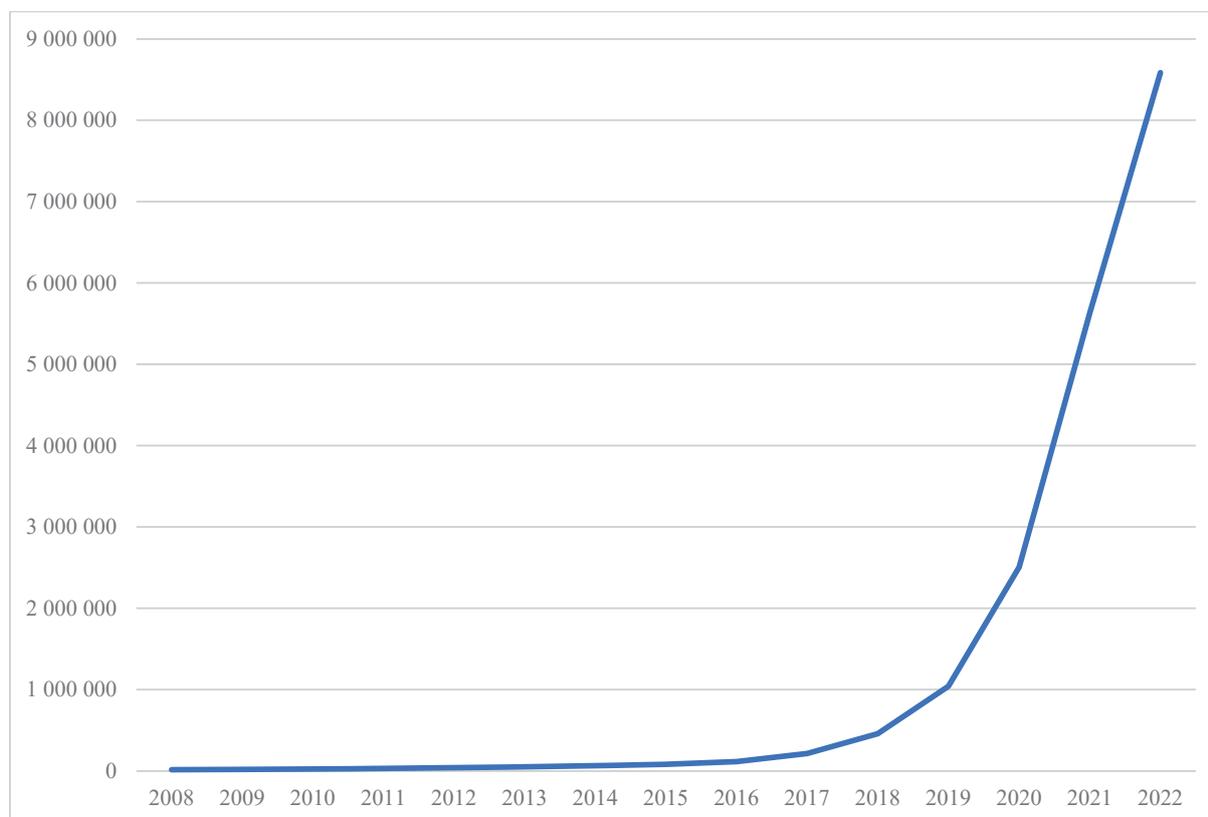

Рисунок 1 – Динамика безналичных платежей в Казахстане, тыс.

Примечание – составлено авторами

В целом, пандемия вызвала необходимость радикального пересмотра подхода к использованию цифровых технологий в финансовом секторе.

С развитием цифровых технологий появляются работы, которые подчеркивают также растущую значимость блокчейн-технологий и криптовалют в развитии финансовой инклюзии [10]. Криптовалюты могут улучшить доступность и эффективность переводов и платежей, особенно для международных переводов. Вместе с тем, как и все новые продукты и технологии на финансовом рынке, они нуждаются в тщательном изучении последствий внедрения и связанного с этим обеспечения безопасности данных, необходимого совершенствования регулирования законодательства.

Отдельная довольно многочисленная категория населения, которая испытывает трудности с доступом к финансовым сервисам – это инвалиды. Несмотря на ратификацию различных международных конвенций и соглашений ситуация по доступности и вовлеченности инвалидов в финансовые сервисы в Казахстане не меняется в течение десятилетий.

Приведенная ниже таблица 2 показывает общую текущую ситуацию с уровнем доступности и фактическим использованием существующих финансовых сервисов в Казахстане.

Таблица 2 – Показатели, характеризующие уровень финансовой доступности в Казахстане

	2011	2014	2017	2021
Account (% age 15+)	42,11	53,91	58,7	81,11
Account, female (% age 15+)	43,73	55,59	60,29	83,63
Account, male (% age 15+)	40,23	52	56,9	78,29
Account, rural (% age 15+)	77,84
Account, urban (% age 15+)	82,93
Account, primary education or less (% ages 15+)	19,75	28,01	29,64	61,88
Account, secondary education or more (% ages 15+)	45,75	58,19	64,47	84,26
Borrowed any money (% age 15+)	..	45,02	45,59	47,39
Made a deposit (% with a financial institution account, age 15+)	..	59,8	69,85	68,33
Made a digital in-store merchant payment (age 15+)	56,46
Made a digital in-store merchant payment: using a mobile phone (% age 15+)	50,76
No account because of a lack of trust in financial institutions (% age 15+)	7,16
No account because financial services are too expensive (% age 15+)	7,33
No account because financial institutions are too far away (% age 15+)	9,79
Owens a credit card (% age 15+)	8,59	11,48	19,97	20,86
Owens a credit card, rural (% age 15+)	16,98
Owens a credit card, urban (% age 15+)	23,03
Owens a debit card (% age 15+)	31,32	32,04	39,72	59,98
Owens a debit card, rural (% age 15+)	56,46
Owens a debit card, urban (% age 15+)	61,94
<i>Данные из базы данных: Global Financial Inclusion</i>				
<i>Последнее обновление: 12.04.2023</i>				
Примечание – на основе данных источника [2]				

Как видно из данных таблицы, на конец 2021 года число физических лиц, обладающих банковскими счетами, составляло в Казахстане около 81 % от общей численности населения, что является довольно хорошим показателем. Однако только 68 % из тех, у кого открыт банковский счет, имеют банковский депозит.

Кроме того, 7 % населения не имеют банковского счета поскольку не доверяют финансовым институтам, 7 % не имеют счета, так как считают финансовые услуги слишком дорогими, и почти 10 % (9,79 %) не имеют счета так как финансовые институты находятся от них слишком далеко.

Основным каналом освоения новых региональных рынков и важнейшим инструментом привлечения клиентов повсеместно сегодня становятся мобильные приложения банков. Они имеют большой потенциал для расширения услуг для тех групп населения, кто его по разным причинам раньше не имел. Проведенные обзоры литературы по вопросам внедрения мобильных банковских услуг [13] показывают, что основными препятствиями для повсеместного внедрения мобильных банковских услуг, помимо уровня проникновения и качества интернета, являются недостаточная готовность пользователей к использованию новых технологий, недостаточная уверенность в безопасности услуг, довольно высокая их стоимость, проблемы во взаимодействии сотрудников банков с новой категорией клиентов, уровень удобства использования мобильных приложений.

Как показывают проведенные опросы, казахстанские банки сталкиваются с теми же проблемами. Из десяти реально работающих в Казахстане банковских мобильных приложений сегодня наиболее популярными являются программы Банка ЦентрКредит, Jusan банка, Halyk банка, Kaspi банка, Forteбанка. В настоящее время создаются условия для конкуренции между коммерческими банками за клиентов из отдаленных сельских районов. Это новый позитивный тренд. Указанные банки являются системно значимыми и являются конкурентами в регионах за клиентов.

Для коммерческих банков освоение новых территорий начинается с простого открытия счетов клиентов и проведения платежей как начала и основы стратегии работы с инклюзивными клиентами. Перечень этих платежей довольно широк от переводов между физическими лицами (P2P), расчетов с бизнесом (P2B) за различные услуги, платежей от и в пользу государства (G2P). Наибольшей популярностью у населения Казахстана пользуется мобильное приложение Каспи банка. Возможности данной программы в удовлетворении разнообразных потребностей среднестатистического казахстанского потребителя очень широки. Независимо от того, где находится в данный момент клиент банка, программа позволяет проводить следующие виды платежей и переводов.

Между физическими лицами (person-to-person P2P) – переводы по номеру телефона, QR коду, на карту любого банка, в том числе и международные переводы.

Платежи бизнесу (person-to-business P2B) – платежи за различные товары и услуги. Перечень получателей очень широк, также, как и целевое их назначение – это платежи за услуги операторов сотовой связи, коммунальные услуги, товары, погашение займов, авиа- и железнодорожные билеты, турпоездки и экскурсии, оплата за образование, медицинские услуги, благотворительные взносы и т. д.

Платежи от государственных органов и в их пользу (government-to-person G2P) – получение различных социальных пособий и выплат, пенсий, субсидий, оплата налогов и штрафов, внесение взносов на медстрахование, добровольных пенсионных взносов и еще целый ряд других платежей.

Мобильное приложение позволяет также на дистанционной основе покупать различные товары и услуги, в том числе в рассрочку, получать кредиты и размещать депозиты, переоформлять автомобили и водительские удостоверения, удаленно получать целый ряд госуслуг и оплачивать за них. Иными словами, мобильный банкинг стирает существовавшее ранее неравенство в доступе к финансовым и иным услугам между жителями городов и отдаленных сельских районов.

Важной частью исследования финансовой доступности и уровня фактического использования финансовых услуг населением является анализ следующих факторов:

- Экономические факторы: уровень доходов и экономическое развитие региона, доступность финансовых услуг и продуктов для населения, степень развития финансовой инфраструктуры.
- Социальные факторы: социальный статус, возраст, пол, образование, культурные привычки и представления о финансах.
- Технологические факторы: использование технологий и доступность цифровых платформ и приложений для финансовых операций.
- Регуляторные факторы: законодательство и правила, регулирующие финансовые услуги, а также доступность финансовой информации.
- Поведенческие факторы: привычки и предпочтения в отношении финансовых услуг, уровень доверия к банковской системе и финансовым институтам.

Анализ этих факторов позволяет лучше понимать причины недостаточной финансовой доступности и выработать рекомендации для повышения уровня использования финансовых услуг населением.

Проведенный зарубежными исследователями анализ поведения данной категории клиентов показывает, что последние не доверяют формальным финансовым институтам, новым цифровым технологиям и предпочитают оперировать наличными средствами как при расчетах, так и хранении. При недостатке средств эта группа населения как правило, обращаются за займами не в банк, а к физическим лицам (родственникам, соседям, друзьям). Сложившаяся за долгие годы традиция использования наличных денег усложняет задачу привлечения клиентов этой категории на обслуживание в банк. Значительные расстояния, затраты на обеспечение безопасности и сохранности наличных денежных средств при перевозке и хранении остаются существенным дорогостоящим препятствием для продвижения финансового сервиса в отдаленные, труднодоступные сельские районы.

Ряд стран разработал отдельные национальные стратегии для повышения финансовой доступности и расширения использования финансовых услуг населением.

В Национальной стратегии финансовой доступности Индии (National Financial Inclusion Strategy, NFIS) поставлена задача до 2024 года обеспечить доступ к финансовым услугам 100 миллионам домашних хозяйств, которые в настоящее время не имеют доступа к финансовым услугам. Для достижения этой цели стратегия предусматривает развитие финансовой инфраструктуры, увеличение числа банкоматов и точек обслуживания, а также расширение использования электронных платежных систем [14].

Национальная платежная стратегия Кении (Kenya National Payments Strategy). В рамках стратегии Кения ставит целью до 2025 года обеспечить доступ к финансовым услугам 90 % населения страны. Для достижения этой цели стратегия предусматривает развитие мобильного банкинга, расширение сети платежных точек, а также повышение уровня финансовой грамотности населения [15].

Национальная политика финансовой доступности Мексики (National Policy for Financial Inclusion – Mexico). В рамках стратегии Мексика ставит целью до 2024 года обеспечить доступ к финансовым услугам более 60 % населения страны. Для достижения этой цели стратегия предусматривает развитие микрофинансирования и мобильных платежных систем, а также увеличение числа банкоматов и пунктов обслуживания [16].

Эти примеры показывают, что многие страны осознают важность повышения финансовой доступности и активно разрабатывают отдельные национальные стратегии для ее достижения.

В Республике Казахстан задачи по повышению финансовой доступности и вовлеченности населения в финансовые сервисы является лишь фрагментом, частью Концепции развития финансового сектора Республики Казахстан до 2030 года, которая была утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 26 сентября 2022 года № 1021 [17].

Анализ международного опыта развития финансовой инклюзии предполагает проведение дальнейших научных исследований и дискуссий с целью выявления особенностей для ее адаптации в условиях Казахстана.

Наиболее актуальными сегодня, на наш взгляд, являются ответы на следующие вопросы:

- какие группы населения наиболее уязвимы относительно доступа к финансовым услугам и какие меры необходимы для их решения?
- какие меры необходимо предпринять для вовлечения инвалидов в финансовые сервисы?
- факторы, влияющие на эффективность финансовых услуг, предоставляемых населению с низким уровнем дохода, методы оценки и мониторинга таких услуг?
- роль государства в обеспечении финансовой инклюзии, меры по совершенствованию регулирования финансовых услуг для населения с низким уровнем дохода?
- роль новых технологий в расширении доступа к финансовым услугам, улучшении их эффективности и безопасности?
- роль финансовой грамотности в обеспечении финансовой инклюзии, формы и методы ее повышения?
- наиболее эффективные в местных условиях бизнес-модели коммерческих банков для обеспечения привлекательности и выгоды финансового обслуживания населения с низким уровнем дохода?

- какие меры могут и должны быть предприняты для улучшения доступности финансовых услуг в сельских районах?

- роль и направления развития микрофинансирования для обеспечения финансовой инклюзии с учетом особенностей разных регионов страны?

В этой связи перспективными направлениями научных исследований в области финансовой инклюзии являются:

- Количественная оценка влияния повышения уровня финансовой инклюзии на экономический рост;

- Влияние углубления финансовой инклюзии на изменение социальной инклюзии: расширение доступа к образованию, здравоохранению и другим социальным услугам.

- Оценка потенциала использования новых технологий, таких как блокчейн, цифровые платежные системы и мобильные приложения для увеличения уровня финансовой инклюзии в условиях Казахстана.

- Оценка эффективности принимаемых мер по совершенствованию регулирования в области финансовой инклюзии.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

В результате изучения текущего уровня финансовой доступности и имеющегося казахстанского опыта внедрения финансовой инклюзии можно заключить, что она и для Казахстана является важным фактором экономического роста и эффективным инструментом решения социальных проблем. Изучение международного опыта показывает чрезвычайную важность заимствования и адаптации к местным условиям эффективных стратегий и практик, используемых в других странах. Для Казахстана важнейшим каналом предоставления финансовых услуг и основным драйвером внедрения финансовой инклюзии являются коммерческие банки и наиболее действенным, и эффективным инструментом-мобильный банкинг.

Вместе с тем, этот потенциальный резерв используется в Казахстане недостаточно полно и эффективно в силу целого ряда причин. Среди которых низкая мотивация коммерческих банков для создания необходимых условий для таких клиентов, отсутствие необходимой инфраструктуры (оборудованных зданий, достаточного количества филиалов и отделений в сельской местности, иных каналов и точек продаж), подготовленных кадров и адаптированных под потребности клиентов банковских продуктов и программ т. д. Отсутствует целенаправленная и скоординированная работа финансовых институтов и государственных органов по расширению доступности финансовых сервисов и созданию условий для широкого вовлечения в них населения.

В целях повышения координации деятельности разных участников и стейкхолдеров, задействованных в данном процессе, представляется целесообразным широко обсудить всеми заинтересованными сторонами необходимость разработки специальной национальной программы по внедрению финансовой инклюзии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Demirgüç-Kunt A., Klapper L., Singer D., Ansar S. The Global Findex Database 2021: Financial Inclusion, Digital Payments, and Resilience in the Age of COVID-19. – Washington, DC: World Bank, 2022. – 202 p.

2. Demirgüç-Kunt A., Singer D. Financial Inclusion and Inclusive Growth: A Review of Recent Empirical Evidence. World Bank Policy Research Working Paper No. 8040. – Washington, DC: World Bank, 2017. – 27 p.

3. Demirgüç-Kunt A., Klapper L., Singer D., Ansar S. Global Findex Database 2017: Measuring Financial Inclusion and the Fintech Revolution. – World Bank Group, 2018. – 131 p.

4. CFI, Mission & Vision [Электронный ресурс] // Corporate Finance Institute (CFI) [web-сайт]. – n. d. – URL: <https://corporatefinanceinstitute.com/about-cfi/mission-values/> (Дата обращения: 25.02.2023).

5. Financial inclusion. Инициативы области финансовой доступности [Электронный ресурс] // Всемирный Банк [web-сайт]. – n. d. – URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/nancialinclusion/overview> (Дата обращения: 25.02.2023).
6. AFI Policy paper. Financial inclusion measurement for regulators: Survey design and implementation. – Alliance for Financial Inclusion (AFI), 2010. – 24 p.
7. OECD. Financial inclusion and consumer empowerment in Southeast Asia. – 2018. – 50 p.
8. Center for Financial Inclusion ACCION & Christian Blind Mission (CBM). A case for Financial Inclusion of Persons with Disabilities. Technical Guidelines. – 2016. – 8 p.
9. Cheston S., Conde T. The Business of Financial Inclusion: Insights from Banks in Emerging Markets. – Center for Financial Inclusion at Accion, 2016. – 66 p.
10. Статистика [Электронный ресурс] // Национальный Банк Республики Казахстан [web-сайт]. – URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/page/statistika> (Дата обращения: 23.04.2023).
11. Тимошенко А., Сек О., Баккер Я., Тейтон Б. Развитие сетей широкополосного доступа в Республике Казахстан. – IDC White Paper, 2022. – 87 p.
12. Lee D., Low L. Inclusive Fintech: Blockchain, Cryptocurrency and ICO. – World Scientific Publishing Co Pte Ltd., 2018. – 548 p.
13. Shaikh A., Karjaluoto H. Mobile Banking Adoption: A Literature Review // Telematics and Informatics. – 2015. – № 32(1). – P. 129-142.
14. National Strategy for Financial Inclusion. Report Summary [Электронный ресурс] // PRS Legislative Research [web-сайт]. – New Delhi: Institute for Policy Research Studies, 2020. – URL: <https://prsindia.org/policy/report-summaries/national-strategy-financial-inclusion> (Дата обращения: 25.02.2023).
15. National Payments Strategy 2022-2025. – Central Bank of Kenya, 2022. – 86 p.
16. National Policy for Financial Inclusion 2020-2024. – Government of Mexico, 2020. – 7 p.
17. Агентство Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка. Концепция развития финансового сектора Республики Казахстан до 2030 года. – Астана, 2022. – 81 с.

REFERENCES

1. Demirgüç-Kunt, A., Klapper, L., Singer, D. and Ansar, S. (2022). The Global Findex Database 2021: Financial Inclusion, Digital Payments, and Resilience in the Age of COVID-19. World Bank, Washington, DC. 202 p.
2. Demirgüç-Kunt, A. and Singer, D. (2017). Financial Inclusion and Inclusive Growth: A Review of Recent Empirical Evidence. World Bank Policy Research Working Paper No. 8040. World Bank, Washington, DC. 27 p.
3. Demirgüç-Kunt, A., Klapper, L., Singer, D. and Ansar, S. (2018). Global Findex Database 2017: Measuring Financial Inclusion and the Fintech Revolution. World Bank Group, 131 p.
4. CFI, Mission & Vision. (n. d.). Corporate Finance Institute (CFI). Retrieved February 25, 2023, from <https://corporatefinanceinstitute.com/about-cfi/mission-values/>.
5. Financial inclusion. (n. d.). Iniciativy oblasti finansovoj dostupnosti. The World Bank. Retrieved February 25, 2023, from <https://www.worldbank.org/en/topic/nancialinclusion/overview>.
6. AFI. (2010). Financial inclusion measurement for regulators: Survey design and implementation. Policy paper. Alliance for Financial Inclusion (AFI), 24 p.
7. OECD. (2018). Financial inclusion and consumer empowerment in Southeast Asia. 50 p.
8. Center for Financial Inclusion ACCION & Christian Blind Mission (CBM). (2016). A case for Financial Inclusion of Persons with Disabilities. Technical Guidelines. 8 p.
9. Cheston, S. and Conde, T. (2016). The Business of Financial Inclusion: Insights from Banks in Emerging Markets. Center for Financial Inclusion at Accion. 66 p.
10. Statistics. (n. d.). Official website of the National Bank of Republic of Kazakhstan. Retrieved April 23, 2023, from <https://www.nationalbank.kz/ru/page/statistika> (In Russian).

11. Timoshenko, A., Sek, O., Bakker, Ya. and Tejton, B. (2022). Razvitie setej shirokopolosnogo dostupa v Respublike Kazahstan. IDC White Paper, 87 p. (In Russian).
12. Lee, D. and Low, L. (2018). Inclusive Fintech: Blockchain, Cryptocurrency and ICO. World Scientific Publishing Co Pte Ltd., 548 p.
13. Shaikh, A. and Karjaluoto, H. (2015). Mobile Banking Adoption: A Literature Review. Telematics and Informatics, 32(1), 129-142.
14. National Strategy for Financial Inclusion. Report Summary. (2020). PRS Legislative Research website. Institute for Policy Research Studies, New Delhi. Retrieved February 25, 2023, from <https://prsindia.org/policy/report-summaries/national-strategy-financial-inclusion>.
15. National Payments Strategy 2022-2025. (2022). Central Bank of Kenya, 86 p.
16. National Policy for Financial Inclusion 2020-2024. (2020). Government of Mexico, 7 p.
17. The Agency for Regulation and Development of the Financial Market of the Republic of Kazakhstan. Konceptsiya razvitiya finansovogo sektora Respubliki Kazahstan do 2030 goda. (2022). Astana, 81 p. (In Russian).

FINANCIAL INCLUSION: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND KAZAKHSTAN CASE

S. A. Svyatov¹, D. Yu. Bendyuk^{1*}

¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the research is to study the international experience of introducing financial inclusion, identify the current situation with its level in Kazakhstan, adapt forms and methods of involving the population in financial services that have been well recommended in other countries, and identify priority areas of scientific research in this area for the country.

Methodology. The research methodology is implemented by studying the scientific literature in this area, the existing international experience and practice of introducing financial inclusion, the participation of government agencies in different countries in this process. The methods of comparative and system analysis are used in the work. The study identified both general trends and features of the introduction of financial inclusion in Kazakhstan.

The originality / value of the research is confirmed by the lack of comprehensive scientific studies analyzing these processes in Kazakhstan, the current situation is shown in terms of the availability of financial services and the problems existing here, as well as the possibility of practical adaptation of positive international experience

Findings. The results of the study show the real situation with the availability of financial services in the country and determine the necessary measures to increase the level of involvement of the population, including the improvement of current legislation, as well as the development by stakeholders of a National program for the introduction of financial inclusion.

The obtained conclusions and recommendations can be useful when conducting new research in the priority scientific areas identified in the article.

Keywords: financial inclusion, financial accessibility, financial stability, poverty, inequality, inclusive growth, banking inclusion, fintech, blockchain, cryptocurrencies, mobile banking applications.

**ҚАРЖЫЛЫҚ ИНКЛЮЗИЯ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ
ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ КЕЙС**

С. А. Святгов¹, Д. Ю. Бендюк^{1*}

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты қаржылық инклюзияны енгізудің халықаралық тәжірибесін зерделеу, Қазақстандағы ағымдағы жағдайды оның деңгейімен сәйкестендіру, басқа елдерде өзін жақсы ұсынған халықты қаржылық сервистерге тарту нысандары мен әдістерін бейімдеу, ел үшін осы саладағы ғылыми зерттеулердің басым бағыттарын айқындау болып табылады.

Зерттеу әдістемесі осы саладағы ғылыми әдебиеттерді, қаржылық инклюзияны енгізудің халықаралық тәжірибесі мен тәжірибесін, осы процеске әртүрлі елдердегі мемлекеттік органдардың қатысуын зерттеу арқылы жүзеге асырылады. Жұмыста салыстырмалы және жүйелік талдау әдістері қолданылды. Зерттеу аясында жалпы трендтер, сондай-ақ Қазақстан жағдайында қаржылық инклюзияны енгізу ерекшеліктері анықталды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы Қазақстанда осы процестерді талдайтын кешенді ғылыми зерттеулердің жоқтығымен расталады, қаржылық сервистердің қолжетімділік деңгейі мен осы жерде бар проблемалар бойынша ағымдағы жағдай, сондай-ақ оң халықаралық тәжірибені практикалық бейімдеу мүмкіндіктері көрсетілген.

Зерттеу нәтижелері елдегі қаржы сервистерінің қолжетімділігінің нақты жағдайын көрсетеді және халықтың тартылу деңгейін арттыру, оның ішінде қолданыстағы заңнаманы жетілдіру, сондай-ақ мүдделі Тараптардың қаржылық инклюзияны енгізу жөніндегі ұлттық бағдарламаны әзірлеуі бойынша қажетті шараларды айқындайды.

Алынған тұжырымдар мен ұсыныстар мақалада анықталған басым ғылыми бағыттар бойынша жаңа зерттеулер жүргізу кезінде пайдалы болуы мүмкін.

Түйін сөздер: қаржылық инклюзия, қаржылық қол жетімділік, қаржылық тұрақтылық, кедейлік, теңсіздік, инклюзивті өсу, банктік инклюзия, финтех, блокчейн, криптовалюта, мобильді банктік қосымшалар.

ОБ АВТОРАХ

Святгов Серик Аманжолович – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, email: ssvyatov@mail.ru.

Бендюк Дмитрий Юрьевич – магистрант ОП «Прикладные финансы», Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, email: daniil.bendyuk@narхоз.kz*

MPHTI 06.73.55

JEL Classification: G21

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-2-153-164>

THE EFFECT OF THE COVID19 PANDEMIC ON THE FINANCIAL STABILITY OF THE BANKING INDUSTRY: THE CASE OF EURASIAN ECONOMIC UNION COUNTRIES

G. Utarova¹, A. Faizulayev^{1*}

¹KIMEP University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of research is to identify the influence of bank-specific and macroeconomic variables on banking sector stability in the case of Eurasian Economic Union countries. For this purpose, it uses KASE and World Bank Database. The data was received from 10 commercial banks of the Eurasian Economic Union countries (Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Azerbaijan, and Armenia) that cover the period 2016-2021.

Methodology is the panel corrected standard error model (PCSE) to observe the relation of dependent and independent variables. Altman Z-score is used as an indicator of financial stability. Return of assets (ROA) is an indicator of company profitability.

The originality / value of the research is a comparison of the factors that influence the stability and profitability of the banking industry in Eurasian Economic Union countries.

The estimation findings of the research indicate that bank-specific and macroeconomic strongly impact the financial stability in the banking sector. For example, asset quality and corruption control are significantly and negatively related with banks' stability. On the other hand, return on assets (ROA), bank size, political stability, and time dummy effect on the stability of the banking system are positive and statistically significant.

Keywords: banking industry, financial stability, EAEU countries, profitability, Z-score.

INTRODUCTION

It is important for policymakers and top managers to maintain banking stability. It is necessary for both developing and developed countries. Government officials have been working to reform the banking system to enhance banking stability in response to the global crisis caused by COVID-19. In addition, the economic activity of the country depends on the banking industry. Therefore, monitoring the profitability and stability of banks is important for supporting the country's economy.

The banking industry plays a significant role in contributing to the growth of the economy. Nowadays, it is difficult, even impossible to imagine life or any business without banks. Financial systems reduce the poverty and facilitate business. So it is important for all countries to have the healthy and stable banking system. It has motivated many scholars to study the determinants of banking stability.

The coronavirus pandemic has engulfed the entire global community and all spheres of activity. This inevitably brought about an economic crisis, especially in the vulnerable banking sector. Sharply falling incomes and credit holidays for borrowers led to a significant reduction in the revenues of the banking sector. Eurasian Economic Union countries are still struggling with the implications of the COVID-19 pandemic.

The aim of this research is identifying the effect of bank-specific and macroeconomic variables on the stability of the banking sector in Eurasian Economic Union countries.

By conducting research focused on the banking stability, policymakers, regulators, and financial institutions can identify potential risks, vulnerabilities, and emerging trends, enabling them to implement appropriate measures and safeguard the stability of the country's financial system. Research helps to assess the resilience of banks, evaluate the effectiveness of regulatory frameworks, and identify areas requiring improvement. It aids in understanding the dynamics of the banking industry, including technological advancements, evolving

customer preferences, and changing market conditions. Moreover, research facilitates the development of proactive strategies to mitigate risks, enhance risk management practices, promote financial inclusion, and foster sustainable economic growth. Ultimately, by promoting research, Kazakhstan can fortify its banking sector, foster investor confidence, and ensure the stability and resilience of its financial system in the face of domestic and global challenges.

The contribution of the empirical study is threefold. To the best of our knowledge, it is the first study that conducts a comparison of the factors that influence the stability and profitability of the banking industry in Eurasian Economic Union countries. Secondly, balanced panel data was employed to run regression analysis with the largest banks in Eurasian Economic Union countries. And finally, the impact of a pandemic period on banking stability was employed.

To observe the relation between the dependent and independent variables, a regression analysis was performed. The research employed the panel corrected standard error model (PCSE). Furthermore, the models were tested for robustness. According to the stationarity test, all variables have no unit root. The models are free of multicollinearity. Findings from the autocorrelation test suggest that autocorrelation does not occur. All variables are heteroscedasticity-free.

The results of the study's estimates suggest that bank-specific and macroeconomic variables strongly impact the financial stability in the banking industry. ROA and Z-score mutually positively influence each other, and it is statistically significant. Time dummy 2021 negatively affects profitability and positively on banking stability, and it is statistically significant, in other words the global crisis caused by COVID-19 affected the two variables differently.

Literature Review. The stability of the banking system is of benefit to financial regulatory agencies worldwide. Therefore, it is important to consider how important this issue is. Many authors have studied the stability of the banking sector from various perspectives. Mohammed Adem have focused on the influence of income diversification on the stability of banks and conducted an African cross-country analysis [1]. Pham et al. and Tram et al. have examined determinants of banking stability in Vietnam [2; 3]. The same topic was investigated by other scholars, but they analyzed banks from different countries. Although there is an extensive literature focusing on the stability of banks, only one article is relevant to the purpose of this study. Alexander Karminsky and Alexander Kostrov have compared the financial stability factors of banks in the CIS countries [4]. The above-mentioned authors expect Gamze Danişman did not test multicollinearity, autocorrelation and heteroscedasticity before running regression analysis [5]. In addition to, Ozili empirically investigated banking stability determinants in Africa, where the findings showed that banking efficiency, size and political stability significantly affected the stability of banks [19]. Diaconu and Oanea conducted empirical research on commercial and cooperative banks' stability determinants in Romania, where authors found that interbank offer rate and GDP growth influenced significantly the stability of cooperative banks only [20]. We have reviewed many other outstanding studies related to banking stability [4;5;6;7;8;10;11;12;13;15;16;17;18; and so on]. This study aims to explore the determinants of efficiency, profitability and stability in banking sector of the world for the period 2005-2012. In this study, the effectiveness measured using data shell analysis (DEA), which is subdivided into technical efficiency (TE), net technical efficiency (PTE), and efficiency of scale (SE) [7]. In addition to, Kanapiyanova et al. examined the drivers of banking stability in the case of QISMUT+3 countries (Qatar, Indonesia, Saudi Arabia, Malaysia, the United Arab Emirates, Turkey, Pakistan, Kuwait, and Bahrain), focusing on the determinants of social and government responsibility (SGR). Both main indicators of banking stability, namely profitability and non-performing loans, were considered as dependent variables. The model is studied on the entire sample and separately on commercial banks and Islamic banks [22]. Parmankulova et al. investigated the determinants of bank stability in the case of QISMUT+3 countries (Qatar, Indonesia, Malaysia, United Arab Emirates, Turkey, Pakistan, Kuwait, and Bahrain). Both bank profitability and NPLs were treated as dependent variables. Three options are considered: the sample as a whole and divided into traditional banks (CB) and Islamic banks (IB). Data from 208 banks, both MB and CB, were used from 2011 to 2018, after the period of the global financial crisis. Generalized two-stage system methods, as well as possible least squares and panel-corrected standard errors, were used to validate the data [23]. The stability of banks depends on various factors such as bank-specific determinants and macroeconomic determinants. Bank-specific factors

contain ROA as a proxy for profitability, bank size, liquidity, asset quality, capital adequacy, management efficiency and the time. Macroeconomic determinants that can affect bank stability include GDP growth, corruption control, political stability, and inflation.

Dependent variable. The most commonly used model for identifying a company's stability is the Altman Z-score model, which has been used extensively by many researchers. The Z-score for bankruptcy prediction was provided in 1968 by Edward I. Altman.

The return on assets (ROA) is used as a dependent indicator of the second regression model. Many authors have studied the influence of factors on the return on assets in the banking industry [6; 7; 14; 19; 20]. ROA is a ratio of profitability that measures how a business generates profits from total assets.

Independent variables.

Bank-specific determinants

ROA: The return on assets is a measure of the company's profitability. In previous studies authors identified a significant positive relation between profitability and bank stability implying that higher earnings would provide the bank with more resources to deal with unforeseen costs [4; 8; 9].

Z-score: Z-score is a measurement of bank stability. Majed Alharthi and Mohammad Aladwan in their research identified a significant positive impact of Z-score on profitability [6; 7]. The stability of the banking sector indicates its profitability.

Bank size: The results of the studies of Karkowska et al. and Pham et al. reveal a positive and statistically significant impact between size and bank stability [2; 10]. Large banks are more financial stable because they benefit from economies of scale and scope. As a result, they have additional options for spreading out their risks. On the other hand, big banks rely on financial support from the state in the event of their failure and thus they take high credit risks. Accordingly, Tram et al. found that bank size negatively affects stability [3]. Aladwan's research shows that small banks outperform large banks [6].

Liquidity: A company's liquidity is its capacity to turn assets into cash [11]. The effect of liquidity on banking stability and profitability has been studied by a few academics. According to Mohammed Adem, there is a positive and strong correlation between liquidity and bank stability in African nations [1]. Furthermore, the same positive relation was found by Rupeika-Apoga et al. [9]. Davis et al. suggest that liquidity has a positive and significant impact on profitability [12]. This is because liquidity makes banks less vulnerable to unexpected situations.

Asset quality: Asset quality is a significant determinant of Z-score and ROA. This is proved by Rahim et al. and Davis et al. in their study [12; 13]. In addition, results show the positive relationships of bank stability and asset quality, and negative relationships between asset quality and profitability. The higher the asset quality, the lower level of bank credit risk. In an economic crisis, asset quality is a key indicator that will affect the bank stability and profitability.

Capital adequacy: Capital is a safety net for banks during a crisis, accordingly it reduces the insolvency risk. Thus, stability and capital adequacy have a positive and significant link. This confirms the findings of Gamze Danişman where capital adequacy ratio was calculated as the equity to total assets ratio [5].

Management efficiency: The cost to income ratio is used as a proxy of management efficiency. This indicator is significant and negatively affecting stability. Banks with low management efficiency are less stable and vulnerable. The result is consistent with Kasri et al., where they researched the factors that affect bank stability in Indonesia [8].

Macroeconomic determinants.

GDP growth: Based on the results, GDP growth rate is a significant factor which have a positive relation with financial stability. A expanding economy is helpful for the creation of a secure financial system. The higher GDP growth rate, the higher Z-score would be, therefore the bankruptcy risk would be lower. This result is consistent with the studies conducted by Rupeika-Apoga et al. and Tram et al. [3; 9]. According to Ghenimi et al., GDP growth negatively affects banking stability [14]. However, Karkowska et al. found not statistically significant relation between economic growth and bank stability [10].

Corruption control: The positive significant relation between control of corruption and bank stability is confirmed in previous study [12]. High corruption control can decrease bank risk-taking.

Political stability: The relationships between political stability and bank stability was examined by Dias [15]. The author observed a negative significant connection among two variables. A low level of political stability can undermine the country's economy. Consequently, the banking system will be unstable.

Inflation: The research findings indicate that Z-score and inflation rate have a significant positive relationship. This finding is in alignment with the studies of Rupeika-Apoga et al., Pham et al. and Tram et al. [9; 2; 3].

Hypotheses of the study. Based on the above studies, the following hypotheses are assumed to analyze the influence of factors on the stability in the banking system:

- H1: Profitability has positive impact on bank stability.
- H2: Bank size has positive influence on banking stability.
- H3: Relationship of liquidity and bank stability is positive.
- H4: Asset quality is positively affecting stability in the banking industry.
- H5: Capital adequacy and banking stability have positive relationship.
- H6: Management efficiency has negative influence on stability in banking system.
- H7: The GDP growth and bank stability relation is positive.
- H8: Corruption control positively affects banking stability.
- H9: Political stability negatively affects bank stability.
- H10: Inflation has positive impact on banking stability.
- H11: Time dummy has positive influence on bank stability.

Data and Methodology

Data. The study is conducted to identify the drivers of the stability in the banking industry of Eurasian Economic Union countries. Annual data on 10 commercial banks of the Eurasian Economic Union countries (Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Azerbaijan, and Armenia) cover the period 2016-2021. The data is retrieved from the bank's financial statements during the above-mentioned period. Macroeconomic indicators are additionally gathered from the World Bank database. The panel data statistics was used in this study. The two largest banks from each country were selected without missing values, so the data is fully balanced. In order to reduce the biasedness of the results, balanced panel data is recommended [21].

Methodology. Based on the results of the multicollinearity, autocorrelation and heteroscedasticity tests, PCSE (panel corrected standard error) was utilized for regression analysis. This model is used if number of variables > time period (N>T). The research data cover 12 variables and 6 years. Z-score is a measurement of bank stability and calculated using Groeneveld and De Vries [16] presented equation (1):

$$Z - \text{score} = \frac{ROA + \frac{E}{A}}{\sigma(ROA)} \quad (1)$$

Where,

ROA (return on assets) – net income to total assets ratio;

E/A – equity to total assets ratio;

$\sigma(ROA)$ – standard deviation of net income to total assets.

The dependent variable of the second regression model is the return on assets (ROA), which is calculated as:

$$ROA = \frac{\text{Net income}}{\text{Total assets}} \quad (2)$$

In order to identify the drivers of banking stability and profitability, regression models were conducted, as follows:

$$Z\text{-score}_i = \beta_0 + \beta_1(ROA) + \beta_2(\text{SIZE}) + \beta_3(L^*Q) + \beta_4(\text{ASQ}) + \beta_5(\text{CAR}) + \beta_6(\text{MEFF}) + \beta_7(\text{GDP}) + \beta_8(\text{COR}) + \beta_9(\text{PS}) + \beta_{10}(\text{INF}) + \beta_{11}(\text{DUMMY}) + \varepsilon \quad (3)$$

$$ROA = \beta_0 + \beta_1(Z\text{-score}) + \beta_2(\text{SIZE}) + \beta_3(\text{LIQ}) + \beta_4(\text{ASQ}) + \beta_5(\text{CAR}) + \beta_6(\text{MEFF}) + \beta_7(\text{GDP}) + \beta_8(\text{COR}) + \beta_9(\text{PS}) + \beta_{10}(\text{INF}) + \beta_{11}(\text{DUMMY}) + \varepsilon \quad (4)$$

Where,

ROA – return on assets as a proxy of profitability;

Z-score – measurement of profitability;

SIZE – natural logarithm of total assets;

LIQ – ratio of current assets to current liabilities as a measure of liquidity;

ASQ – total loans to total assets as an indicator of asset quality;

CAR – total equity to total assets as a measure of capital adequacy;

MEFF – ratio of cost to income as a management efficiency indicator;

GDP – GDP growth rate;

COR – level of corruption control;

PS – political stability index;

INF – inflation rate;

DUMMY – 2020-2021 year.

Empirical Results. Theoretically, the research is based on a panel corrected standard error model (PCSE) because the number of variables is greater than years studied. The research data cover 12 variables and 6 years. Before running the regression analysis, the models were tested for robustness. This is necessary to select the best model. The stationarity test reveals that all variables have no unit root. The multicollinearity test results showed a value below 5 consequently the models are free from multicollinearity. Based on results of autocorrelation test, there is no autocorrelation. Heteroscedasticity is greater than 0.10, so it can be concluded that all variables do not occur heteroscedasticity.

The variables' descriptive statistics are shown in Table 1.

Table 1 – Descriptive Statistics

Variable	Obs	Mean	Min	Max	Std.Dev.
Z-score	60	1.736332	-5.685	4.353	1.404478
ROA	60	0.0195209	-0.324299	0.1843515	0.0540102
Size	60	5.509753	3.465829	7.064094	1.047702
LQR	60	0.3436461	0.0685381	0.7476411	0.1719474
ASQ	60	0.5470433	0.152144	0.8256078	0.1411546
CAR	60	0.1320762	0.05901	0.8952	0.1063333
MEFF	60	0.4583903	0.1404082	1.5613	0.2105106
GDP	60	0.0209167	-0.084	0.076	0.0333854
COR	60	-0.5671717	-1.124734	0.0721499	0.3306444
PS	60	-0.3229023	-0.9462103	0.3480572	0.3273657
INF	60	0.0645936	-0.0140361	0.1454602	0.0378077

Note – completed by the authors based on the source [17; 18].

The research includes 10 largest commercial banks of the Eurasian Economic Union countries (Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Azerbaijan, and Armenia) covering the period 2016-2021. The two largest banks from each country were selected without missing values, so the data is fully balanced. The main reason of selecting only 10 banks is that their financial data fully balance without missing values. The descriptive statistics results show that the highest Z-score is 4.353 for First Heartland Jusan Bank JSC in Kazakhstan (2019). Further, the minimum value of the Z-score is -5.685 for Bank RBK JSC (2017). In addition, ROA has an average value of 1.9 % with the lowest value of -32 % and the maximum value of 18 %. It shows a significant gap in bank stability and ROA. Moreover, bank's size, liquidity (LQR), asset quality (ASQ), capital adequacy (CAP), and management efficiency (MEFF) have an average value of 5.509, 0.343, 0.547, and 0.132 respectively, with a significant distinction. Macroeconomic variables have a huge range too.

The table 2 below shows correlation test which show how closely related the dependent and independent variables are.

Table 2 – Correlation Analysis

	Z-score	ROA	Size	LQR	ASQ	CAR	MEFF	GDP	COR	PS	INF
Z-score	1.000										
ROA	0.825	1.000									
Size	0.233	0.045	1.000								
LQR	-0.054	0.046	-0.384	1.000							
ASQ	-0.242	-0.09	0.122	-0.301	1.000						
CAR	0.096	0.115	-0.056	0.102	-0.034	1.000					
MEFF	0.034	-0.058	-0.306	0.06	0.171	-0.024	1.000				
GDP	-0.005	-0.025	0.195	-0.186	0.129	-0.079	0.062	1.000			
COR	0.135	0.112	0.285	-0.382	-0.049	0.025	0.043	0.064	1.000		
PS	0.082	-0.077	0.413	-0.599	-0.039	-0.124	-0.096	0.199	0.233	1.000	
INF	0.029	-0.067	0.148	-0.255	-0.105	-0.344	-0.025	-0.141	-0.062	0.351	1.000

Note – completed by the authors based on the source [17; 18].

As a result, a high correlation is found between Z-score and ROA, Z-score and bank size, political stability and bank size, inflation and political stability. Other variables have a modest correlation. There are also negative correlations.

According to table 3, the mean of VIF is less than 5, indicating that there is no multicollinearity in the models. The regression models show a valid correlation between the independent variables. No corrections are required to the models.

Table 3 – Variance Inflationary Factor (VIF)

Variables	Z-score	ROA
GDP	5.32	5.33
Year 2020	4.77	4.77
INF	2.66	2.67
PS	2.39	2.38
LQR	2.39	2.42
Size	1.98	2.12
Year 2021	1.85	1.86
COR	1.67	1.66
ASQ	1.51	1.66
CAR	1.43	1.43
MEFF	1.24	1.29
ROA	1.05	-
Z-score	-	1.23
Mean VIF	2.36	2.40

Note – completed by the authors based on the source [17; 18].

The article uses the results estimated by panel corrected standard error model (PCSE). Table 4 displays the outcomes of estimating the variables in the PCSE model.

Table 4 – PCSE regression

	Z-score (model 1)	ROA (model 2)
ROA	21.460*** (21.63)	-
Z-score	-	0.035*** (13.43)
Size	0.372*** (4.33)	-0.012*** (-2.79)
Liquidity	-1.255 (-1.59)	0.052** (1.76)
Asset quality	-2.726*** (-4.16)	0.066*** (2.43)
Capital adequacy	0.318 (0.63)	-0.012 (-0.67)
Management efficiency	1.222*** (4.79)	-0.024 (-1.60)
GDP	-3.672 (-1.04)	0.095 (0.71)
Control of corruption	-0.757*** (-3.37)	0.029*** (3.00)
Political stability	0.632*** (2.25)	-0.031*** (-2.89)
Inflation	-3.484 (-1.46)	0.062 (0.67)
Year 2020	0.135 (0.45)	-0.012 (-0.99)
Year 2021	0.504*** (3.53)	-0.021*** (-3.16)
Constant	0.724 (1.20)	-0.019 (-0.74)
R-squared	0.897	0.889
Observations	60	60
Number of groups (banks)	10	10
ARI p-value	0.53***	0.92***
Note 1 – completed by the authors based on the source [17; 18].		
Note 2 – *p<0.10, **p<0.05, ***p<0.010.		

After conducting test on the robustness of the model, the panel corrected standard error model (PCSE) was chosen. Table 4 presents the results of regression in which Altman The Z-score is used as a measurement of banking stability and profitability is proxied by ROA. The results suggest that 1 % increase in constant variable will increase Z-score and decrease ROA by 0.724 % and 0.019 %, and it is not significant, that is to say there will be no change in these dependent variables. Capital adequacy, GDP and inflation have no impact on Z-score and ROA, due to its non-significance. Liquidity does not have any influence on bank stability. Further management efficiency does not affect profitability. ROA and Z-score mutually positively influence each other, and it is statistically significant. 1 % increase in return on assets that will increase bank's stability by 21.46 %. When profit increase, there is more funds for the bank to cover unforeseen expenses. This result is similar to the results in previous empirical studies [4; 8; 9]. 1 % increase in Z-score, profitability will rise by 0.035 %. A high Z-score suggests lower bankruptcy risk and greater financial stability. Accordingly, the stability of the bank indicates its profitability. Majed Alharthi found a positive influence between Z-score and profitability [7]. Size of the bank has a significant positive influence on banking stability and negative impact on profitability. 1 % increase in bank size, Z-score will go up by 0.372 %. Large banks have more options for risk diversification, so they are more stable. This result aligned with outcomes of Karkowska et al. and Pham et al. [10; 2]. However, the opposite result in Tram's et al. study showed that bank size negatively affects the stability of bank [3]. 1 % increase in bank size, ROA will decrease by 0.012 %. According to Mohammad

Aladwan's research, small banks demonstrate higher overall performance than large banks [6]. Liquidity has positive impact on profitability, and it is statistically significant. 1 % increase in liquidity, profitability will rise by 0.052 %. A high level of liquidity reflects the bank's profitability. Davis et al. assert that liquidity has a significant and positive impact on profitability [12]. Asset quality is positively affecting ROA, and it is statistically significant. Asset quality and bank stability, on the other hand, have a negative and significant link. If asset quality goes up by 1 %, profitability will go up by 0.066 %. 1 % increase in asset quality, banking stability will go down by 2.726 %. Low bank credit risk is caused by high asset quality, hence the bank will be profitable and stable. The opposite conclusion in Davis's et al. article suggests a negative relationship between asset quality and profitability [12]. The results of Rahim et al. show the positive relationships of bank stability and asset quality [13]. The management efficiency indicator shows a significant and positive influence on banking stability. 1 % increase in management efficiency, that Z-score will increase 1.222 %. Banks with high management efficiency are more stable. This finding is not consistent with Kasri et al., where they researched the drivers of banking stability in Indonesia [8]. The result showed the negative and significant relation between corruption control and the stability of the bank. If level of control of corruption will increase by 1 %, banking stability will reduce by 0.757 %. A prior study found a positive correlation between these variables [15]. A high level of corruption control can reduce a bank risk-taking. Moreover, there is a positive relation between corruption control and profitability. 1 % rise in control of corruption, profitability will increase by 0.029 %. Political stability has positive impact on bank stability and negative impact on profitability. 1 % increase in political stability, that banking stability will grow up by 0.632 % and profitability will reduce by 0.031 %. Dias observed a negative significant connection among bank stability and political stability [15]. Time dummy 2020 year does not have any impact on profitability and bank's stability, due to its non-significance. Profitability is negatively impacted by Time Dummy 2021, while banking stability is positively impacted. And it is statistically significant, in other words the financial crisis caused by COVID-19 affected the two variables differently. 1 % increase in time dummy 2021, Z-Score will boost by 0.504 % and profitability will reduce by 0.021 %.

R-squared shows how well the data fit the regression model. In model 1 (Z-score) and model 2 (ROA) 89 % of variations in dependent variable, can be explained by variations in independent variables. F test shows that the whole model is best fitted or financially validated.

CONCLUSION

In this study, the impact of macroeconomic and bank-specific factors on the stability of the banking sector in EAEU countries was investigated. For regression analysis, the panel corrected standard error model (PCSE) was employed. The World Bank database is used to retrieve the data. Moreover, the data was received from 10 commercial banks of the Eurasian Economic Union countries (Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Azerbaijan, and Armenia) between 2016 and 2021. It was discovered that ROA and Z-score mutually positively affecting each other, and it is significant. Bank size, management efficiency and political stability have significant positive relationship with banking stability. Liquidity, asset quality and control of corruption have significant positive impact on profitability. However asset quality and control of corruption have got positive impact on bank stability. Size and political stability negatively affecting profitability in banking industry of EAEU countries. Time dummy 2021 has negative impact on profitability and positive on banking stability, and it is statistically significant. The above independent variables affected the two dependent variables differently.

These findings may help policymakers and bank regulators to maintain the bank's stability. High corruption and high asset quality lead to increased credit risks, so this needs to be monitored closely. In addition, the smaller the banking assets are the higher their profitability. Finally, future research might perform a comparative analysis between EAEU countries on indicators of stability or profitability.

REFERENCES

1. Adem M. Impact of income diversification on bank stability: a cross-country analysis // Asian Journal of Accounting Research. – 2022. – (ahead-of-print). – DOI: <https://doi.org/10.1108/AJAR-03-2022-0093>.

2. Pham T. T., Dao L. K. O., Nguyen V. C. (2021). The determinants of bank's stability: a system GMM panel analysis // *Cogent Business & Management*. – 2021. – 8(1). – Article 1963390.
3. Tram T. X. H., Nguyen T. N. Factors affecting the stability of commercial banks in Vietnam // *International Conference on - CIFBA 2020*. – 2022. – P. 545-555.
4. Karminsky A., Kostrov A. Comparison of bank financial stability factors in CIS countries // *Procedia Computer Science*. – 2014. – 31. – P. 766-772.
5. Danişman G. Determinants of bank stability: A financial statement analysis of Turkish banks // *Sosyoekonomi*. – 2018. – 26(38). – P. 87-103.
6. Aladwan M. S. The impact of bank size on profitability "an empirical study on listed Jordanian commercial banks" // *European Scientific Journal*. – 2015. – 11(34). – P. 217-236.
7. Alharthi M. The determinants of efficiency, profitability and stability in the banking sector: a comparative study of Islamic, conventional and socially responsible banks: PhD Thesis. – Plymouth University, 2016. – 328 p.
8. Kasri R. A., Azzahra C. Determinants of Bank Stability in Indonesia // *Signifikan: Jurnal Ilmu Ekonomi*. – 2020. – 9(2). – P. 153-166.
9. Rupeika-Apoga R., Zaidi S. H., Thalassinos Y. E., Thalassinos E. I. Bank stability: The case of Nordic and non-Nordic banks in Latvia // *International Journal of Economics and Business Administration*. – 2018. – 6(2). – P. 39-55.
10. Karkowska R., Pawłowska M. The concentration and bank stability in Central and Eastern European countries. NBP Working Paper No. 272. – Narodowy Bank Polski, Education & Publishing Department, 2017. – 28 p.
11. Beniston S. Liquidity [Electronic resource] // BDC Advisory Services [website]. – n.d. – URL: <https://www.bdc.ca/en/articles-tools/entrepreneur-toolkit/templates-business-guides/glossary/liquidity#> (Accessed: 22.12.2022).
12. Davis E. P., Ali Abdilahi R. Econometric Analysis of the Determinants of Bank Profitability in Three Major African Counties: Kenya, Nigeria and South Africa. NIESR Discussion Paper No. 536. – National Institute of Economic and Social Research, 2022. – 42 p.
13. Rahim S. R. M., Hassan N. M., Zakaria R. H. Islamic Vs. Conventional Bank Stability: "A Case Study Of Malaysia" // *Prosiding Persidangan Kebangsaan Ekonomi Malaysia Ke VII*. – 2012. – 840. – P. 839-850.
14. Ghenimi A., Chaibi H., Omri M. A. B. The effects of liquidity risk and credit risk on bank stability: Evidence from the MENA region // *Borsa Istanbul Review*. – 2017. – 17(4). – P. 238-248.
15. Dias R. Capital regulation and bank risk-taking—new global evidence // *Accounting & Finance*. – 2021. – 61(1). – P. 847-884.
16. Groeneveld J. M., de Vries B. European cooperative banks: first lessons from the subprime crisis // *International Journal of Co-operative Management*. – 2009. – 4. – P. 8-22.
17. World Bank. World Development Indicators 2020: From the World Bank Database. The World Bank, 2020.
18. World Bank. World Development Indicators 2021: From the World Bank Database. The World Bank, 2021.
19. Ozili P. K. Banking stability determinants in Africa // *International Journal of Managerial Finance*. – 2018. – 14(4). – P. 462-483.
20. Diaconu R. I., Oanea D. C. The main determinants of bank's stability. Evidence from Romanian banking sector // *Procedia Economics and Finance*. – 2014. – 16. – P. 329-335.
21. Baltagi B. H., Demetriades P. O., Law S. H. Financial development and openness: Evidence from panel data // *Journal of development economics*. – 2009. – 89(2). – P. 285-296.
22. Kanapiyanova K., Faizulayev A., Ruzanov R., Ejdy J., Kulumbetova D., Elbadri M. Does social and governmental responsibility matter for financial stability and bank profitability? Evidence from commercial and Islamic banks // *Journal of Islamic Accounting and Business Research*. – 2023. – 14(3). – P. 451-472.
23. Parmankulova I., Issakhova P., Zhanabayeva Z., Faizulayev A., Orazymbetova K. The drivers of financial vulnerability and profitability: evidence from conventional and Islamic banks in Islamic finance-oriented

countries // *Journal of Islamic Accounting and Business Research*. – 2022. – 13(6). – P. 902-919. – DOI: <https://doi.org/10.1108/JIABR-06-2021-0155>.

REFERENCES

1. Adem, M. (2022). Impact of income diversification on bank stability: a cross-country analysis. *Asian Journal of Accounting Research*, (ahead-of-print), DOI: <https://doi.org/10.1108/AJAR-03-2022-0093>.
2. Pham, T. T., Dao, L. K. O. and Nguyen, V. C. (2021). The determinants of bank's stability: a system GMM panel analysis. *Cogent Business & Management*, 8(1), 1963390.
3. Tram, T. X. H., and Nguyen, T. N. (2020). Factors affecting the stability of commercial banks in Vietnam. *International Conference on - CIFBA 2020*, 545-555.
4. Karminsky, A. and Kostrov, A. (2014). Comparison of bank financial stability factors in CIS countries. *Procedia Computer Science*, 31, 766-772.
5. Danişman, G. (2018). Determinants of bank stability: A financial statement analysis of Turkish banks. *Sosyoekonomi*, 26(38), 87-103.
6. Aladwan, M. S. (2015). The impact of bank size on profitability "an empirical study on listed Jordanian commercial banks". *European Scientific Journal*, 11(34), 217-236.
7. Alharthi, M. (2016). The determinants of efficiency, profitability and stability in the banking sector: a comparative study of Islamic, conventional and socially responsible banks: PhD Thesis. Plymouth University, 328 p.
8. Kasri, R. A. and Azzahra, C. (2020). Determinants of Bank Stability in Indonesia. *Signifikan: Jurnal Ilmu Ekonomi*, 9(2), 153-166.
9. Rupeika-Apoga, R., Zaidi, S. H., Thalassinou, Y. E. and Thalassinou, E. I. (2018). Bank stability: The case of Nordic and non-Nordic banks in Latvia. *International Journal of Economics and Business Administration*, 6(2), 39-55.
10. Karkowska, R. and Pawłowska, M. (2017). The concentration and bank stability in Central and Eastern European countries. NBP Working Paper No. 272. Narodowy Bank Polski, Education & Publishing Department, 28 p.
11. Beniston, S. (n. d.). Liquidity. BDC Advisory Services. Retrieved December 20, 2022, from <https://www.bdc.ca/en/articles-tools/entrepreneur-toolkit/templates-business-guides/glossary/liquidity#>.
12. Davis, E. P. and Ali Abdilahi, R. (2022). Econometric Analysis of the Determinants of Bank Profitability in Three Major African Counties: Kenya, Nigeria and South Africa. NIESR Discussion Paper No. 536. National Institute of Economic and Social Research, 42 p.
13. Rahim, S. R. M., Hassan, N. M. and Zakaria, R. H. (2012). Islamic Vs. Conventional Bank Stability: "A Case Study Of Malaysia". *Prosiding Persidangan Kebangsaan Ekonomi Malaysia Ke VII*, 840, 839-850.
14. Ghenimi, A., Chaibi, H. and Omri, M. A. B. (2017). The effects of liquidity risk and credit risk on bank stability: Evidence from the MENA region. *Borsa Istanbul Review*, 17(4), 238-248.
15. Dias, R. (2021). Capital regulation and bank risk-taking—new global evidence. *Accounting & Finance*, 61(1), 847-884.
16. Groeneveld, J. M. and de Vries, B. (2009). European cooperative banks: first lessons from the subprime crisis. *International Journal of Co-operative Management*, 4, 8-22.
17. World Bank. (2020). World Development Indicators 2020: From the World Bank Database. The World Bank.
18. World Bank. (2021). World Development Indicators 2021: From the World Bank Database. The World Bank.
19. Ozili, P. K. (2018). Banking stability determinants in Africa. *International Journal of Managerial Finance*, 14(4), 462-483.
20. Diaconu, R. I. and Oanea, D. C. (2014). The main determinants of bank's stability. Evidence from Romanian banking sector. *Procedia Economics and Finance*, 16, 329-335.
21. Baltagi, B. H., Demetriades, P. O. and Law, S. H. (2009). Financial development and openness: Evidence from panel data. *Journal of development economics*, 89(2), 285-296.

22. Kanapiyanova, K., Faizulayev, A., Ruzanov, R., Ejdy, J., Kulumbetova, D. and Elbadri, M. (2023). Does social and governmental responsibility matter for financial stability and bank profitability? Evidence from commercial and Islamic banks. *Journal of Islamic Accounting and Business Research*, 14(3), 451-472.

23. Parmankulova, I., Issakhova, P., Zhanabayeva, Z., Faizulayev, A. and Orazymbetova, K. (2022). The drivers of financial vulnerability and profitability: evidence from conventional and Islamic banks in Islamic finance-oriented countries. *Journal of Islamic Accounting and Business Research*, 13(6), 902-919, DOI: <https://doi.org/10.1108/JIABR-06-2021-0155>.

COVID-19 ПАНДЕМИЯСЫНЫҢ БАНК САЛАСЫНЫҢ ҚАРЖЫЛЫҚ ТҰРАҚТЫҒЫНА ӘСЕРІ: ЕУРАЗИЯЛЫҚ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ОДАҚ ЕЛДЕРІНІҢ МЫСАЛЫ

Г. Утарова¹, А. Файзулаев^{1*}

¹КИМЭП Университетті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты – Еуразиялық экономикалық одақ елдері мысалында банктік және макроэкономикалық айнымалылардың банк секторының тұрақтылығына әсерін анықтау. Ол үшін KASE деректер базасы мен Дүниежүзілік банк деректер базасы пайдаланылды. Еуразиялық экономикалық одақ елдерінің (Ресей, Беларусь, Қазақстан, Қырғызстан, Әзірбайжан және Армения) 10 коммерциялық банкінен 2016-2021 жылдар аралығындағы деректер алынды.

Әдістеме – тәуелді және тәуелсіз айнымалылардың қатынасын байқау үшін панельдік түзетілген стандартты қателік үлгісі (PCSE). Altman Z-балы қаржылық тұрақтылық көрсеткіші ретінде пайдаланылады. Активтердің рентабельділігі (ROA) компанияның табыстылығының көрсеткіші болып табылады.

Зерттеудің бірегейлігі / ерекшелігі Еуразиялық экономикалық одақ елдерінің банк саласының тұрақтылығы мен табыстылығына әсер ететін факторларды салыстыруда.

Зерттеуді бағалау нәтижелері банк секторындағы қаржылық тұрақтылыққа банктік және макроэкономикалық факторлардың күшті әсер ететінін көрсетеді. Мысалы, активтер сапасы мен сыбайлас жемқорлықпен күрес банктердің тұрақтылығына қатты және теріс байланысты. Екінші жағынан, активтердің кірістілігі (ROA), банк көлемі, саяси тұрақтылық және уақыттың банк жүйесінің тұрақтылығына жалған әсері оң және статистикалық маңызды.

Түйін сөздер: банк саласы, қаржылық тұрақтылық, ЕЭО елдері, табыстылық, Z- көрсеткіші.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ФИНАНСОВУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ БАНКОВСКОЙ ОТРАСЛИ: НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Г. Утарова¹, А. Файзулаев^{1*}

¹Университет КИМЭП, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – выявить влияние банковских и макроэкономических переменных на стабильность банковского сектора на примере стран Евразийского экономического союза. Для этого были использованы база данных KASE и база данных Всемирного банка. Данные получены от 10 коммерческих банков стран Евразийского экономического союза (России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Азербайджана и Армении) за период 2016-2021 гг.

Методология представляет собой модель стандартной ошибки с панельной коррекцией (PCSE) для наблюдения за отношением зависимых и независимых переменных. Z-показатель Альтмана используется как индикатор финансовой устойчивости. Рентабельность активов (ROA) – показатель прибыльности компании.

Оригинальность исследования заключается в сравнении факторов, влияющих на устойчивость и прибыльность банковской отрасли стран Евразийского экономического союза.

Результаты оценки исследования показывают, что специфические для банка и макроэкономические факторы сильно влияют на финансовую стабильность в банковском секторе. Например, качество активов и борьба с коррупцией существенно и отрицательно связаны со стабильностью банков. С другой стороны, рентабельность активов (ROA), размер банка, политическая стабильность и фиктивное влияние времени на стабильность банковской системы являются положительными и статистически значимыми.

Ключевые слова: банковская отрасль, финансовая стабильность, страны ЕАЭС, прибыльность, Z-показатель.

ABOUT THE AUTHORS

Guldana Utarova – Master Student, Bang College of Business, KIMEP University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: guldana.utarova@kimep.kz, <https://orcid.org/0000-0003-2958-2780>

Alimshan Faizulayev – PhD, Research Director, Bang College of Business, KIMEP University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: a.faizulayev@kimep.kz, <https://orcid.org/0000-0002-0212-0538>*

MPHTI: 06.73.75

JEL Classification: E44

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-2-164-180>

ВЛИЯНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА НА СТАБИЛЬНОСТЬ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ: АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Д. Б. Канагатова^{1*}, Н. С. Кенжеғалиева¹

¹Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – определить влияние потребительского кредитования на банковскую устойчивость и оценить ее зависимость от экономических показателей.

Методология исследования основана на качественных и количественных подходах. В статье использовались методы регрессионного анализа, трансформация отображения аналитических данных, анализ и синтез.

Оригинальность / ценность исследования. Безусловная уникальность данной статьи заключается в том, что авторы на основе расчетов определили зависимость потребительского кредитования как от макроэкономических, так и от психологических факторов.

Результаты исследования. Авторы в результате эконометрических расчетов получили потребительскую функцию, как основного показателя совокупного спроса, которая влияет на экономический рост. Выявили низкую зависимость потребительского кредитования от: ставки процента, среднемесячного дохода населения и инфляции. Результат множественной регрессии показывал, что макроэкономические факторы только на 43,3 % объясняют рост потребительского кредитования. На ряду с этим,

авторы определили, значительное влияние потребительских кредитов на импорт и валовую добавленную стоимость торговли.

На основе качественного анализа авторы рассчитали индекс потребительского настроения (СЦИ), на основе опроса 128 респондентов. По результатам опроса было выявлено, что потребители оптимистичны и сильно подвержены психологическим инструментам влияния, таких как маркетинговые и рекламные акции. Также, авторы полагают, что восприятие долгового бремени и доступность кредита повлияло на резкий рост данного банковского продукта.

Аргументируя свои предположения, ссылаясь на современные исследования экономистов, авторы определили, что изменения спроса на потребительские кредиты определяются больше психологическими факторами, а не экономическими. Повышение конечных расходов домохозяйств обусловлено увеличением потребительского кредитования, что в краткосрочном периоде стимулировало совокупный спрос и тем самым повлияло на экономический рост. Вместе с тем, в последние годы в Казахстане, кредитование домашних хозяйств опережает кредитование производств и отношение долга домашних хозяйств к ВВП увеличивается. Такая тенденция может привести в долгосрочном периоде к дефолту банков и экономической рецессии в стране. На основе этого авторами были предложены некоторые рекомендации для решения этих проблем.

Ключевые слова: Потребительский кредит, банковская и финансовая устойчивость, макроэкономическая стабильность, психологические факторы, когнитивные искажения.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы наблюдается резкое увеличение потребительского кредитования сектора домашних хозяйств. Если в 2020 году в связи с пандемией наблюдалось снижение данного показателя, но в целом, за последние 10 лет кредитование этого сектора увеличилось более чем в 8,5 раз. По данным Национального банка Казахстана в 4 квартале 2022 года потребительские кредиты физических лиц составляли 7,7 трлн. тенге, тогда как в 2011 году этот показатель был равен 905,5 млрд. тенге. Нужно отметить, что исследовательский интерес во многих странах к потребительскому кредитованию появился относительно недавно и он связан с увеличением его доли в ссудном портфеле банков.

В Казахстане объем потребительского кредитования занимает наибольшую долю и составляет 33 %. Множество зарубежных исследований утверждают, что быстрый рост потребительских кредитов ухудшает качество продукта и повышает риск устойчивости банков. В целом банковская система оказывает сильное влияние на макроэкономику, что подтверждается такими показателями, как отношение банковских активов и кредитов к ВВП, которые составляет 46 % и 24 % соответственно. Также рост потребительского кредитования в 2022 году значительно превысил номинальный темп роста ВВП.

Все вышеперечисленные факторы, усиливают актуальность исследования данного банковского продукта, оценку его влияния на финансовую и макроэкономическую устойчивость. Еще в 2011 году МВФ в своих отчетах указывал на то, что в странах с высоким уровнем кредитования домашних хозяйств, по сравнению со странами с низким уровнем кредитования приводит в долгосрочном периоде к серьезному и длительному сокращению потребления и общей экономической активности.

В этой связи, авторы задались вопросом чем обусловлен существенный рост потребительского кредитования и влияет ли данный факт на макроэкономическую и банковскую устойчивость? Поиск ответов на данные вопросы обуславливает цель написания настоящей статьи.

Литературный обзор. Ранее уже проводились исследования в этом направлении, к примеру Т. Мендельсонас и Э. Фрейтакас обнаружили, что чрезмерный рост кредитов увеличивает восприимчивость финансовой системы к экономическим колебаниям и ослабляет их баланс, который может привести к увеличению риска финансовой системы и в итоге вызвать финансовый кризис [1]. Б. Бююккарабакак и Н. Т. Валев утверждают, что к увеличению вероятности ухудшения качества кредита приводит быстрый рост кредита [2].

Эмпирические исследования ранних годов показывают, что рост кредитной активности влечет за собой увеличение неработающих кредитов и убытков по ссудам, снижает капитализацию и прибыльность банков, и в конечном итоге влияет на стабильность банков [3-5].

Результаты исследования Л. Ливена и Г. Майнони по данным 45 стран определили, значительную отрицательную связь между убытками по ссудам и ростом кредита [6]. Аналогично Д. Фус и его коллеги, изучив 16 развитых стран с 1997 по 2007 года, продемонстрировали, что рост займа негативно связан с платежеспособностью банков, в связи с тем, что банки не могут пропорционально прирастить собственный капитал [7]. По результатам исследования Ж. С. Амадора и других, аномальный рост кредита в течение длительного периода увеличивал риск банков, которые сопровождалось с увеличением отношения неработающих кредитов к общей сумме кредитов и снижением платежеспособности банков [8]. В своем исследовании Д. Иган и М. Пинеиро использовали данные банков 90 стран в промежутке 1995 и 2005 годов в периоды бума и обнаружили отрицательную взаимосвязь между устойчивостью и кредитоспособностью банков [9]. Несмотря на приведенные выше результаты исследования, Ж. П. Фенек, Ю. К. Яп, и С. Шафик пришли к иному результату. Они не обнаружили подтверждение того, что кредит ослабляет устойчивость банковской системы [10].

Н. Низара и З. Абдул Карим провели исследование, используя данные 37 малазийских банков из баз данных Bankscore и МВФ, в период выборки входят 2008 и 2015 года [11].

Это исследование отличается от исследования Б. Бююккарабака и Н. Т. Валева тем, что они не рассматривают кредиты, предоставленные предприятиям, а также в этом исследовании домашние кредиты использовались для расчета общей суммы кредитов на уровне институционального банка. В результате этого исследования расчетный коэффициент потребительского кредита с банковской стабильностью был отрицательным и статистически значимым на уровне 1. Это говорит о том, что они имеют отрицательную корреляцию, а значит увеличение потребительского кредита снижает устойчивость банков.

В своем исследовании Э. Фрейтакас и Т. Мендельсонас пришли к такому выводу, что существует связь между кредитом домохозяйств и финансовой стабильностью, но эта связь недостаточна изучена [1].

Методология исследования. В настоящей работе используются качественные и количественные методологические подходы. Методы сбора информации: статистические данные с 2000 по 2012 годы, анкетирование, критический обзор литературы, охватывающий современные труды ученых.

Методы анализа информации: регрессионный анализ, трансформация отображения аналитических данных, анализ и синтез. Для построения модели авторы использовали реальные приведенные к базовому году и номинальные показатели (Таблица 1).

Таблица 1 – Переменные, упоминаемые в настоящей статье

Обозначение в уравнениях модели	Название показателя
Y_real Real GDP	ВВП, исчисленный методом конечного использования в Казахстане в ценах 2005 года, млрд. тенге
Y ^D	Чистый располагаемый доход в ценах 2000 года, годовые данные, млн. тенге
C_real	Расходы на конечное потребление домашних хозяйств в счете использования располагаемого дохода в ценах 2000 года, годовые данные, млн. тенге
C_nominal	Номинальные расходы на конечное потребление домашних хозяйств в счете использования располагаемого дохода, квартальные данные, млрд. тенге
CONSUMER_LOANS	Потребительский кредит, млрд. тенге
Im_real	Импорт товаров услуг в Казахстане в ценах 2005 года, млрд. тенге

r_real	Реальная ставка вознаграждения банков по выданным кредитам в Республике Казахстан
GDD_trd_r	Реальная валовая добавленная стоимость Торговли
Rincpop	Реальный среднемесячный доход населения
Rexppop	Реальный среднемесячный расход населения
Imp	Импорт
Exp	Экспорт
Poil	Цена на нефть марки Brent
GDP_def	Дефлятор ВВП
CPI	Индекс потребительских цен
Rate_kzt_consloan_0y_1y	Средневзвешенная ставка кредитования по краткосрочным потребительским кредитам в тенге
Rate_kzt_consloan_1y_1y	Средневзвешенная ставка кредитования по долгосрочным потребительским кредитам в тенге
CSI	Индекс потребительского доверия
Примечание – составлено авторами	

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В Казахстане за последние несколько лет количество банков сократилось с 30 до 21 банка. Подобное слияние и поглощение привело к консолидации, что послужило повышению стабильности в банковском секторе. Лидирующее место по активам и ссудному портфелю 31 % и 33 % соответственно, занимает АО «Народный сберегательный банк Казахстана». Следующим идет АО «KaspiBank», доля активов 11 %, а ссудный портфель 14 %, затем по активам идет АО «Банк Центркредит» (10 %) и АО «Отбасы Банк» владеет 12 % ссудного портфеля. Сектор является концентрированным, на 10 крупнейших банков приходится 70 % общих активов и ссудного портфеля.

Потребительский кредит – кредит, предоставленный физическим лицам на приобретение товаров и услуг, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. В современных условиях наблюдается тенденция того, что ссудный портфель банков растет в основном за счет потребительских необеспеченных кредитов. В частности, на 1 ноября 2022 года доля потребительского кредитования составляет 33 % и имеет тенденцию к постоянному росту (Рисунок 1).

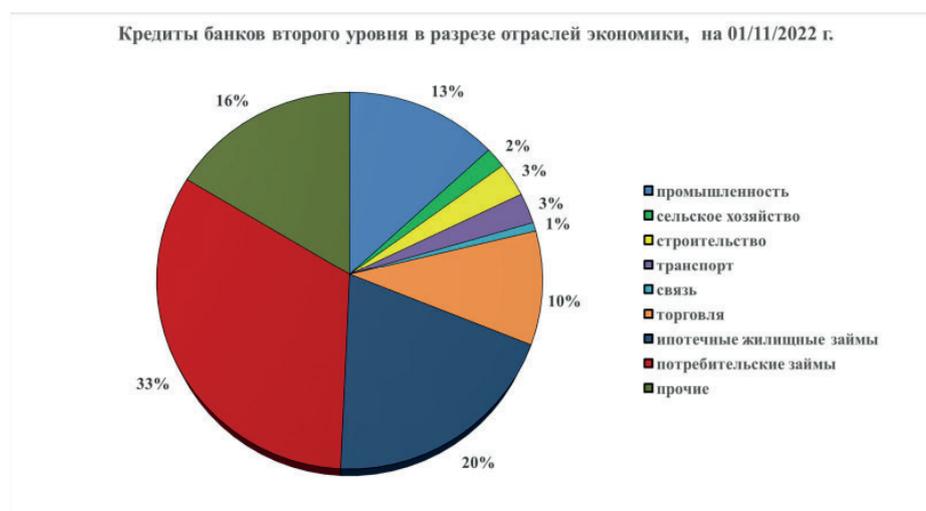

Рисунок 1 – Кредиты банков второго уровня в разрезе отраслей экономики, на 1 ноября 2022 года

Примечание – составлено авторами на основе источника [12]

Взаимосвязь между потребительским кредитом и экономикой сложна и многогранна и может иметь как положительное, так и отрицательное влияние. В целом макроэкономика сильно зависит от банковской системы, что подтверждается такими показателями, как отношение банковских активов и кредитов к ВВП, которые составляет 46 % и 24 % соответственно. В последние годы во многих странах, в том числе и в Казахстане прослеживается негативная тенденция, которая заключается в следующем – кредитование домашних хозяйств опережает кредитование реального сектора производства и при этом растёт отношение долга домашних хозяйств к ВВП. Также рост потребительского кредитования в 2021 году значительно превысил номинальный темп роста ВВП, это можно увидеть на Рисунке 2 [13].

Эксперты полагают, что кредитование осталось единственным существенным фактором роста экономики на ближайший год.

В этой связи, авторы рассмотрели взаимосвязь между потребительскими расходами домохозяйств и располагаемым доходом с 2000 по 2022 и получили функцию потребления (Рисунок 3).

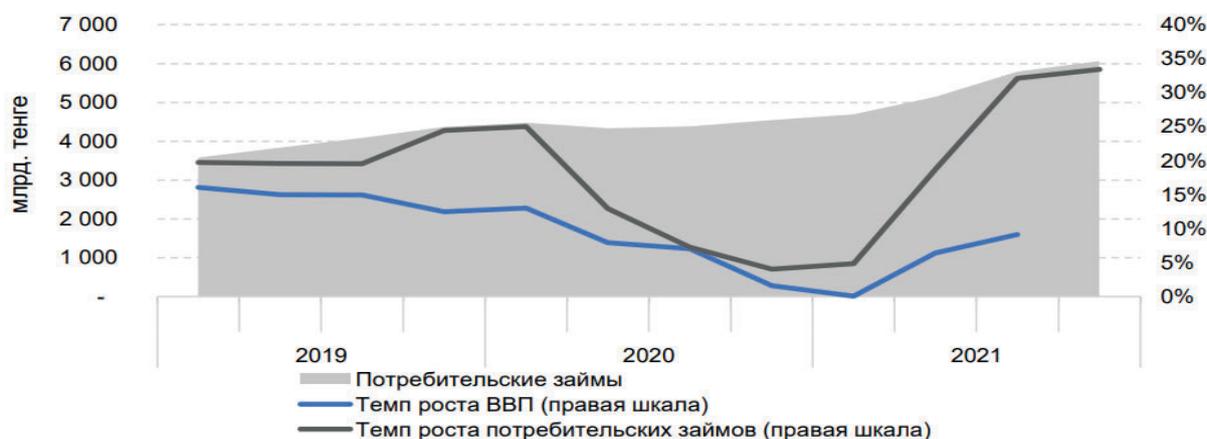

Рисунок 2 – Темпы роста потребительских займов и ВВП

Примечание – график из отчета о финансовой стабильности Казахстана 2021 [13]

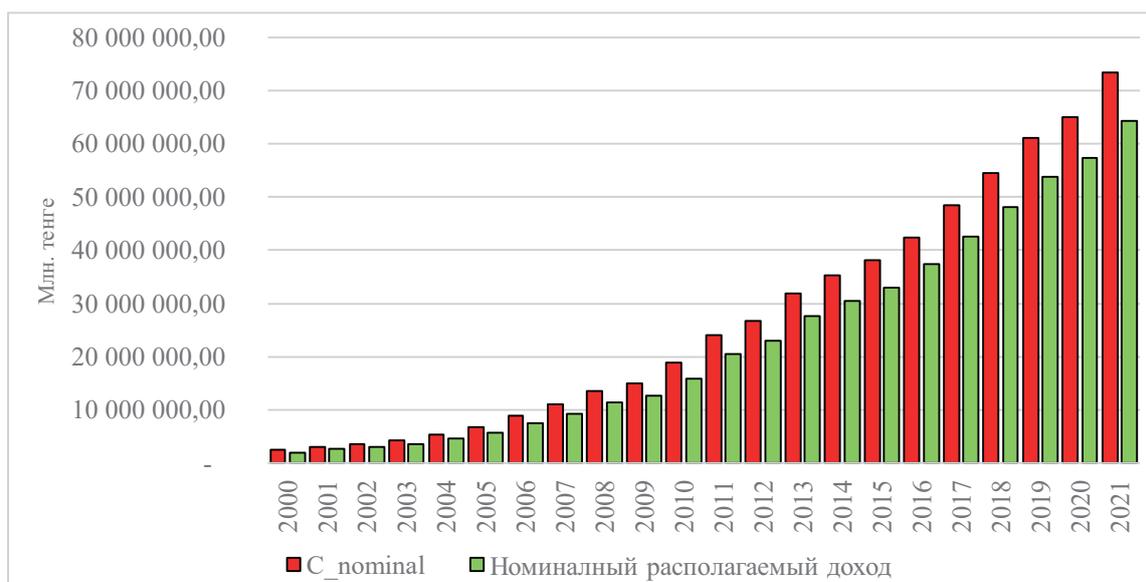

Рисунок 3 – Потребительские расходы и располагаемый доход домохозяйств

Примечание – составлено авторами на основе статистических данных

Анализ потребительской функции. Функции потребления в зависимости от чистого располагаемого дохода. Общий вид потребительской функции Кейнса имеет вид:

$$C_{real} = Ca + bY^d \quad (1)$$

где C_{real} – расходы на конечное потребление домашних хозяйств;

Ca – автономное потребление;

b – предельная склонность к потреблению;

Y^d – личный располагаемый доход.

На основе статистических данных за период 2000-2022 годы функция потребления для Казахстана имеет следующую эконометрическую оценку:

$$C_{real} = -3833.686 + 1.20617655823 * Y^D \\ R^2 = 0.994318 \quad (3)$$

где Y^D – чистый располагаемый доход в ценах 2000 года, годовые данные, млн. тенге.

Коэффициент b характеризует предельную склонность к потреблению (МРС), которая показывает изменение потребления в ответ на изменение личного располагаемого дохода на единицу. Это значение колеблется в пределах $0 \leq b \leq 1$, чем больше данный показатель, тем ниже уровень благосостояния населения, т.к. большая часть располагаемого дохода расходуется на потребление, а меньшая - на сбережение. В полученном уравнении предельная склонность к потреблению составила 1,206. На наш взгляд, то что МРС больше 1 было получено не случайно. Это свидетельствует о превышении потребления над личным располагаемым доходом, и о наличии высокого уровня кредитования потребительских расходов, а также теневого дохода у потребителей. Высокое значение предельной склонности к потреблению также сигнализирует о невысоком потенциале внутренних источников финансирования инвестиций. В результате к концу 2018 года сумма выданных кредитов стало превышать вложенные депозиты, тем самым население стало чистым заемщиком у банков.

Как можно заметить из уравнения (1), оценка автономного потребления отрицательна. Свободный параметр в регрессионном уравнении может быть отрицательным при условии превышения темпов роста зависимой переменной над темпами роста независимой переменной. В нашем случае, рост личного располагаемого дохода вызывает более существенный рост потребления на всем рассматриваемом диапазоне данных.

Для того, чтобы определить причины нерационального поведения домохозяйств мы проанализировали зависимость номинальных расходов домохозяйств от потребительских кредитов и получилась следующая функция:

$$d(C_{nominal}, 2) = -755,753 + 88,63923 * d(CONSUMER_LOANS, 2) \\ R^2 = 0,292584 \quad (4)$$

где $d(C_{nominal})$ – приведенные в стационарный вид номинальные расходы на конечное потребление домашних хозяйств в счете использования располагаемого дохода, квартальные данные, млрд. тенге;

$d(CONSUMER_LOANS, 2)$ – приведенные в стационарный вид потребительский кредит, квартальные данные, млрд. тенге.

Согласно, полученной регрессионной модели номинальное потребление домашних хозяйств почти на 30 % определяется уровнем потребительского кредитования.

Для более предметного анализа авторы сравнили динамику реальных среднемесячных доходов и расходов населения (Рисунок 4). И получили картину, которая подтверждает предыдущие выводы. Точнее за последние 8 лет среднемесячные фактические расходы населения превысили доходы

населения в среднем на 60 %, при этом максимальный разрыв приходится на первый квартал каждого года.

Рисунок 4 – Реальные среднемесячные доходы и расходы населения

Примечание – составлено авторами на основе статистических данных

Согласно полученным данным, реальные расходы населения превышают доходы в среднем в 1,5 раза, что свидетельствует об определенных проблемах в экономическом и финансовом поведении людей. Это может быть вызвано различными причинами, такими как чрезмерная зависимость от кредитных карт, слишком большой долг или просто жизнь за пределами своих финансовых возможностей.

По результатам линейной регрессии на рост потребительского кредита влияет снижение дохода с лагом на один шаг. Коэффициент детерминации линейного уравнения равен 20 %. Сравнительный анализ этих показателей выявил, что самый большой рост реального среднемесячного дохода населения составил 8 %, а рост потребительского кредита составил 40 %. Это указывает на то, что домохозяйства при снижении дохода увеличивали спрос на кредит, чтобы сохранить прежний уровень потребления.

Так как реальные доходы населения только на 20,7 % объясняют рост потребительского кредита, были построены и другие линейные регрессии между потребительским кредитом и макроэкономическими факторами. И отбирались по коэффициенту детерминации и значимости коэффициентов.

Согласно проведенным расчетам наиболее значимым фактором является реальная валовая добавленная стоимость торговли (Таблица 2), которая объясняет увеличение потребительского кредита на 23,4 %. Probability value (P-value) реальной валовой добавленной стоимости торговли меньше 5 % что подтверждает, статистическую значимость коэффициента регрессии, а константа не значима, поэтому уравнение выглядит так:

$$d(\text{CONSUMER_LOANS},2) = 0,9232 * d(\text{gdd_trd_r}) \quad (4)$$

Угол наклона данного уравнения показывает, что с увеличением реальной валовой добавленной стоимости торговли на 1 единицу потребительский кредит растёт в среднем на 0,9232. Probability (Jarque-Bera) показывает, что выборка данных распределена нормально. Вместе с тем, данный показатель, тесно коррелирует с ростом импортных товаров. Это подтверждает тот факт, что увеличение потребительского кредитования влечет за собой рост доходов торговым ритейлерам и импортерам.

Изменение инфляции измеренный через дефлятор ВВП объясняет поведение потребительского кредитования на 23 %. Корреляция между дефлятором ВВП и потребительским кредитом отрицательно. Следовательно, рост цен снижает спрос на товары и услуги, а также на потребительские кредиты.

В итоге наилучший результат множественной регрессии показывает, что все приведенные макроэкономические показатели только на 43,3 % объясняют рост потребительского кредитования. Расчеты показали, что добавление более 2 факторов, независимых переменных, не улучшает качество регрессионной модели, на что указывает скорректированное значение R-квадрат. Тем самым авторы предполагают, что на поведение потребителей при формировании спроса на кредит влияет не только экономические, но и психологические факторы.

Таблица 2 – Результаты линейной регрессии между потребительскими кредитами и макрофакторами

Dep. Variable	R ²	Adj. R ²	F-statistic	x	coef_x	std err	z_x	P> z _x	Durbin-Watson
d(CONSUMER_LOANS,2)	0,23	0,21	8,6	d(GDD_Trд_R)	0,92	0,3	2,93	0,007	1,90
d(CONSUMER_LOANS,2)	0,23	0,20	8,3	d(GDP_DEF)_lag_1	-0,78	0,3	-2,89	0,007	2,03
d(CONSUMER_LOANS,2)	0,21	0,19	7,6	d(imp)	443,49	161,1	2,75	0,010	1,86
d(CONSUMER_LOANS,2)	0,21	0,18	7,3	d(Rincpop_q)_lag_1	-1542	569,8	-2,71	0,011	1,96
d(CONSUMER_LOANS,2)	0,14	0,11	4,6	d(real_gdp)	251,38	117,3	2,14	0,041	2,02

Примечание – составлено авторами на основе регрессионного анализа
d(CONSUMER_LOANS,2) – приведенный в стационарность потребительский кредит, зависимая переменная. Независимые переменные, которые оказались самыми значимыми в линейной регрессии, также приведенные в стационарный вид:
d(GDD_Trд_R) – реальная валовая добавленная стоимость торговли
d(GDP_DEF)_lag_1 – дефлятор ВВП с лагом на один шаг
d(imp) – импорт
d(Rincpop_q)_lag_1 – реальный среднемесячный доход населения
d(real_gdp) – реальный ВВП

Качественный анализ, проведенный авторами, имеет цель определения неэкономических факторов, влияющих на рост потребительского кредитования. Первый показатель – это индекс потребительских настроений, который определяет, насколько потребители уверены в состоянии экономики и своем финансовом положении. Индекс основан на опросах потребительских настроений и рассчитывается у нас Национальным Банком. Индекс варьируется от 0 до 200, при этом более высокие показатели свидетельствуют о более позитивных настроениях.

Существует тесная взаимосвязь между индексом потребительских настроений и потребительским кредитованием. Когда потребители испытывают оптимизм в отношении экономики и собственного финансового положения, они с большей вероятностью будут брать кредиты для совершения покупок. При высоких настроениях потребители также чаще используют кредитные карты для совершения покупок, что может привести к дальнейшему росту уровня потребительского кредитования и наоборот. При низких настроениях потребители больше сберегают деньги и больше снижают спрос на потребительские кредиты.

Для определения уровня настроения потребителей авторами был проведен опрос среди 128 респондентов. На основе ответов на 5 ключевых вопросов был рассчитан индекс потребительского настроения (CSI) (Таблица 3).

Согласно полученным расчетам CSI равен 156,9. Это свидетельствует о том, что в целом настроение потребителей в Республике Казахстан является оптимистическим. Большинство опрошенных верят в улучшение своего материального положения в будущем, и меньшинство выражает опасения на этот счет. Кроме того, значительная часть респондентов полагает, что экономические условия в стране будут улучшаться и очень оптимистичны.

Таблица 3 – Индекс потребительского настроения

Наименование индикатора	Респонденты	Число положительных ответов	Число ответов с оценкой «удовлетворительно» или «воздержался»	Число отрицательных ответов	Значение индикатора	Значение индекса
		N(+)	1/2 N(+)	N(-)	I	CSI
-изменения личного материального положения за последний год;	128	63	45	20	162,0853	156,8983
- изменения личного материального положения в ближайший год;		99	25	4	193,0736	
- перспектив развития страны в ближайший год;		54	37	37	132,4201	
- перспектив развития страны в ближайшие 5 лет;		51	60	17	165,3061	
отношение к совершению крупных покупок;		32	63	33	131,6062	

Примечание – рассчитан авторами на основе опроса

Вместе с тем Национальный Банк производит регулярный мониторинг развития кредитного рынка с помощью ежеквартального обследования банков второго уровня по кредитным условиям. Целью проведения опроса, является определения влияние таких факторов, как рекламные компании, сроки кредитования и процентные ставки на спрос потребительского кредитования (Рисунок 5).

По результатам опроса выяснилось, что изменение условий кредитования, включая изменение сроков кредитования, процентных ставок, комиссий и других кредитных условий, не имеют значительно влияние на количество выданных потребительских кредитов.

Однако, как показали результаты опроса за период с 1 квартала 2011 года по 3 квартал 2022 года, проведение маркетинговых акций и рекламных кампаний оказывает наибольшее влияние на спрос на потребительские кредиты, особенно в 3 и 4 кварталы (Рисунки 6, 7).

Рисунок 5 – Влияние изменения кредитных условий на рост потребительских кредитов

Примечание – составлено авторами на основе данных [12]

Рисунок 6 – Влияние проведение маркетинговых акций и рекламных кампаний на рост потребительских кредитов

Примечание – составлено авторами на основе данных [12]

Рисунок 7 – Влияние потребности в кредитах на рост потребительских кредитов

Примечание – составлено авторами на основе данных [12]

Таким образом, на основании проведенного обследования банков второго уровня по кредитным условиям был сделан вывод о том, что проведение маркетинговых акций и рекламных кампаний является одним из наиболее эффективных способов влияния на поведение людей и повышение спроса на потребительские кредиты. Из этого следуют, что люди более подвержены психологическим факторам, таким как эмоции и позитивный настрой при принятия экономических решений. Такой нерациональный способ поведения приводит к ошибкам и долгосрочным убыткам людей.

Основоположник макроэкономики Дж. М. Кейнс подобное поведение людей называл как «ошибки оптимизма» и определял это так: «Бум, которому суждено закончиться крахом, это такое состояние, когда излишний оптимизм берет верх над нормой процента, которая при более трезвом рассмотрении представлялась бы чрезмерной» [14]. По результатам отчета регулярной оценки качества активов AQR (asset quality review) 2022 года в Казахстане одна из самых высоких процентных ставок по потребительским кредитам, и они могут достигать 30 и более процентов, что значительно выше, чем во многих других странах.

В 1979 году исследователи в области когнитивной психологии Даниэль Канеман и Амос Тверски доказали, что люди часто демонстрируют склонность к абсолютно нерациональному поведению [15-16]. Они определили множество когнитивных искажений (более 200), которые не позволяют людям принимать рациональные решения.

Авторы видят необходимость привести некоторые из них, чтобы объяснить поведение наших заемщиков, они следующие:

1. *Ошибки оптимизма и пессимизма.* Ошибки оптимизма возникают у людей из-за отсутствие критической оценки реальности и завешенных оптимистических ожиданий. В результате минимизации негативных сценариев, человек может потерпеть материальный и моральный крах. Напротив, при ошибке – пессимизма люди завышают вероятность негативного сценария и не склонны рисковать.

2. *Гиперболическое дисконтирование* – это отказ от применения людьми гиперболического дисконтирования вместо экспоненциального [17]. Простыми словами – это когда люди хотят получить сразу меньший доход, хотя могли получить доход в большем размере в более поздний период. Под воздействием гиперболических временных предпочтений люди начинают больше потреблять, а не сберегать и т. д. Данное явление подтверждается недавними результатами опроса, которые показали, что 77 % казахстанцев не имеют никаких сбережений, при этом 20 % людей имеют незначительные накопления на «черный день». А 3 % опрошенных вообще не смогла ответить на вопрос. Гиперболического дисконтирования активно используется в маркетинге. При проведении маркетинговых акций основная стратегия такого воздействия заключается в усилении акцента на немедленное вознаграждение и наслаждение от покупки. К примеру, используются следующие инструменты: онлайн-кредиты, рассрочки, оплаты частями и беспроцентный период кредитования, предложение какого-либо немедленного бонуса и т. д. Программа Bill Me Later «Рассчитайте меня позже» платежной системы PayPal также строится по принципу гиперболического дисконтирования.

3. *«Холодные» и «горячие» психологические состояния.* Эмоциональное состояние, в котором находится человек, может оказывать решающее влияние при совершении сделок. Человек, который находится в «горячем» эмоциональном состоянии (гнева, страха, восхищения, возбуждения и т. д.) не способен принимать рациональные решения. Напротив, в «холодном» (спокойствия, хладнокровия и т. д.) он принимает обдуманные решения [18]. Проще говоря, в «горячих» состояниях люди бывают очень оптимистичными и могут переоценить сиюминутную прибыль от принимаемых решений и недооценить долгосрочные убытки от такого выбора.

Подобное психологическое состояние также активно используется торговыми ритейлерами и банками, последние имеют своих представителей в торговых центрах. Тем самым, используя «горячее» состояние покупателей, банки предлагают удовлетворить потребность, воспользовавшись кредитом здесь и сейчас. Таким образом, мы видим, что казахстанцы очень оптимистично настроены, склонны предпочитать незначительные и немедленные выигрыши большим и более поздним и совершают сделки в «горячем» состоянии. Все это подтверждают то, что поведение потребителей сильно зависят от когнитивных искажений и нерационально.

На сегодняшний день учеными определено около 300 когнитивных ошибок и иллюзий, которому подвергается человеческое сознание [19-22]. Современные нейро-маркетологи активно используют эти знания для достижения своих целей.

С одной стороны, потребительский кредит может увеличить экономический рост через стимулирование совокупного спроса, что может оказать положительное влияние на банковскую систему. Вместе с тем, когда потребительский кредит растет слишком быстро с активным использованием

психологических инструментов, это несет в себе риски стабильности банковской системы. Большие доходы банков и торговых ритейлеров в краткосрочном периоде могут обернуться дефолтом долгосрочной перспективе. Причиной может стать, неспособность заемщика выплачивать свои кредиты, что приводит к росту неплатежей и увеличению объема неработающих кредитов. Нужно отметить, что основная часть потребительских займов принадлежит группе населения с небольшим уровнем дохода, данный факт в будущем может обернуться увеличением проблемных кредитов. Хотя в текущем году, проблемные кредиты по сравнению с предыдущими годами уменьшились, в результате выкупа активов со стороны государства и умеренного взыскания задолженности. Несмотря на это, авторы отмечают, что рост кредитных операций в потребительском секторе повышают риск дефолта заемщика и оказывает негативное влияние на финансовую устойчивость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В Казахстане кредитование домашних хозяйств опережает кредитование реального сектора производства и при этом растёт отношение долга домашних хозяйств к ВВП. Рост потребительского кредитования в 2022 году значительно превысил номинальный темп роста ВВП. Потребительский кредит может привести к сокращению инвестиций в экономике, поскольку люди могут предпочесть использовать свои средства на потребление, а не на сбережения, которые формируют инвестиционный потенциал.

2. Полученная функция потребления продемонстрировала положительную зависимость потребления домохозяйств от чистого располагаемого дохода домашних хозяйств. Для функции потребления характерны высокая предельная склонность к потреблению (больше единицы), свидетельствующая о высоком уровне потребления в кредит и теневых доходах, отрицательная оценка автономного потребления, указывающая на превышение темпов роста потребления по сравнению с темпами роста доходов.

3. Согласно полученной регрессионной модели, номинальное потребление домашних хозяйств почти на 30 % определяется уровнем потребительского кредитования.

4. На основе сравнительного анализа реальных среднемесячных доходов и расходов населения получили картину, что за последние 8 лет среднемесячные фактические расходы населения превысили доходы населения в среднем на 60 %. Это объясняется чрезмерной зависимостью населения от кредитов, и привычкой жить за пределами своих финансовых возможностей.

5. Согласно результатам линейной регрессии, на рост потребительского кредита влияет снижение дохода с лагом на один шаг. При сравнении самый большой рост потребительского кредитования составил 40 %, тогда как доход увеличился на 8 %. Это указывает на то, что домохозяйства при снижении дохода увеличивали спрос на кредит, чтобы сохранить прежний уровень потребления.

6. При проведении расчетов было выявлено, что потребительское кредитование положительно влияет на реальную валовую добавленную стоимость торговли. Вместе с тем, данный показатель, тесно коррелирует с ростом импортных товаров. Это подтверждает тот факт, что увеличение потребительского кредитования влечет за собой рост доходов торговым ритейлерам и импортерам.

7. Инфляция (Дефлятор ВВП) обратно пропорционально влияет на изменение потребительского кредитования. $R^2 = 0.2292$. Следовательно, рост цен снижает спрос на товары и услуги, а также на потребительские кредиты.

8. Итоговый результат множественной регрессии показывает, что все приведенные макроэкономические показатели только на 43,3 % объясняют рост потребительского кредитования.

9. Определение неэкономических факторов, влияющих на рост потребительского кредитования, таких как, индекс потребительских настроений (CSI) выявило психологические аспекты исследования. В результате проведенного опроса получили, что $CSI = 156,9$, что свидетельствуют об оптимистическом настроении потребителей в Казахстане.

10. Мониторинг Национального Банка участников финансового рынка определил, что изменение условий кредитования, включая изменение сроков кредитования, процентных ставок, комиссий и других кредитных условий, не имеют значительного влияния на количество выданных потребительских кредитов.

11. На основании проведенного обследования банков, был сделан вывод о том, что проведение маркетинговых акций и рекламных кампаний является одним из наиболее эффективных способов влияния на поведение людей и повышение спроса на потребительские кредиты. Однако, когда потребительский кредит растет слишком быстро с активным использованием психологических инструментов, это несет в себе риски стабильности банковской системы.

12. Из этого следует, что люди более подвержены психологическим факторам, таким как эмоции и позитивный настрой при принятии экономических решений. Такой нерациональный способ поведения приводит к ошибкам и долгосрочным убыткам людей.

13. Современными учеными в результате экспериментов выявлено более 200 когнитивных искажений, которые не позволяют людям принимать рациональные решения. Именно такие ошибки как: «ошибки оптимизма», «гиперболическое дисконтирование», «горячее и холодное состояние» оказывают наибольшее влияние на поведение людей при принятии решения относительно потребительского кредитования. Эти и другие когнитивные искажения людей, активно используются в нейромаркетинге для продажи товаров и услуг.

14. Авторы полагают, что быстрый рост потребительского кредитования объясняется в большей степени влиянием психологических факторов, а не экономических. Развитие цифровых технологий, позволяют бесконтрольно применять инструменты нейромаркетинга, которые усиливают иррациональное поведение потребителей. В этой связи авторы предлагают некоторые виды "поведенческой" политики для повышения рационального выбора при выдаче кредитов:

- для устранения когнитивных искажений таких как «ошибки оптимизма» и «гиперболическое дисконтирования» рекомендуется обязательное полное раскрытие информации при потребительском кредитовании, в качестве опции по умолчанию и полный запрет кредитных карт;

- для профилактики ошибки в «горячих» психологических состояниях: закрепление в законе периодов «охлаждения», при выдаче потребительских кредитов, как это предусмотрено в семейном праве; в торговле при возврате товаров и т. д.

15. Таким образом, хотя потребительский кредит может дать толчок экономике за счет увеличения потребления и совокупного спроса, но может иметь и негативные последствия, такие как увеличение уровня задолженности, сокращение сбережений и повышенный риск дефолта. Когнитивные ошибки выявленные в результате исследования, чреватые серьезными потерями в благосостоянии – как для отдельного человека, так и для всего общества. Государство может устранять подобные потери с помощью внедрения политики нового государственного патернализма или «наджа» предложенный Р. Талером [22].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Freitas E., Mendelsonas T. Research problems in analysis of relationship between financial stability and aggregated debts // KSI Transaction on Knowledge Society. – 2015. – № 8(1). – P. 14-18.
2. Büyükkarabacak B., Valev N. T. The role of household and business credit in banking crises // Journal of Banking and Finance. – 2010. – № 34(6). – P. 1247-1256.
3. Salas V., Saurina J. Credit risk in two institutional regimes: Spanish commercial and savings banks // Journal of Financial Services Research. – 2002. – № 22(3). – P. 203-224.
4. Nkusu M. Nonperforming loans and macro-financial vulnerabilities in advanced economies // IMF Working Papers. No. 11/161. – 2011. – 27 p.
5. Louzis D. P., Vouldis A. T., Metaxas V. L. Macroeconomic and bank-specific determinants of nonperforming loans in Greece: A comparative study of mortgage, business and consumer loan portfolios // Journal of Banking and Finance. – 2012. – № 36(4). – P. 1012-1027.
6. Leaven L., Majnoni G. Loan loss provisioning and economic slowdowns: Too much, too late // Journal Finance Intermediate. – 2003. – № 12. – P. 178-197.
7. Foos D., Norden L., Weber M. Loan growth and riskiness of banks // Journal of Banking and Finance. – 2010. – № 34(12). – P. 2929-2940.

8. Amador J. S., Gómez-González J. E., Pabón A. M. Loan growth and bank risk: New evidence // *Financial Markets and Portfolio Management*. – 2013. – № 27(4). – P. 365-379.
9. Igan D., Pinheiro M. Credit growth and bank soundness: Fast and furious // *IMF Working Papers*. No. 11/278. – 2011. – 27 p.
10. Fenech J.-P., Yap Y. K., Shafik S. Can the Chinese banking system continue to grow without sacrificing loan quality? // *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. – 2014. – № 31. – P. 315-330.
11. Nurhuda N., Zulkefly A. K. The Relationship Between Household Credit and Banking Stability in Malaysia: Panel Evidence // *Gadjah Mada International Journal of Business*. – 2021. – № 23(2). – P. 155-172.
12. Статистические данные [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального банка Республики Казахстан. – б. д. – URL: <https://nationalbank.kz/ru/page/denezhno-kreditnaya-statistika> (Дата обращения: 01.02.2023).
13. Отчет о финансовой стабильности Казахстана 2021. – Нур-Султан: Национальный Банк Казахстана, 2022. – 155с.
14. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. – М.: Эконов, 2000. – 375 с.
15. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // *Психологический журнал*. – 2003. – Т. 24. № 4. – С. 31-42.
16. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. – ИПП «Гуманитарный центр», 2005. – 632 с.
17. Laibson D. Golden eggs and hyperbolic discounting // *Quarterly Journal of Economics*. – 1997. – № 112(2). – P. 443-477.
18. Camerer C. F., Loewenstein G., Prelec D. Neuroeconomics: why economics needs brains // *Scandinavian Journal of Economics*. – 2004. – № 106(3). – P. 555-579.
19. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // *THESIS*. – 1993. – № 1(3). – С. 16-38.
20. Ариели Д. Предсказуемая иррациональность. Скрытые силы, определяющие наши решения. – М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2010. – 336 с.
21. Акерлоф Дж., Шиллер Р. Животный дух (*Spiritus Animalis*), или как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма / пер. с англ. Д. Прияткина. – М.: Юнайтед Пресс, 2011. – 273 с.
22. Талер Р., Санстейн К. *Nudge: Архитектура выбора*. – М: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 240 с.

REFERENCES

1. Freitakas, E. and Mendelsonas, T. (2015). Research problems in analysis of relationship between financial stability and aggregated debts. *KSI Transaction on Knowledge Society*, 8(1), 14-18.
2. Büyükkarabacak, B. and Valev, N. T. (2010). The role of household and business credit in banking crises. *Journal of Banking and Finance*, 34(6), 1247-1256.
3. Salas, V. and Saurina, J. (2002). Credit risk in two institutional regimes: Spanish commercial and savings banks. *Journal of Financial Services Research*, 22(3), 203-224.
4. Nkusu, M. (2011). Nonperforming loans and macro-financial vulnerabilities in advanced economies. *IMF Working Papers*, No. 11/161, 27 p.
5. Louzis, D. P., Vouldis, A. T. and Metaxas, V. L. (2012). Macroeconomic and bank-specific determinants of nonperforming loans in Greece: A comparative study of mortgage, business and consumer loan portfolios. *Journal of Banking and Finance*, 36(4), 1012-1027.
6. Leaven, L. and Majnoni, G. (2003). Loan loss provisioning and economic slowdowns: Too much, too late. *Journal Finance Intermediate*, 12, 178-197.
7. Foos, D., Norden, L. and Weber, M. (2010). Loan growth and riskiness of banks. *Journal of Banking and Finance*, 34(12), 2929-2940.

8. Amador, J. S., Gómez-González, J. E. and Pabón, A. M. (2013). Loan growth and bank risk: New evidence. *Financial Markets and Portfolio Management*, 27(4), 365-379.
9. Igan, D. and Pinheiro, M. (2011). Credit growth and bank soundness: Fast and furious? *IMF Working Papers*, No. 11/278, 27 p.
10. Fenech, J.-P., Yap, Y. K. and Shafik, S. (2014). Can the Chinese banking system continue to grow without sacrificing loan quality? *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, 31, 315-330.
11. Nurhuda, N. and Zulkefly, A. K. (2021). The Relationship Between Household Credit and Banking Stability in Malaysia: Panel Evidence. *Gadjah Mada International Journal of Business*, 23(2), 155-172.
12. Statistical data. (n.d.). Official website of the National Bank of the Republic of Kazakhstan. Retrieved February 1, 2023, from <https://nationalbank.kz/ru/page/denezhno-kreditnaya-statistika> (In Russian).
13. Otchet o stabilnosti Kazakhstana 2021. (2022), Nur-Sultan, National Bank of Kazakhstan, 155 p. (In Russian).
14. Keynes, J. M. (2000). *Obshchaya teoriya zanyatosti, procenta i deneg* // *Antologiya ekonomicheskoy klassiki*. Ekonov, Moscow, 375 p. (In Russian).
15. Kahneman, D. and Tversky, A. (2003). Racional'nyj vybor, cennosti i frejmy. *Psikhologicheskij zhurnal*, 24(4), 31-42 (In Russian).
16. Kahneman, D., Slovik, P. and Tversky, A. (2005). *Prinyatiye resheniy v neopredelennosti: Pravila i predubezhdeniya*, IPP, «Gumanitarnyy tsentr», 632 p. (In Russian).
17. Laibson, D. (1997). Golden eggs and hyperbolic discounting. *Quarterly Journal of Economics*, 112(2), 443-477.
18. Camerer, C. F., Loewenstein, G. and Prelec, D. (2004). Neuroeconomics: why economics needs brains. *Scandinavian Journal of Economics*, 106(3), 555-579.
19. Simon, H. (1993). Racional'nost' kak process i produkt myshleniya. *THESIS*, 1(3), 16-38 (In Russian).
20. Arieli, D. (2010). *Predskazuyemaya irratsional'nost'*. *Skrytyye sily, dostigayushchiye nashikh resheniy*, Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 336 p. (In Russian).
21. Akerlof, G. and Shiller, R. (2011). *Zhivotnyy dukh (Spiritus Animalis), ili kak chelovecheskaya psikhologiya upravlyayet ekonomikoy i pochemu eto vazhno dlya bor'by s kapitalizmom* / translated from English by Priyatkina, D., Moscow, Yunayted Press, 273 p. (In Russian).
22. Thaler, R. and Sunstein, K. (2017). *Nudge: Arkhitektura vybora*, Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 240 p. (In Russian).

**THE IMPACT OF CONSUMER CREDIT ON THE STABILITY OF THE BANKING SYSTEM:
ANALYSIS OF ECONOMIC AND PSYCHOLOGICAL FACTORS**

D. B. Kanagatova^{1*}, N. S. Kenzhaliyeva¹

¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the research is to determine the impact of consumer lending on bank sustainability and to assess its dependence on economic indicators.

Methodology. The research methodology is based on qualitative and quantitative approaches. The methods of regression analysis, transformation of analytical data mapping, analysis and synthesis were used in the article.

Originality / value of the research lies in the fact that the authors have determined the dependence of consumer lending on both macroeconomic and psychological factors on the basis of calculations.

Findings. The authors, through econometric calculations, obtained the consumer function as the main indicator of aggregate demand, which affects economic growth. They revealed a low dependence of consumer

credit on: interest rate, average monthly income of the population and inflation. The result of multiple regression showed that macroeconomic factors explained only 43,3 % of consumer credit growth. Along with this, the authors identified a significant impact of consumer credit on imports and gross value added of trade.

Based on qualitative analysis, the authors calculated the Consumer Sentiment Index (CCI), based on a survey of 128 respondents. The survey found that consumers are optimistic and highly susceptible to psychological instruments of influence, such as marketing and promotions. Also, the authors believe that the perception of debt burden and credit availability influenced the dramatic growth of this banking product.

Arguing their assumptions by citing contemporary research by economists, the authors determined that changes in demand for consumer credit are determined more by psychological factors than economic ones. The increase in household final expenditures was due to an increase in consumer credit, which stimulated aggregate demand in the short run and thereby influenced economic growth. At the same time, in recent years in Kazakhstan, lending to households has outpaced lending to industries and the ratio of household debt to GDP has been increasing. This trend may lead in the long run to bank defaults and economic recession in the country. Based on this, the authors have proposed some recommendations to address these problems.

Keywords: Consumer credit, banking and financial stability, macroeconomic stability, psychological factors, cognitive distortions.

ТҰТЫНУШЫЛЫҚ НЕСИЕНІҢ БАНК ЖҮЙЕСІНІҢ ТҰРАҚТЫЛЫҒЫНА ӘСЕРІ: ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЖӘНЕ ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ФАКТОРЛАРДЫ ТАЛДАУ

Д. Б. Канагатова^{1*}, Н. С. Кенжеғалиева¹

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АҢДАТПА

Зерттеудің мақсаты – тұтынушылық несиелеудің банктік тұрақтылыққа әсерін анықтау және оның экономикалық көрсеткіштерге тәуелділігін бағалау.

Зерттеу әдістемесі сапалық және сандық тәсілдерге негізделген. Мақалада регрессиялық талдау әдістері, аналитикалық деректерді түрлендіру, талдау және синтез қолданылды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы – авторлар есептеулер негізінде тұтынушылық несиелеудің макроэкономикалық және психологиялық факторларға тәуелділігін анықтады.

Зерттеу нәтижелері. Авторлар эконометрикалық есептеулер нәтижесінде экономикалық өсуге әсер ететін жиынтық сұраныстың негізгі көрсеткіші ретінде тұтынушылық функцияны алды. Тұтынушылық несиелеудің пайыздық мөлшерлемелерден, халықтың орташа айлық табысынан және инфляциядан төмен тәуелділігі анықталды. Жиынтық регрессия макроэкономикалық факторлардың тек 43,3 %-ға тұтынушылық несиелеудің өсуін түсіндіретінін көрсетті. Сонымен қатар, авторлар тұтынушылық несиелердің импортқа және сауданың жалпы қосылған құнына айтарлықтай әсерін анықтады.

Сапалы талдау негізінде авторлар 128 респондент қатысқан сауалнама негізінде тұтынушылық көңіл-күй индексі (CCI) есептеді. Сауалнама нәтижесі бойынша тұтынушылар оптимистік көңіл-күйге ие әрі маркетингтік және жарнамалық акциялар сияқты психологиялық әсер ету құралдарына өте сезімтал екендігі анықталды. Сондай-ақ, авторлар осы банктік өнімнің күрт өсуіне қарыз ауыртпалығын қабылдау және несиенің қолжетімді болуы әсер етті деп санайды.

Өз болжамдарын экономистердің заманауи зерттеулеріне сілтеме жасай отыра дәлелдеп, авторлар тұтынушылық несиелерге сұраныстың өзгеруі экономикалық емес, психологиялық факторлармен түсіндірілетіндігін анықтады. Үй шаруашылықтарының түпкілікті шығындарының өсуі тұтынушылық несиелендірудің ұлғаюына байланысты деп айтуға болады, бұл қысқа мерзімде жиынтық сұранысты ынталандырды және осылайша экономикалық өсуге әсер етті. Сонымен қатар, соңғы жылдары Қазақстанда үй шаруашылықтарын кредиттеу өндірістерге берілетін кредиттерден озып кетті және үй шаруашылықтары борышының ЖІӨ-ге қатынасы артып келеді. Бұл үрдіс ұзақ мерзімде банктердің

дефолтына және экономикалық рецессияға әкелуі мүмкін. Осыған сүйене отырып, авторлар осы мәселелерді шешу үшін кейбір ұсыныстар жасады.

Түйін сөздер: Тұтынушылық несие, банктік және қаржылық тұрақтылық, макроэкономикалық тұрақтылық, психологиялық факторлар, когнитивті бұрмаланулар.

ОБ АВТОРАХ

Канагатова Дина Баубериковна – кандидат экономических наук, PhD, Коуч (ICF), Академия спорта и туризма, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: 11227799@mail.ru*

Кенжеғалиева Нұрлы Саматқызы – магистрант, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: nurly.kenzhegalievva@narhoz.kz

Central Asian Economic Review №2 (149) 2023
Жазылатын индекс / – 74002

Редакторлары / Редакторы – **А.Ж. Сарсембаева**
Компьютерде беттеген / Компьютерная верстка – **А.Т. Акылова**

Басуға / Подписано к печати 28.04.2023

Пішімі / Формат 70×100^{1/8}.

Көлемі б.т./ Объем 22,6 п.л. / Есептік б.т. / Уч-изд. 21.04 п.л. / Шартты б.т./ Усл. 17,1 п.л.

Таралымы / Тираж 300 дана /экз.

«Фортуна полиграф» баспасы» ЖШС / ТОО «Издательство «Фортуна полиграф»
050063, Алматы қаласы, 1-ықшам ауданы, 81-үй / 050063, г. Алматы, 1-микрорайон, д. 81.

Fpolygraf@bk.ru

Тел: +7 701 787 32 92, +7 771 574 57 05,
+7 701 940 76 86

